

МК

ІОСИФЪ
ВЪ
ДЕВЯТИ ПѢСНЯХЪ
СОЧИНЕНІЯ
Г. БИТОБЕ

Томъ II.

Печатанъ при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ, 1769. года.

10

10

OP
III
YE
A
BA
HE
II
M
CH
CB

ІОСИФЪ.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Іосифъ, оставшися одинъ, по-
груженъ былъ долгое время
въ глубокое уныніе; но вдругъ
нѣкимъ шумомъ привлеченъ
онъ спалъ ко вниманію: скоро пошомъ
темничные опроверзаются врата, и два
узника приводятся въ шемницу: одинъ
Аменофисомъ, другій Дарбаломъ назы-
вались: они въ багряныя ризы одечен-
ны; злато и камни драгоценныя, укра-
шающіе ихъ одежду, блистающъ въ семъ
мрачномъ жилищѣ. Плачущіе отъ яро-
спи и смущенія, хотѣли они сокрыти
свои слезы. Въ нихъ видна была тор-

дыня съ низкоспю смѣшенная: то въ-
ражѣ они грознымъ окомъ на воиновъ
ихъ окружающихъ, то просятъ смирен-
но ихъ покровительства: но, дерзость
и прошеніе ихъ равно были щепотны,
заключенныхъ въ темницѣ долгое время
слухъ ихъ пораженъ былъ торжествую-
щимъ крикомъ множества людей.
Они блѣднѣху, и сокрывъ въ сердцѣ
своемъ злобу, умолкаху.

Но наконецъ опчаяніе уснами ихъ
изъявляеся. То взаимными упреками
они себя обременяху: то каждый о-
бращаетъ свою ярость на самого себя.
Дарбалъ виновите еще Аменофиса, ко-
торый имъ вовлеченъ сталъ въ сію без-
дну, подобенъ былъ вепрю удержанному
въ сѣняхъ; онъ скрежеталъ зубами;
пѣна покрывала горящія уста его; очи
его блискали пламенемъ во мракъ, и
воплъ его по темничнымъ сводамъ раз-
давался. Оба они не терпѣли быти за-
ключенны съ рабомъ во единую темницу.
Между тѣмъ Юсифъ, спокоенъ въ
нѣщастіи, ни единыя не произносилъ
жалобы: иногда слышны токмо были
его воздыханія. Смягченный опчаяніемъ
двухъ преступниковъ, забываетъ онъ
соб-

Собственные свои бѣдствія, хочетъ ихъ утѣшить, и обращая къ нимъ гласъ свой, коего пріятность могла бы шигровъ смягчить: „уже долгое время, рекъ онъ имъ, обитаю я безвинно въ семъ жилищѣ”

„Невольникъ! прерываетъ Дарбалъ спрашивнымъ гласомъ, или дерзаетъ ты сравниться съ нами? иль много мѣсто сіе разнствуетъ съ тою жижиною, въ которой ты жилъ прежде? избавясь отъ работы, еще ли не блаженъ ты, могущи здѣсь покоемъ наслаждаться?”

Умолкаетъ Іосифъ. „Не взирая на ихъ злодѣянія, рекъ онъ самъ въ себѣ: я жалю о судьбѣ ихъ, но они нагонимую не сжались невинность! Гдѣ ты сладкій гласъ дружества, изливающий въ сердце мое нѣкую опраду, гдѣ и въ о нѣжные узы, подкрѣпляющіе трость слабую колеблемую вихремъ?” Сіе ему вѣщающу, слѣзы изъ очей его лиются.

Но превѣчный, съ высоты того престола, съ коего единою точкою вся кажется вселенная, останавливаетъ на сей землѣ взоры свои, проникающіе паче дневнаго свѣтила, коего лучи пронзаютъ глубочайшія бездны. Небесные

круги, подобные спѣнѣ непрестанно
 движущейся, не закрываютъ онѣ него
 ни единого вида, и во звучномъ оныхъ
 гласѣ, составляющемъ единую пѣснь съ
 бесплошными, слышитъ онѣ воздыха-
 ніе каждаго несѣкомаго, и паденіе ли-
 стна въ семѣ опдаленномъ кругѣ. Въ
 сей часѣ не взираетъ онѣ ни на царскіе
 чертоги, ни на окровавленные трофеи,
 ни на красоту природы, ни на бѣдную
 сѣнь, на которую онѣ часто взоръ свой
 обращаетъ, ни на самого мужа правед-
 на, живуша во блаженствѣ. Величайшее
 зрѣлище привлекаетъ его вниманіе; до-
 бродѣтель сражается съ нещастіемъ, и
 надъ онымъ торжествуетъ. Когда Аме-
 нофисъ и Дарбалъ ругаются Іосифу,
 тогда превѣчный взираетъ на сіе сквозь
 непроницаемые темничные своды. Ма-
 лое для зрѣлища мѣсто, но для тако-
 ваго зрителя пространнѣйшее всея все-
 ленныя! Въ самое то время разитель-
 ные виды представляютъ Іосифа небе-
 сному воинству; оно услышало его воз-
 дыханія, и узрѣло его слѣзы. Наспа-
 етъ велия тишина на небесахъ; прекра-
 щается пѣніе; пріятное сожалѣніе объ-
 емлетъ всѣхъ безмерныхъ, и изъ
 всѣхъ

всѣхъ очей текутъ такія слѣзы, какъ-
выя въ блаженномъ жилищѣ проливаю-
ся. По семъ единомъ возрѣніи пре-
вѣчнаго, Іосифъ преспаетъ въздыхаши,
остановляюся его слѣзы, и удивлен-
ному его взору представляется опѣвер-
стный видъ пущи веселаго: тако, при
первыхъ лучахъ свѣтила, оживляющаго
міръ, оживошворяется природа, преходя-
щія пѣни оплещаютъ, веселіе въ рощи
возвращается, и каждую минушу восхи-
щенное око зрѣтъ новую пріятность.

Между пѣмъ безсмертное воин-
ство, подѣмля очеса свои ко престолу
превѣчнаго, обѣ Іосифъ моленія прино-
ситъ. Скоро облака, окружающія свѣто-
зарный престолъ, разверзаются, и да-
ютъ пущь пріятному свѣту, веселя-
щему всю природу, и гласъ, несравненно
сладостнѣйшій пѣнія безсмертныхъ, про-
износитъ сіе слово. „Восхопѣхъ пре-
мудрость искуспи нещастіемъ; восхо-
пѣхъ повѣдаши землѣ, что въ юности
можешъ человѣкъ быти непороченъ, и
явиши небесамъ, что умаленный онъ
Ангеловъ человѣкъ, можешъ имъ быти
равенъ, естли онъ въ злополучіяхъ
своихъ невинность сохраняешъ. Нынѣ,

силою изъ небытія въ бытіе свѣтъ привелшею, да превратилися злое во благое, и да познають ропшущіе десницу мою, никогда праведнаго неоспаляющую. Рекъ онъ, и ходатайствующаго Египту духа, Иштурила къ себѣ призываетъ.

Въ срединѣ Абиссиніи, окруженный неприспущными каменными горами, подобными уединенному, древнему и лиственнаму лиственному лѣсу, пребывалъ сей духъ близъ Нилова изходища. Какъ прекрасное древо, шворящее плоды утоляющіе жажду, возвышается едино въ пустынь, и подъ тѣнь его приходилъ иногда мудрый, градскаго бѣгущій шума наслаждавшися тишиною: тако сей источникъ плодотворный прошекалъ среди неплодныхъ камней. Никогда не проникалъ шуда смертный, и духъ, по примѣру Божества, невидимъ былъ человѣку, дарами его обогащенному. Дикіе камни, журчащія воды, кои не обращаютъ на себя несмысленнаго человѣческаго ока, открываютъ ему величество Создателя; сіи камни по виду неодушевленные, изобилуютъ живыми тварями, и изъ изходища сего всѣ сокровища Египта ищуща. Иногда, разрушивъ
сущее.

существа даже до ихъ первыхъ спихій, парилъ онъ вверху, и носился по пространству всея вселенныя: пошомъ, пріавъ опдохновение отъ пупи человека, неизмѣримаго, и спокоясь у вола Ниловыхъ, око его шеряется въ міръ равно неизмѣримомъ, въ міръ малѣйшихъ произведеній природы.

Внемля гласу превѣчнаго, возлетаетъ онъ быстро къ небесамъ, доспигаеъ до престола величія, и предъ онымъ проспирается. Пріавъ вышнее величїе, распускаетъ крыіа свои, и ввергается въ безконечное пространство, ошверстное стопамъ его. — Прелетаетъ вселенную, и колико видитъ міровъ, толико важныхъ мыслей вдругъ въ немъ раждается. Съ высоты солнца, гдѣ на единъ мигъ остановился, зрѣтъ онъ сей шаръ, покрытый густою тьмою суевѣрія и злодѣянїя, зрѣтъ онъ смертныхъ ходящихъ въ семъ мракѣ, шераемыхъ люшыми спрастными, подобныхъ мравіямъ въ темныхъ разсѣлинахъ камня движущимся. Онъ слетаетъ съ солнца, и сіяніемъ своимъ кажется самъ опшоргшеюся свѣтила сего часпю. Между тѣмъ окруженный

облакомъ, достигаетъ онъ до темницы
Іосифовой: едва шамо онъ является,
уже темничные опверзаются врага:
входишь онъ: нѣкій блескъ освѣщаетъ
мрачные своды, и благоуханіе въ семъ
жилищѣ распространяется: казалось,
что аврора, полъ въ шу минушу освѣ-
щая, принесла въ сіе страшное мѣсто
свой пріятнѣйшій свѣтъ и сладчайшія
свои ароматы. Онъ приближается къ
Іосифу спящему спокойно; взираетъ на
него; провидящее око его не остано-
вляется на той бренной поверхности,
на которой любопытство наше преты-
кается: но, какъ видимъ мы ясно,
кашающееся по дну чистаго ручья, тако
видитъ онъ добродѣтели Іосифовы въ
ихъ источникѣ; онъ зритъ оныя разли-
вающіяся въ непорочномъ его сердцѣ,
текуція нѣкимъ образомъ во всѣхъ
жилахъ его, и все существо его ожи-
вляющія; чудится сему зрѣлищу; ни-
когда не зналъ онъ смертнаго толликаго
цѣломудрія и великодушія: потомъ о-
бращаетъ онъ очи свои на Аменофиса и
Дарбала, не толь спокойнымъ сномъ по-
гда уснувшихъ.

Въ сіе время не много отъ младенчества сѣмѣ удаленное, когда Богъ удостоивалъ людей своимъ явленіемъ: въ сіи послѣдніе слѣды дней благополучныхъ, когда человѣкъ забывалъ, что небо отъ земли удаленно, сны часто священными предвозвѣстниками были: они награждали слѣное наше невѣжество; будущее изображалось въ нихъ подъ нѣкими извѣстными знаками; и когда чувствуя обременяемы были сномъ подобіемъ смерти, тогда душа казалась оставляши оживляющееся ею тѣло, возлетавши къ небесамъ, и судьбѣ смертиныхъ и царствъ поучашися.

Іосифъ пріобыкши возставать съ авророй, отверзаетъ очи свои, видя пріятный блескъ, и сладкое обоняніе благоуханіе, чаще пренесенъ были въ нѣкую веселую роцу. Оба его союзники еще не пробуждались: сонъ радостный являлся Аменофису, но Дарбаль въ печальное мечтаніе были вверженъ казался. Оба они воспали въ единое время. И самая ночь, какъ Аменофисъ, умножаетъ мое изщасніе, изображая мнѣ дни моего благополучія. Видѣлъ я во снѣ моемъ виноградъ предъ собою, въ

виноградѣ же три лѣта порасли. Гроздія онаго изжалъ я въ чашу Цареву, и далъ ея въ руку его, слѣдуя сану моему. Въ самое по время, какъ обратился на меня Царь веселое око, и принималъ чашу изъ рукъ моихъ, я пробудился, и суди о моемъ опечаленіи, я обрѣлъ себя таки въ сей пещицеѣ! Едва онъ слова сіи окончалъ, уже стоящій возлѣ Іосифа Ишуріилъ, произнесъ нѣкія слова сладостнымъ гласомъ своимъ, подобнымъ пріятному вѣянію пишайшаго зефира, коимъ листья едва возколебались могутъ.

Іосифъ удивленный новыми мыслями, въ разумъ его раждающимися: „Сонъ твой поразилъ меня шодико, рекъ онъ Аменофису, что я не сомнѣюся объ опечаленіи твоёмъ въ сію минушу будущаго, посредствомъ нѣкоего высшняго ума. Я радуюся нынѣ возмогти разгнать души твоея смущеніе. Три лѣта порасли съ три дни, по скончаніи коихъ возвратишь тебѣ Царь милость свою, и поставишь тебя на прежнее достоинство. По сихъ словахъ Аменофисъ, восхищенный радостію, забываетъ гордость свою, устремляея къ невольнику, объемлетъ его, и кленется ему извести его изъ пещи-
пещи-

темницы вѣшъ самый часѣ, когда
возможешъ онѣ швориши людемъ благо
своею у Царя силою.

Тогда Дарбалѣ преспаѣ спрашнн-
ся, и лаская себя подобнымъ щасннмъ:
„Юный, сновѣ полковашель! рекѣ онѣ
Юсифу, внемли моему сновидѣнню. Ви-
дѣлѣ я при кошницы, наполненныя хлѣ-
бомъ на главѣ моей, пшнцы небесныя
слеталися кѣ нимѣ опшсуду; воздухѣ
возмущенѣ былѣ ихѣ сраженнмъ, и
спрашннй крикѣ ихѣ поражаетѣ еще
слухѣ мой.“ Рекѣ онѣ, и толковання
нечерпѣливо ожидаетѣ.

Ишурннлѣ откываетѣ вѣ другой
разѣ будущее Юсифу, который блѣднн
и жалоснню шерзаясь умолкаетѣ. Дар-
балѣ побуждаетѣ его вѣщати шансннно.
„Не вопрошай меня, рекѣ млдднй швол-
ннкѣ, опасно иногда прошнцати мрачѣ за-
крывающнй судьбу нашу!...“ „Я хочу
сего, я повелѣваю, прерываетѣ Дарбалѣ
рѣчь его, вѣщай, хотя бы ты и смернѣ
возвѣстнши мнѣ былѣ долженѣ.“ „Не
всегда приходнмѣ мы ко смершн пунемѣ
щвѣшати испещреннмъ!“ Опшвѣщаетѣ
умиленннй Юсифѣ. Тогда гордый Дар-
балѣ вознося грозннй гласѣ свой: „ешъ-

ли ты помедлишь еще единую минуту, рекъ онъ, но извлеку духъ твой.” „Ты хочешь сего! свидѣаетъ съ крошечною Іосифъ. Идай . . . чмо по шрехъ дндхъ . . . поспигнетъ тебя казнъ.” Произнося сіи слова, кажется онъ судію исполненнымъ чловѣческа, который осуждай пресшупника воздыхаетъ. Дарбалъ блѣднелъ, трепещелъ, колеблелся, и упадаетъ къ ногамъ юнаго невольника, который раздражаемъ былъ его гордосію. Ишуринъ сокрылся: съ нимъ ошлелаетъ прілиный блескъ шмницу освѣщающій, подобно вечерней зарѣ во мракъ угасающей. Прешекли шри дни, Аменофисъ возпріемлетъ прежній санъ свой, а Дарбалъ опиводилъ на казнъ.

Іосифъ, оставшися одинъ, чудилъся исполненію своего шолкованія. Онъ мнилъ, что превѣчный будущее ему ошкрывая, не вовсе его еще оставилъ. Между шѣмъ хошелъ онъ проникнуть мрачную ноцъ собственную его судбу сокрывающую. Аменофисъ, упоенный новымъ своимъ благополучіемъ, и ошвлеченный веселіемъ и забавами ошъ нещаснаго, забылъ обвинаніе свое Іосифу:

но

но Ишуріилъ, спалъ ужѣ самъ ходаша-
емъ его.

Ночь, раздѣляющая съ солнцемъ
владычество мира, приближалась тихо,
и горы, долины, пасырскія хижины,
и града, смѣшенные во мракъ, предс-
ставляли тогда взору видъ печальный и
единообразный. Царь Фараонъ въ глу-
боки сонъ былъ поверженъ: чертоги его
окруженные спражею, для смертныхъ
были неприспупны: но Ангелъ Египта
нося божественное велѣніе, проникаетъ,
съ возъ спражу во внутренніе черто-
ги, и невидимый никѣмъ приближающа-
къ спящему Монарху, и полъ спраш-
ными изображеніями будущее ему пред-
ставляетъ. Успрашенный Царь пробу-
ждается, и не можетъ на одрѣ своемъ
обрѣсти покою. Смущеніе его не ра-
тало пришествіе дневнаго свѣтила; онъ
возснаетъ въ шестъ часъ, въ который
сонъ бѣжитъ отъ очей селянина, и при-
зываетъ къ себѣ Пеншефрія и всѣхъ
знапныхъ вельможъ своихъ.

Въ срединѣ Ливіи стоитъ храмъ, дре-
вностію всѣхъ прочихъ превосходящій;
онъ былъ суеврія жилищемъ: нечисное
сего чудовища дыханіе премѣнило сіи пре-
красныя

красныя мѣста на знойные пески: оно избрало сіе уединеніе для того, чтобы лучше сокрыши обманъ свой, и привлеци къ себѣ смертныхъ силою любопытства. Гордость, страхъ и лукавство суть служители его владычія. Тусклый огонь горитъ въ его очахъ. Смущенно, безпокойно, и зная, что нѣкогда, изгнанно сущи отъ земли, повергнется паки во адъ, изъ коего оно вышло; держитъ въ рукахъ своихъ темную завѣсу, кою очи смертныхъ покрываетъ, и о средствахъ власнѣ свою продолжити помышляетъ. Въ то время люди ходили во Египетъ принимати его предвѣщаніе, и изъ ибдръ сея пусыни разливался ядъ по всей поверхности земли. Часно воздѣ самыхъ Царей сидѣло оно на престолѣ.

Едва познало оно смущеніе Фараона, уже всѣхъ сказателей и сподповъ своего владычества во едино мѣсто собираетъ. Всѣ они шествуютъ къ царскимъ чертогамъ, одни смѣясь безумію людскому, а другіе погрязши въ предрасудкѣ, сами собою обмануты были. Вступаютъ они въ домъ Царя своего, и онъ унижаетъ себя повѣдаши имъ сны, душу его возмущающіе:

Но

Но, о чудо! мертвѣютъ сказатели; уста ихъ, шоліко леснѣю изобилующіе, долгое время не отверзались; подвижныи силою Ишуріла, въ первый разъ воздаютъ они истиннѣ свидѣтельство, и признаются, что непроницаемая завѣса будущее отъ нихъ сокрывается. Тогда духъ возбуждаетъ воспоминаніе объ Іосифѣ въ душѣ Аменофиса, кошорый приспуня къ Царю, возвышаетъ ему, что заключенный во единую темницу съ нимъ и Дарбаломъ невольникъ, кошорый, кажется, никосму непричастенъ злодѣанію, повѣдалъ имъ судьбу ихъ изъ сновъ ими видѣнныхъ. Тогда повелѣваетъ Царь привести къ себѣ невольника.

Іосифъ, забывъ Аменофиса и сны исполкованные собою, погруженъ былъ въ первое свое уныніе. Внезапу отверзаются темничные врата, приближаются къ нему воины, и вѣщаютъ ему волю Цареву, вести его въ плонъ самый часъ ко престолу. Удивленіе и страхъ возмущаютъ его дѣшу: но принужденный повиноватися, колеблющимися снопами выходитъ онъ изъ темницы: многочисленныя воины его препровождаютъ

юшѣ : бренное око его , кѣ темнотѣ прі-
обыкшее , едва можетъ взирати на сла-
бый свѣтъ раждающагося дня.

Фараонѣ , сѣдя на златомѣ престо-
лѣ , окруженѣ былѣ знатнѣйшими двора
своего : чело его увѣчанно было бли-
стающимѣ вѣщемѣ , скипетрѣ держалѣ
онѣ въ своей десницѣ . Входящѣ Іосифѣ
въ чертоги , и пренесенѣ ко престолу
приближающа . Спращившася онѣ того ,
чтобѣ не возложили на него новыя ви-
ны , и нѣкое время былѣ онѣ ослѣпленѣ
сіянемѣ величества . Но невинностію
своею укрѣпленный и ободренный жода-
шаемѣ Египта , кошорый , невидимо
лежалѣ надѣ нимѣ во облакѣ , вѣщающѣ
онѣ самѣ въ себѣ , что сіе великолѣпіе
украшающѣ шокмо смершнаго ; мыслию
своею возвышающа онѣ онѣ един го
міра кѣ другому до самаго Царя вселен-
ныя , и тогда видимая имѣ пышность ,
кажуща ему единою мечною . Какѣ
нѣкѣй изѣ умовѣ небесныхѣ , естли бѣ
въ видѣ чловѣческомѣ сошелѣ на сію
землю , сохранилѣ бы онѣ тогда вѣчную
юность небесныхѣ жителей , плѣнилѣ бы
сердцѣ прѣлностію своея юности , и
прѣлѣ бы почишаніе приносимое старо-
сти :

сти: тако Іосифъ юнѣ сущи, но бѣдствіемъ наученный являеиъ предъ симъ многочисленнымъ дворомъ. Царь взираеиъ на него: колико гордосиъ и лукавсво видны были на лицахъ сказашелей, толико истинна и кротосиъ на лицѣ Іосифовомъ блиспали. Суетвѣріе, ласкающее себя возвышеніемъ славы своея, возмушилось, и въ нѣдра своея пустыни побѣгло. Всѣ очи на него спали обращены; видя его забываютъ, что видятъ раба предъ собою, и толико въ сердцахъ сильна непорочносиъ, что казался тогда Іосифъ самъ быти Государемъ. Но никто видомъ его толико пораженъ не былъ, колико Пенсифрій. Прежде онъ не позналъ его; и сколь велико было удивленіе и гнѣвъ его, раба своего видя! Младый Израильтянинъ спрѣшя взоры его, позналъ его въ той самый часъ; онъ становишся неподвижимъ, и чувспвованіе дружесства и скорби терзаетъ его дѹшу.

Наконецъ прерываетъ Царь сіе долготое молчаніе. „О ты! рекъ онъ, одаренный отъ небесъ премудростію паче всѣхъ смертныхъ, и претерпѣвшій лютейшія нещасія, вѣдай, опкрывай
Томъ II. К намъ

намъ будущее таинство. Присутствіе твое утверждаетъ справедливостъ славы твоея, и на устахъ твоихъ истина обиятани кажется. Небеса послали мнѣ въ ночь сію два сновидѣнія. Казалось мнѣ, что я по брѣгу Нилову гуляя, видѣлъ исходящихъ изъ рѣки семь кравъ шучныхъ, добрыхъ видомъ и бѣлизны прелестныхъ. Но другія черныя и безобразныя, и шоль изсохшія, какъ смерть, послѣдуютъ за ними, пожирающіихъ, и сохраняющіихъ еще ужасный видъ свой. Возсталъ я видѣніемъ симъ устранный, уснуddъ паки, и второй сонъ возмушилъ мою дѣшу. Класы злапые, цвѣтущіе и зернами своими согбенные исходили изъ единаго стебля. Другіе неплодные, пустые и испонченныя знойнымъ вѣтромъ, израсптываютъ по нихъ, поглощаютъ ихъ и неплодными и тонкими остаются. Въ самое то время нѣкій гласъ возвѣспилъ мнѣ, что сны сіи ошъ Бога сунъ, и что часше царства моего ошъ нихъ зависишь. Вѣдай! естли дѣло идешь о спасеніи народа моего, то можешь быть благодѣтельное божество разумъ твой на пользу намъ наставишь."

Такъ

Тако вѣщаль ФараонѢ, и молчаніе долгое время ничемъ не прерывалось. Какъ пошѢ безсмертный умъ, другѢ небесѢ, который уснремяя на звѣзды алчные свои взоры, и горя желаніемъ имѣнн преславное имя вселенныя гражданина, кажеиъся хотѣющимъ возвыситься далеко отъ земли, и носиться со всѣми сими мірами въ блистающемъ ихъ шеченіи; но вдругъ просвѣщенный, можеиъ быиъ нѣкою небесною силою, созидаеиъ онѢ новыя чувства, и соииво-ряеиъ чудесную трубу, припягающую ко взору его вселенную, тако ІосифѢ зрииъ будущее, какъ бы въ пространствѢ неизмѣримомъ, мрачномъ, и отъ коего слабыя нѣкія излешаюиъ искры, когда ИшуріидѢ подѣмлеиъ гусиую завѣсу, отдѣляющую шо, что естѢ, отъ того, чему быиши долженствуетѢ; въ шо время юный ИзраильшанинѢ видиѢ свѣиъ истинный, и уснремяся на обонѢ полѢ міровѢ, чинаеиъ онѢ книгу судебѢ превѣчнаго. „Царю! наконецъ вѣщаеиъ онѢ, истинну реку: Божество воз-хищаеиъ духѢ мой, не безсильные боги ЕгиптомѢ почиаемые, но СущестѢо всевышнее, великое, Создатель и Го-
К 2 сподѢ

сподѣ природы. Будущее для него есть то самое, что для насъ настоящее; единымъ взоромъ объемлетъ онъ всѣ вѣки и всю вселенную: онъ вѣщаетъ себѣ вѣ сѣю минушу; а я слабый шокмо воли его предвозвѣспникъ. Сѣи пучныя кравы, изшедшія изъ Нила, и сѣи класы цвѣтущіе знаменуютъ лѣта плодоносныя; но изсохшія кравы, и класы испонченныя, являютъ великій гладъ, послѣдующій изобилію.”

Рекъ онъ, и смяшеніе разпроспирася на челѣ Царя и знашнѣйшихъ вельможъ его. „О! ты, коего небеса просвѣщаютъ, рекъ Фараонъ Іосифу, не можешь ли ты предложиши мнѣ средства къ опвращенію сея на насъ кáзни?”

„Да поставишъ Царь надъ Египтомъ, опвѣщаетъ Іосифъ, да поставишъ мужа разума и праведна, который вѣ лѣта плодоносныя, да соберетъ часнъ земныхъ произращеній, для охраненія народнаго отъ глада.

Кропкое увѣреніе усны его вѣщали. Совѣтъ сей удовольствовало Царя и вельможъ его: большая оныхъ часть полъ славнымъ ласкаютъ себя саномъ. Народъ! народъ несчастный! Уже насыща

щаюся они мысленно пищею твоею,
и вмѣсто спасенія твоего отъ глада,
уже готовы они были явиться нищему
твою въ плодоносныя дѣла! Когда о
семъ они размышляютъ, Фараонъ обра-
щаетъ тогда слово свое ко Іосифу:
„Тебя надъ Египтомъ поставляю, рекъ
онъ, всѣ подданные мои чиниши будущъ
твой повелѣнія, и единый токмо я
превыше тебя буду. Гдѣ могу я обрѣ-
сти мужа праведнѣйша, и мужа тебя
премудрѣйша? Безъ сомнѣнія Богъ успы-
твоими вѣщающій, посылаетъ тебя
сюда для обратенія грозящаго намъ
казни. Я волѣ его повинуюсь; блажен-
ны Цари, могущіе свой скипетръ тако-
вымъ ввѣрять подданнымъ! Какую вину
на тебя могли возложить? Все въ тебѣ
являетъ непорочность; сами небеса тебя
оправдаютъ: нѣтъ, невиненъ ты ни
въ чемъ, когда тебѣ они открываютъ
свои тайны.” Вѣщая сіе, снимаетъ онъ
перстень съ руки своей, и подаетъ
оной Іосифу, который отъ удивленія
безгласенъ сталъ и неподвижимъ. Вель-
можи, ожидающіе сего великаго сана,
перзаются завистію; но припворная
пищина и ласковое удовольствіе на ли-

цахъ ихъ является: тако бываетъ иногда спокойная поверхность Океана, въ самое то время, когда во глубинѣ морской ужасная подбѣмляется буря.

Іосифъ прервавъ наконецъ молчаніе : „Милосни швои, рекъ онъ, удивляють меня и восхищаютъ, но я не могу оныя пріяни. Я не знаю, какую на меня вину возлагають. Кленуся Богомъ, открывшимъ мнѣ будущее, кленуся симъ священнымъ престоломъ, гдѣ царствуетъ истина, кленусь, что я невиненъ. Какъ возмогъ ты, Пеншефрїи великодушный! внимани клеветѣ, и изъ объяшій своихъ опягошилъ меня бременемъ тѣва швоего? повели ввергнуши меня паки въ темницу, изслѣдуй дѣла мои, принеси свѣтъ во глубину моего сѣрдца, и естли виновенъ я, да накажетъ меня Царь, предъ коимъ я сіе вѣщаю. Естли обрядешь ны меня невинна, я не желаю величества; возврати доброе обо мнѣ свое мнѣніе, швое ко мнѣ дружество, и я въ домъ опцевъ моихъ спокойно возвращуся. А естли сія милоснь велика для меня, ежели я всегда несчастенъ быти долженъ, повергни паки меня въ рабство; дни мои скончаются

чаются въ слезахъ; но я тебѣ пребуду вѣренъ, и вся жизнь моя удословлю тебѣ о моей невинности." Произнося сіи слова, проливалъ онъ слезы.

Возмущенный сими словами Царь обратился на Пенсепрія грозное око; сами придворные вельможи шѣмъ пропущены были. Тогда изъ облака, коимъ Ангелъ Египта окруженъ былъ, изходитъ лучъ свѣтлый, который, непроницаемъ окомъ смертныхъ, снисходитъ на супруга Далуки, и мрачное подозрѣніе оцѣ душъ его оглохаетъ. Внезапно прежнее дружелюбіе ко Іосифу возбуждается въ сердцѣ его; онъ обращенъ на него свои взоры; пораженный его чистосердечіемъ и великимъ духомъ, упадетъ онъ къ ногамъ его, и рѣки слезъ сіи его слова препровождать. „Великій Боже! такъ было злобно сердце мое! Я возмогъ невинность униженіи! Іосифъ! другъ мой возлюбленный! (ссылая смѣю я тебѣ симъ именемъ названн) душа моя перзаеся . . . раскаяніе до гроба послѣдуетъ за мною, и возмутитъ прахъ мой.... Ты рабъ мій! буди мій начальник! возходи на чреду, на кошую зовешъ

тебя добродѣтель, и казни меня
Я зрю въ твоихъ очахъ, что ты меня
прощаешь Фараонъ! Царямъ го-
нимую невинность опмидати подобаетъ;
яви милость свою Іосифу, и казни мою
вѣдай.”

По сихъ словахъ гнѣвъ царскій у-
крошается. Іосифъ возставилъ госпо-
дина своего; въ очахъ его долговре-
менною печалію опягченныхъ, блиста-
етъ радость съ нѣжностію смѣшенная.
„Свидѣтельство твое, возопилъ онъ,
свидѣтельство о моей непорочности,
и жестокое твое раскаяніе, велятъ за-
быти мнѣ всѣ мои несчастія. Среди
мрачныя темницы сохранялъ я воспо-
минаніе твоихъ благодѣяній: суди о
настоящемъ моемъ чувствіи, видя го-
сподина моего у ногъ моихъ лежаща!
Нынѣ другія милости я не желаю, ес-
ли только возвращенъ буду на мѣсто
моего рожденія. Колико узъ сердце мое
туда привлекаютъ! . . . Отецъ старо-
стію опягченный . . . Возлюбленная . . .
Есѣли еще живутъ они на свѣтѣ! . . .
Братія . . . Коликія слѣзы я оперти
долженствую! мнѣ ли пастырю овецъ,
мнѣ ли царствомъ управляти? О Царю!

да

да не раскаешься ты впредь о дарахъ своихъ.”

Рекъ онъ, и большая часть вельможей, коихъ любочестіе зашворило путь въ сердца ихъ чувствованіемъ природы, и которые не знали сего крошечнаго смиренномудрія, стали удивлены и довольны симъ оприцаніемъ. Между тѣмъ Пеншефрій привлекаетъ Иосифа ко принятію награды истиннымъ его добродѣтелямъ. Фараонъ удвоетъ свое о томъ моленіе. Тогда подобно слабымъ испочникамъ, опринованнымъ далеко отъ своего печенія великою рѣкою, и соединенными своими водами обливающимъ каменную гору къ небесамъ возвышающуюся, всѣ вельможи, премѣня любочестіе на ласку, единогласно съ Царемъ стараются смягчить сердце юнаго чужестранца. Иосифъ любуясь, ощущаетъ души своей колебанія. Умоляемый Царемъ, могущимъ употребить власть вмѣсто прошенія, чаеъ онъ внутри сердца своего слышати зовущій его гласъ Іакова и Селимы. Побѣждала природа, и уже къ опшествію готовый, удалялся онъ отъ престолоаи Пеншефрія смягченнаго, когда Боже-

К 5

ствен-

снвенный гласъ простираетъ къ нему
 сіе слово, слышимое имъ единымъ. „Не
 удаляйся отъ сихъ мѣстъ; Богъ, яви-
 вый тебѣ будущее, повелѣваетъ тебѣ
 остановиться въ Египтѣ. Зри спрану сію
 одержимую ужасомъ глада и корысно-
 любія вельможей: ты долженъ опвра-
 титься отъ нея обѣ сіи казни: превѣч-
 ный въ томъ помощникъ тебѣ будетъ.
 Ты усмиряешься обнять отца своего:
 буди здѣсь опцемъ народа.” Тако вѣ-
 щалъ Ишуринъ. Іосифъ останавлива-
 ется; возвращается, приближается къ
 престолу, и обращая къ Царю. „Уго-
 дно небесамъ, рекъ онъ, остановивши
 сладчайшее мое удовольствіе; я волю
 ихъ повинуюся, и жертвую тебѣ сво-
 имъ блаженствомъ. Доколь продолжиш-
 ся гладъ, я отсюда не отъйду, но когда
 казнь сія преспауетъ, позволю мнѣ
 внимати гласу единыя природы.” Рекъ
 онъ, и среди сея побѣды, когда вели-
 чество души его изображается на всѣхъ
 чертахъ его лица, слезы изъ глазъ его
 лиются: отъ сего неизреченнаго соеди-
 ненія величества и нѣжности, можно
 было видѣть, что онъ есть просвѣтъ
 токмо смертный. Веселящися Царь,
 воз-

возлагаетъ свой перстень на руку Иосифа; златая гривна украшаетъ его выю, и червленая риза просширается до ногъ его. Пеннѣррѣй объемлетъ его исполненный веселѣмъ.

Между шѣмъ изнутри царскихъ чертоговъ разпространяется повсюду слухъ о снахъ царевыхъ, и о толкованіи Иосифа. Смяшеніе, какъ быстрый пламень всеобщаго пожара, опѣ единого дому къ другому сообщается. Забывается изобиліе должествующее предшествоваши гладу, и яри бѣдностіи гражданъ, можно бы рещи, что началъ ужѣ онъ терзати сію страну.

Фараонъ повелѣваетъ воздати приношеніе добродѣтели въ торжествѣ великолѣпномъ, и явити народу избавителя Египта. Къ чертогамъ приближается колесница, кошорая движущимся кажется престоломъ, и гдѣ злато помрачено было сіяніемъ камней драгоценныхъ: шесть коней, бѣлизны пречудныя везущъ оную тихо: позади правосудіе, окруженное знаками, держитъ въ рукахъ своихъ вѣнецъ. Возходитъ на колесницу Иосифъ, кошорая спражею окруженна, разсѣкаетъ шѣсно.

шѣсноу людей множества. Тако вхо-
дили въ Римъ, побѣждающіе Герои; но
они предшеспиуемы и послѣдуемы бы-
ли кровавыми профетями, окованными
плѣнники и корыспію убивства, а здѣсь
шоржествующіе мирныя добродѣтели.

При взорѣ его разгнался ужасъ все-
го народа: премудроспѣ и человѣчеспво
впечатлѣнныя на лицѣ его будущее воз-
вѣщающіе благополучіе: скорбь ошѣ всѣхъ
сердецъ удаляетъ; всѣ упадающіе ницѣ
предѣ своимъ избавителемъ; радоспѣ у
всѣхъ въ очахъ сіяетъ, и возклицанія
по всему граду раздаются.

Іосифъ, хотя изъ самага вышелѣ
униженія, не ослѣпляетъ симъ велико-
лѣпіемъ; сія гордая колесница, сей пер-
спень драгоцѣнный, сія свѣтлая риза,
веселяшѣ мало духъ его: но онѣ плѣ-
няется возхищеніемъ народа; не имѣ-
етъ онѣ грубоспи шѣхъ вельможъ, кои
чая достпойны быпи обожанія народна-
го, нечувстввенны кѣ оному бывающіе.
Между шѣмъ не обыкспи оспавляпи дра-
жайшаго своего возпоминанія, среди
сего величества, предспавляетъ онѣ себѣ
домъ ошца своего: тогда очи его на-
полняются слезами; не зришѣ онѣ болѣе

мно-

множества людей, его окружающихъ; не
внемлешъ болѣе громкимъ восклица-
ніямъ: народъ, судія единыя наружно-
сти, чудишся зря его проливающа слё-
зы, въ день шоль для него славный.

Между шѣмъ Далука ходила въ язы-
ческіе храмы, и всѣхъ Египетскихъ бо-
говъ на помощь себѣ призывала. Въ сію
самую ночь была она въ шой рощѣ, гдѣ
Іосифъ имѣлъ свое убѣжище; тамо про-
спершись предъ олшаремъ, руками его
поспавленнымъ, и орося его слезами,
вѣщала она сію молишву. „Божество
моего возлюбленнаго! принеся безплод-
ныя моленія нечувствственнымъ кумирамъ,
тебя я обожаю; можешъ бышь, ты еди-
ный Богъ всея природы; сему научающъ
меня вѣришь добродѣтели нещаснаго,
мною шоль люпо гонимаго. Безъ сомнѣ-
нія тебя призываешъ онъ въ сію мину-
ту, и я вкушаю сладость звапи единого
съ нимъ Бога, и гласъ мой соединяпи
съ его гласомъ. Удали отъ сѣрдца мо-
его любовь меня шерзающую, а ешъли
и ты безсиленъ сіе сотворити
удали отъ меня моего возлюбленнаго.”
Рекла, и вдругъ уштрашается шого,
чшобы не ошмстило божество сіе ушѣ-
снен-

свенную невинность. Въ смященіи души ея кажется ей, что сей олшарь возколебался, что подвиглись деревья роши сея, и что поспряшная земля спрашнй нѣкій гласъ испускаетъ. Трепеща отъ страха, и жаднымъ орошеніемъ пономъ, бѣжитъ она отъ сего мѣста, возвращается въ Мемфисъ, и въ чертоги свои себя заключаетъ.

Настаетъ день: запретила она прерывати свое уединеніе: блѣднѣя и ужасаясь, не зрѣтъ она того, на что смященное ея око устремляется; кажется, что невидимая рука непрестанно представляетъ ей изображеніе всѣхъ ея злодѣяній; любовь и раскаяніе смѣшенныя въ душѣ ея, терзали вдругъ ея всѣмъ шѣмъ, что они въ себѣ ужаснаго имѣютъ. Вдругъ внемлетъ она радостному крику, и слышитъ имя Іосифово. „Какое мечтаніе! рекла она, сіе имя, въ сердцѣ моемъ впечатлѣнное, гопово всегда поражаши слухъ мой: не ужѣ ли оно и въ радостныхъ раздаётся возклиданіяхъ?“ Едва окончила она сіи слова, ужѣ слышится ей тоже самое имя вишнѣе. Смущенная, изумленная, тороплива, пребѣгаетъ она все проспранство своихъ

своихъ чертоговъ, и повсюду обраща-
ещіе взоры, смященіе душъ изображающіе.
Внезапно имя Іосифово, повсюрьемое лю-
дей множествомъ, гремятъ во ушесахъ
ея, и въ ту самую минушу зрѣтъ она
его на торжественной сѣдяща колесни-
цѣ. Какое зрѣлище! быстрое ея вообра-
женіе представляеъ ей, какъ бы въ
единой мысли: всѣ ея злодѣянія, ея
казнь, ея славу оскорбленную, весь на-
родъ кажется ей ужасающимся оуъ ея
взору; опечаленіе въ очахъ ея возгараеъ-
ся, и багровыя пѣпна на блѣдныя ла-
нипы ея изсинуающѣ. Но скоро нѣкое
благопріятное облако оуъ нея скрыва-
еъ всѣ виды, она не внемлеъ болѣе
радосному крику, возмущающему ея
душу; каждую минушу блѣдностъ ея
усугубляеъся, и она почти бездушна
упадаеъ.

Ярость гнѣва ея возвратила ей на-
мѣтъ на единую минушу. Желая упре-
дѣли пришествіе своего супруга, заклю-
чаеъ она себя въ своихъ чертогахъ.
Тамо пріемлеъ Іосифову ризу, ризу
въ рукахъ ея оставшуюся, и воспоми-
нающую ей всю жестокостъ ея спрасни,
и презрѣніе, коимъ она была награжден-
на.

на. Прежде орошаетъ она ея слезами, попомъ взирая на нея ошерпыми очами. „Одежда! рекла она, служащая нѣкогда къ раздраженію моея люпоспи, буди нынѣ свидѣтельницаю смерпи моея. Законы брака и любви! вы будете опмщенны!... Іосифъ поржесивуетъ; онѣ смѣется днесъ моему безумію: чемѣ славиѣ свидѣльство воздаваемое его непорочности, шѣмѣ паче покрываюсь я безчестіемъ: весь Египетъ познаетъ, что я рабомъ была возпламененна! который Богъ извлекъ его изъ пѣмницы? Я не имѣла удовольствія отъ оковъ его избавиши; я испребляла сіе желаніе, не рѣдко дѣшу мою исполнявшее, и не могу болѣе ничемъ наградишь мои злодѣянія! Безъ сомнѣнія удалится онѣ отсюда; заключишь нѣжнѣйшія узы, и похвалишься предъ Селимою о своемъ ко мнѣ презрѣніи. . . . Не могу ли я послѣдовавъ за нимъ въ домъ отца его, умершвишь Селиму предъ очами его, и шѣмъ же кишжаломъ грудь его поразиши? . . . Безразсудная! ты казни его вѣщаешь, когда швоя угроповляется! . . . О естѣлибѣ нашелъ онѣ Селиму ужѣ мерпву! а ежели ихъ бракъ ужѣ необходимъ,

то да соберетъ онъ въ себѣ столько ужа-
су, коликимъ мой исполненъ! Спѣши,
пѣнь моя! послѣдуй ихъ стопамъ, воз-
мужи ихъ блаженство, всели мрачную
въ сердца ихъ ревность, а естли на
се не взирая, они блаженны будутъ,
то зри ихъ соединеніе, и продолжи по
смерти спрѣданіе свое. Да вооружит-
ся нѣкогда Египетъ проптиву рода ихъ,
и да поженетъ его ошъ земли и моря!
Тогда, въ первый разъ, нѣкую ширину
ощушитъ пѣнь моя” Кинжалъ,
коимъ она себя поразила, прерываетъ ея
слово. Она упадаетъ; кровь течетъ
изъ ея груди, и ризу возлюбленнаго ея
обагрываетъ. Насытивъ ярость свою, ледя-
нѣющее сердце ея горитъ еще любо-
вымъ пламенемъ: образъ Іосифа меч-
тается въ угасающихъ очахъ ея; блѣ-
дныя уста ея произносятъ имя Іосифо-
во „хладѣюща и умирающа, не можетъ
она изречи болѣе се дражайшее имя,
и возсылаетъ къ нему послѣднее свое
воздыханіе.

Между тѣмъ младый Израильян-
нинъ, по великолѣпномъ шоржесствѣ
своего возвышенія, приближается къ
чертогамъ Дарбаловымъ, кои Царемъ
Томъ II. Л ему

ему опредѣленны. Онъ сходитъ съ колесницы; вступая въ чертоги; искусство изобиловало въ нихъ всѣми сокровищами натуры. О снранность приключеній! Дарбалъ! когда въ темницѣ гордостью пивоя надъ невольникомъ ругалась, предвидѣли ли ты, что все свое богатство для него ты собиралъ?

Іосифъ, желая единого покою, множество работъ своихъ отъ себя удалялъ. Пренесенный въ сіи чертоги изъ темницы, взираетъ онъ окрестъ себя видѣши, не все ли сіе сонъ есть. Но скоро подобный собравшимся волнамъ, предъ коими поставленный разрушенъ спалъ оплотъ, всѣ чувствованія, заключившіяся во глубину сердца его симъ смятеннымъ зрѣлищемъ, устремляючися на уста его. Онъ повергается на землю, и въ первый еще разъ въ жилищѣ семъ имя превѣчнаго слышимо было. „Великій Боже! рекъ онъ, ты, ты извелъ меня изъ темницы гдѣ я? На самой высотѣ величества! . . . Несчастно! я все принесъ ему на жертву; не ужѣ ли гордость заразила мое сердце? Если истинно сіе, почему не умеръ я въ темницѣ? . . . Но ты, о Боже мой! сію велѣлъ

вѣдѣлъ мнѣ жертву . . . Сердце мое еще
кровію отъ того обливаема . . . По-
винуюся твоей всемогущей десницѣ, ко-
торая моею судьбиною управляетъ. Ны-
нѣ, естли въ несчастіи моемъ сохра-
нилась моя добродѣтель, не дай ей по-
колебаться на чредѣ, на кою ты меня по-
ставилъ.” Таковы мысли исполняютъ
его до тѣхъ поръ, пока сонъ началъ
по всѣмъ членамъ его распространя-
ться, и приносили душѣ его спокойствіе.

Едва дневное свѣтило прекло го-
ризонтъ, не шerpящій лѣноши Іосифъ
возстаетъ, и уже готовишься онъ пре-
ходиши Египетъ, ради отъвращенія у-
грожающія ему казни. Но прежде учре-
жденія порядка государственнаго, хо-
щешь онъ сердечное свое разгнати сму-
щеніе. Онъ призываетъ единого изъ
рабовъ своихъ. „Иди въ землю Хана-
анскую, рекъ онъ ему. При входѣ въ
сѣнь Іаковлю обрящешь ты пріятную
долину, по которой чистый источникъ
протекаетъ. Тамо, можешь быть, у-
зришь ты юную пастушку, Селима ея
имя: ты познаешь ея по льющимся сле-
замъ ея: скажи ей, что я еще живу:
сокрой отъ нея мои несчастія; она и

безъ того довольно слезъ горькихъ проливала; вѣдай ей о вѣрности моей; скажи, что еслибъ небеса не повѣлили мнѣ посвящать нѣсколько лѣтъ благополучію цѣлаго народа, я предпочелъ бы симъ черпогамъ брачную сѣнь нашу Вниди въ домъ нашъ, виждь, еще ли живъ отецъ мой; не омягченъ ли онъ бременемъ старости и скорби. Если нѣтъ его на свѣтъ Собери на лугахъ нѣсколько цвѣтовъ; приди на гробъ его; разсыпь на немъ сіи цвѣты, и рцы: Іосифъ сынъ твой ихъ тебѣ приноситъ Виждь, живъ ли юный братъ мой Веніаминъ, и вся братія моя. Иди, спѣши, все щастіе мое зависишь отъ тебя.” Рекъ онъ, и невольникъ удаляется.

Удовлетворя естественнымъ своимъ чувствованіямъ, жондѣ Іосифъ долгъ дружеству воздаши, и прежде путешествія его по Египту, колесница его везома была къ тѣмъ пастырскимъ жижинамъ, гдѣ претерпѣвалъ онъ рабскую неволю.

Тогда было то самое время года, въ которое природа возпринимала красоту первыя своей юности. Блестящая
зелень

зелень покрывала лѣса, долины и луга; цвѣты благоуханіе свое повсюду испускали, а служѣ поражаемъ былъ журчаніемъ испочниковъ, входящихъ во брегъ свои, и прелестнымъ пшпцѣ пѣніемъ. Какое плѣняющее для Іосифа зрѣлище! мало ослѣпленный сіяніемъ величества, исходя изъ темницы, прельщается онъ простою красотою природы. Съ возхищеніемъ зрпѣ онъ рошу, поля и испочники; сходитъ съ своей колесницы; рука его собираетъ цвѣты раждающіеся, кои онъ слезами орошаетъ, и жажду свою быспрошекущею водою утоляетъ.

Слава не возвѣстила еще между паспырами Пеншефріевыми о возвышеніи Іосифа. Они печальны, унылы, бесѣдовали между собою о его несчастіяхъ, какъ вдругъ великолѣпную узрѣли колесницу: не отвратились они ею отъ плачевныя вины своего слова. Внезапу ишобалъ, изъ глубокаго унынія въ неизреченную пришедъ радость, къ колесницѣ устремляется, удивленные паспыры послѣдовали за нимъ очами, когда облеченный въ порфиру и кропость съ величествомъ соединяющій юноша, стре-

мишся съ колесницы въ объятія Ишобала : познавающъ они Іосифа. Прежде онъ удивленія сшановятся неподвижны; пошомъ текущъ они къ двумъ другамъ, окружающъ ихъ, и радостнымъ восклицаніемъ воздухъ наполняющъ. Какъ несчастные дѣши, облеченные уже въ одежду сѣшованія, видящъ вдругъ отца своего, косто чаяли убиенна быти на сраженіи; пораженные ужасомъ сомнятся они, не шѣнь ли его видящъ, и обнящъ его спрашашся; но скоро побѣдившая спрахъ сей природа, влечетъ ихъ въ его объятія, всѣхъ радостъ восхищающъ, всѣ печальную слагающъ одежду: тако пасыри сіи предаются своему возхищенію. Іосифъ болѣе радуется о семъ свидѣтельствѣ ихъ усердія, нежели о великолѣпіи, съ коимъ Мемфисъ торжесшвовалъ его возвыщеніе. Здѣсь не видно было той зависшливой гордости, кошорая въ ропшаніи повергаешся, не слышно восклицанія шумнаго народа: здѣсь дружесшво жертву приносищъ и пріемлетъ.

Между шѣмъ хотящъ они слышашъ повѣсть сихъ спранныхъ приключеній, кои его на сію чреду поставили. Съдя
съ

съ ними купно, угождаетъ онѣ ихѣ любопытству, и сію чудную повѣсть имѣ вѣщаетъ. Удивленіе и радость въ очахѣ ихѣ попеременно изображающія: едва могутъ они удержати свое возхищеніе, которое по окончаніи слова его шѣмѣ, сильнѣе, изъясляемо было.

Но, среди ихѣ радости, онѣ отъ нихѣ уклоняется, и въ уединенное свое жилище отходитъ. Тамо, по велѣнію его возставилъ Ишобалъ олтарь разрушенный, и покрылъ его цвѣтами: онѣ ницѣ предъ нимѣ упадаетъ, и объемля останки сѣни своя: „дражайшее убѣжище! вопіешъ онѣ, я еще возмогъ себя узрѣши! себя, которую видѣши никогда не чаялъ, и гдѣ ни гроба моего обрѣши не уповалъ. Ты представляешь мнѣ нѣкое подобіе дому отца моего. Колико воздыханій отсюда возсыдалъ я къ шѣмѣ, кои мнѣ любезны! колико дѣши наши, не взирая на раздѣляющее насѣ разстояніе, въ семѣ мѣстѣ соединялися; въ семѣ мѣстѣ раздавались имена ихѣ: часто образѣ ихѣ мечтался мнѣ между сими деревьями. Образѣ мнѣ священный! Приди обитати въ сіе уединеніе,

яви мнѣ паки свое пріятное мечтаніе, и ушли скорбь мою.”

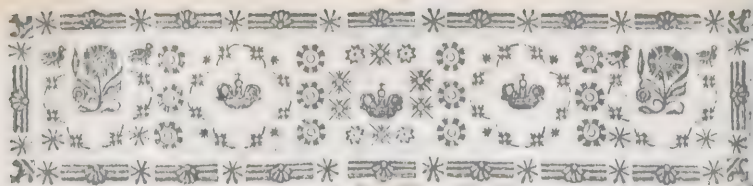
Рекъ онѣ, и устремяся къ паспырямъ: „О други, вѣщаешъ онѣ имѣ, посвящимъ нѣсколько минушъ къ обновленію сѣни моея. Иногда приду я въ сіе жилище, гдѣ былъ я невольникомъ, приду слагати оковы величества, приносиши жерпву Творцу вселенныя, и подѣ сею нѣбную воздыхаши.”

Едва онѣ сіе изрекъ, уже всѣ паспыри спѣшно шекли къ роуцѣ. Одни возславляющъ оспашки сѣни, другіе собирающъ съ дугу новые цвѣты, иные ломающъ сучья, коихъ листвія младыя улаждающъ обоняніе. Іосифъ пріемлетъ самъ въ дѣлѣ семъ участіе: щущенно паспыри въ томъ пренятствующъ ему. „Гордостъ и праздноствъ, вѣщаешъ онѣ, были бы для меня безславнѣе пѣхъ упражненій, среди коихъ я родился, и копорыя рано или поздно возпріяти я долженствую.” Но тайно еще овѣ размышляешъ: „Могу ли я презирашъ шруды, которые я для Селимы предпріемлю?” Оживляемыя примѣромъ Іосифа, и желаніемъ угодиши ему, пославляющъ они сынь добрую, какъ

какъ бы изъ самая земли исходящую, и которая кажется дѣломъ единыя минушы.

Посвятя нѣсколько дней дружеству, оставляеиъ Иосифъ поселянѣ, и пріятное свое жилище, ради путеше-ствія своего по Египту, и ради попеченія о дѣлахъ государственныхъ. Судно, украшенное живописнымъ искусствомъ, цвѣтами и знаменемъ червленого цвѣта, вѣющимъ шихо по воздуху, ожидаетъ его у Нилова брѣга: благопріятный вѣтръ дуетъ въ парусы. Пастыри до рѣки провождаютъ Иосифа: онъ ихъ обѣмлетъ, входитъ въ судно свое: повелѣваетъ сняти якоря, и въ путь свой отправляется.

ЮСИФЪ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

* * *

Какъ во владычествѣ морей, движимый корабль единымъ повинуется въшрамъ, тако судно разсѣкало Ниловы воды не понуждаемо веслами.

Скоро представляются взору Юсифа при неизмѣримыя пирамиды, дѣло множества вѣковъ. Оспавя искусство, съ коимъ они созданы, можно бы почести ихъ птвердыми каменными горами, кои опѣ начала сего міра, касаются небесамъ, и землю бременемъ своимъ опягощаютъ. Мраморъ, изъ коего
они

они составлены, сохранилъ свѣтлящуюся бѣлизну свою. Многочисленные знаки, первые образы мысли человѣческой, возбуждаютъ къ нимъ благоговѣніе.

Иосифъ вопрошаетъ, кто былъ зиждитель сего гораго зданія? Гермесъ, отвѣщая ему, единый опъ Царей, а нынѣ единый опъ Египетскихъ боговъ. Долго взираетъ онъ на сіе дерзновенное зданіе, которое твердостью и величествомъ своимъ кажется превзыши искусство смертныхъ, и достойно свободиши опъ поглощенія временъ, продолжаясь равно съ міромъ, исключенно суще опъ обыкновенныя судьбы дѣла рукъ человѣческихъ. Не вѣря, чшобъ маловажное намѣреніе таковыя чудеса произвело, хочетъ онъ проникнути во внутрененность единыя пирамиды. Приводятъ шуда его подземными и тайными путями; Египтяне возвѣщаютъ ему, чшо входъ шуда имъ на вѣки запрещенъ; не принуждаетъ онъ ихъ слѣдовать за собою, и единъ онъ вошелъ во мракъ глубочайшій. Какъ тѣ безспрашныя люди, кои исторгая злато опъ земли, идущъ въ темныя нѣтра ея, подвергая себя опасности обрѣсти гробъ свой въ семъ

семѢ источникѢ сокровищѢ: тако ІосифѢ, исполненный желаніемѢ научишся, ходилѢ въ семѢ мрачномѢ лабиринтѢ.

Долгое время бродящій въ темнотѢ, зрѣнїѢ онѢ издалика свѣшѢ слабый и угасающій. ОнѢ направляетѢ тудаспопы свои. Первый видѢ, поразившій его очи былѢ умащенныи трупѢ, освѣщаемый надгробнымѢ свѣщильникомѢ, померкнуши готовымѢ; облеченный въ порфиру, коего чело вѣнцемѢ украшено было; живость въ немѢ была шодикая, что оный казался бытъ одушевленѢ и ничего жизненнаго не лишенѢ, кромѢ единого движенія. БлизѢ трупѢ былѢ сшарецѢ мало отѢ смерти удаленный; согбенный древностію, досязалѢ онѢ до земли бѣлою брадою, и шонкостію своею подобенѢ былѢ смерти, корысть свою спрегущей. Многочисленныи мумїи, окружая шу, кошорѢ была увѣнчанна, казалися рабами ожидающими ея велѣнїѢ: печальное молчаніе царствовало въ семѢ жилищѢ.

„ Кшо пы, рекѢ сшарецѢ возмущенный, какое дерзновеніе привлекло тебя проникнуть въ сїи сшранныи мѣста? „

спѣ? Вѣдай: или пришелъ ты мертвыхъ возмущаши?" Во глубинѣ сего зданія повторились слова сего плачевнаго гласа.

„Не утѣшайся, оповѣщаетъ Иосифъ; естли здѣсь жилище мертвыхъ, я прахъ ихъ почишаю. Но повѣждь мнѣ, къ чему всѣ сии учрежденія, и какій долгъ останавливаетъ тебя въ семъ страшномъ мѣстѣ?"

Тогда спарецъ возводя на него померклое око: „Сладость гласа твоего, рекъ онъ, и человѣчество на лицѣ твоѣмъ являющееся, разгоняетъ страхъ мой. Ты зришь плѣло послѣдняго Египетскаго царя, и плѣла его служителей, кои назначены умерети во служеніи его, послѣдовали за нимъ въ сіе мѣсто. Я всѣхъ несчастнѣйшій! уже всѣ они жизнь свою скончали; послѣдній погребенъ руками моими: я одинокъ въ семъ жилищѣ смерти, я тщетно ея призываю, и когда избавишь она меня отъ бремени жизни моея, никто послѣдняго не воздастъ мнѣ долгу; погибнешь прахъ мой, и я лику сего собою не умножу."

Объятый удивленіемъ и жалостію Иосифъ умолкаетъ. Онъ обращаетъ очи свои на сей царскій призракъ, бесполезнымъ

нымъ украшенный великолѣпіемъ, на
 сихъ рабовъ, кои еще обожаніи его ка-
 жущіяся, и на сего сшарца, который о
 томъ плакалъ, что не возмогъ съ ними
 скончаться купно. Онъ пораженъ былъ
 безчеловѣчною гордостію сихъ Монар-
 ховъ, кои утѣсняя можетъ быть на-
 родъ свой, разпроспраняющъ и по смер-
 ти свое варварство, и приносятъ еще
 жертву своему самолюбію, когда уже
 нѣтъ самихъ на свѣтъ. Но другое чув-
 ствованіе возбуждается внутри его сѣр-
 дца: сей сшарецъ, на коего успремилъ
 онъ свои очи, возобновляетъ въ умѣ
 его образъ его родителя; кажется онъ
 ему испускаетъ послѣднее воздыханіе,
 призывая смерть, и ширадая о томъ,
 что рука возлюбленнаго ему сына очесъ
 его не зашворяетъ. Омывъ лице свое
 слезами, преклоняетъ онъ сшарца и вы-
 шти изъ сего жилища: „Не могу, опвѣ-
 ствуемъ несчастный, я долженъ буду
 умереть съ мученіемъ и безчестіемъ.
 Когда уже я сосшарѣлся въ семъ гробъ,
 то въ ономъ я и жизнь свою окончу.
 Долгое время окруженный шрупамъ, не
 могу я съ живыми пребываши, и прѣ-
 обыкшія къ смертнымъ шѣнямъ очи
 мои,

мои, сіянiя солнечнаго пренести не воз-
могутъ Я ласкаю себя скончавши
скоро мое мученіе: уже колеблющiяся
ноги мои не могутъ болѣе меня ко входу
сего мѣста носить, для прiятiя пiщи
опредѣленной на продолженіе несчастной
жизни; уже слабыя руки мои не соблю-
даютъ болѣе сего блѣднаго свѣту; съ
нимъ скончавшiя дни мои, мракъ, въ
которой я погруженъ буду, сплететъ
мнѣ сладчайшимъ предвѣспикомъ смер-
ти . . . Скоро во гробѣ семъ не будетъ
ниединого живаго человѣка . . .” Рекъ
онъ, и когда Іосифъ взираетъ на него
нѣжными очами, свѣпильникъ угасаетъ,
и спарецъ послѣднее выпускаетъ воз-
дыханіе:

Іосифъ жалости и ужаса исполнен-
ный удаляется: идетъ онъ паки среди
мрачныя нощи, усугубляющей ужасъ
того зрѣлища, коему онъ былъ свидѣ-
телемъ. Вышедъ наконецъ изъ сего
жилища, останавливается онъ предъ пи-
рамидою, и повелѣваетъ исполковати
себѣ единую изъ примѣчательнѣйшихъ
надписей состоящую въ сихъ словахъ:
“О люди! не здѣсь жилище смерти:
изъ нѣдръ сего зданiя до облакъ дося-
заю-

зающаго, вознесусь я къ небесамъ, и
 прямо буду божесивомъ о васъ жодашай-
 сивующимъ.” „Цари! возопилъ тогда
 Іосифъ, и самая смерть васъ не науча-
 етъ! какую пресмыкающуюся гордосцію
 раздѣляете вы Божескую честь съ по-
 слѣдними живописными, и воздвизаете
 зданія свидѣтельсвующія величество
 ваше купно со слабосцію? Должно ль,
 чтобъ гробы ваши помрачали чертоги
 вами обитаемые!” Окончавъ сіи слова,
 удаляется онъ отъ сихъ пирамидъ, кои
 обремененныя знаками сущъ сами собою
 неиное что, какъ самое разительнѣйшее
 свидѣтельство суетности человеческой.

Онъ входитъ въ судно, и плыветъ
 близъ брега исполненнаго муміями, гдѣ
 кажется мершвые были различнаго вида.
 Колико разстоянія занимаютъ они въ
 сихъ пространныхъ пирамидахъ, по-
 лико ихъ ряды спѣсенные на семъ не-
 измѣримомъ брегѣ: на каждомъ шагу
 надлежитъ спускаться по нѣкоей жертвѣ
 люшья смерти, въ самое то время, ко-
 гда въ сихъ гробницахъ теряется че-
 ловѣкъ, ищущій праху въ нихъ заклю-
 чающагося. Здѣсь погребены цѣлые роды;
 одни мѣста часно занимаемые, и гробы
 други-

другими гробами поглощаемы: два ряда мертвыхъ имѣлъ соспавляющъ узкіе и многочисленныя пущи сихъ подземныхъ мѣстъ, сего владычества смерти. На сихъ пущныхъ поляхъ, отъ мѣста до мѣста, видны были нискія пирамиды, доказывающія то, что гордосить знашнихъ вельможей имѣетъ всегда своихъ подражателей. Іосифъ плывя близъ сего брѣга, слѣдуетъ душевной своей склонности, и въ пріятную грусть себя повергаетъ.

Судно продолжаетъ плаваніе, и симъ мрачнымъ видамъ послѣдуетъ зрѣлище поражающее, удивленіемъ и чудомъ Египта названнаго могущее. Сіе было Меридово озеро, ископанное въ дикомъ камнѣ неумолимою рукою человѣка, и помогающее Нилу, пріемля его въ свои недра, когда изливается онъ съ излишествомъ, или соединяся съ нильскими, когда бывающъ малая его воды. О Цари! вы кажетесь иногда богами египетства! Сей камень въ Океанѣ превратился. Среди озера воздвигнуты великолѣпныя чертоги, окруженные обелисками, зрящимися въ водахъ подобныхъ чистому стеклу: тамо во время

лѣшняго жару, Царь съ своимъ дворомъ наслаждается свѣжимъ воздухомъ: тако на днѣ водъ представляется жилище морскаго бога, окруженное трифонами (*) и бурсю почишаемое. Между шѣмъ сіи черпogi и обелски, смѣшенныя вдали съ гробницами, суть живой образъ пышной суеппности челоувѣческой, и того порога, о которой разбивается мнимое величество.

Іосифъ продолжаетъ путь свой, и величайшее зрѣлище представало его взору: Египетъ въ неизмѣримомъ пространствѣ предлагаетъ ему все свои сокровища. Нилъ, побѣдивъ многочисленныя препятствія своему теченію, низвергается съ ревомъ, и какъ бы во гнѣвъ съ высокихъ камней Египетскихъ; попомъ теченъ онъ тихо между двумя рядами горъ, кои Египетъ ограничивающъ, и препровождая рѣку до моря, кажутся принуждаши ея къ орошенію сея великія страны. Брегъ сея рѣки до подошвы горъ покрытъ цвѣтущею жайвою, густымъ дерномъ и плодовитыми древами, кои составляютъ садъ неизмѣ-

(*) Трифоны морскіе полубоги.

измѣримый, предлагающѣ во всей величинѣ спраны сея дары свои пущеннѣ спвующимѣ, и спасающѣ ихѣ отѣ солнечнаго зною. Какѣ въ большомѣ лѣсу дубѣ, вязѣ, сосна и пополь, соплетая различныя свои вѣтви, распущѣ въ сладкомѣ согласіи, безѣ всякія помоци рукѣ человѣческихѣ: равно здѣсь пріятно между собою смѣшенныя раждающія померанцы златовидныя, свѣжія оливы, желтые лимоны, мшистые персики и яблоки прозрачныя; единое древо кажется вдругѣ носить всѣ сіи плоды, поль шѣсно вѣтви ихѣ сплетенны; ослабляется око живостію цвѣтовѣ поликихѣ, и ароматы ихѣ суть поже самое для обонянія, что для вкусу пріятный ананасѣ, соединяющій въ себѣ всѣхѣ прочихѣ плодовѣ пріятность. По нѣкимѣ мѣстамѣ пальмовыя дрѣва и кедры, кои кажутся быти лѣса сего прародителями, возносящѣ надѣ ними гордыя верьхи свои, и отѣ лучей дневнаго свѣтила ихѣ защищаютѣ. Тутѣ видны были дрѣва и травы для сей спраны природою сужденныя, смоковница, равныя высоты съ величайшимѣ дубомѣ, лопосѣ подавшій мысль о бо-

жественной амброзіи, папиръ изъ вла-
сатаго верха своего широка испуска-
ющій листы, на коихъ Орфей писалъ
первыя списки свои въ сихъ мѣстахъ
волшебныхъ. Пшеницы, сіяніемъ перь-
евъ своихъ прелыцающіе, лежатъ въ
семъ лѣсу пріятномъ, когда свѣтящі-
еся огнь солнечныхъ лучей многочи-
сленныя водныя жижи, плаваютъ по
Ниловой поверхности. Среди сихъ
садовъ великолѣпныхъ, кои кажутся
для единого созданы челоука, гуляютъ
сладка красоты пречудныя, и до поло-
вины правою сокрываемыя: природа и-
мѣла, кажется, въ десницѣ своей кисть,
шоль прекрасно они были испещренны.
Наспырскія хижины, грады, храмы и
пирамиды, коихъ образъ въ Нилѣ на-
черпавается, премѣняютъ зрѣлище: сіи
зданія, подъ ясными сотворенныя небе-
сами, сохраняютъ первую юность свою,
и Египетъ, вмѣстилище художествъ,
почитаетъ еще оныхъ произведенія, и
въ ондаленинѣе предаетъ попомство.
Но съ обѣихъ странъ различное поло-
женіе мѣстъ украшаетъ явленіе. Здѣсь
черныя и неплодныя камни, составляя
тысящи чудесныхъ видовъ, возвышаю-
ся

ся къ облакамъ, ошреваяшъ оныя, и ситѹ вѣшровѣ разбивающѣ, дабы пшное и безоблачное небо въ длину сея спраны царствовало вѣчно: тамо сквозѣ прерванныхъ рядовъ горъ высокихъ, видны пространныя пустыни пещаныя Ливіи. Египецъ пораженный симъ зрѣлищемъ, увѣрилъ себя, что боги избрали его въ жилище свое. Тако изображалъ онъ еще полѣ Елисейскія: въ нихъ видна была Лѣна, вѣющая подобно Нилу, зримая въ прелестномъ своемъ теченіи; тамо обилала пишина, забвенны были бѣдствія, и равнымъ образомъ вѣчными камнями отъ шаршара сіе жилище раздѣлялось.

Іосифъ, подобенъ жителямъ сихъ спранъ благополучныхъ, забывающъ на единую минушу свои несчастія: онъ становившися недвижимъ отъ удивленія, когда око его озираетъ съ жадностію, и хочетъ объяни все сіе великолѣпное изображеніе: между тѣмъ душа его возносилася ко Творцу всея природы. Но среди сихъ чувствованій усматриваетъ онъ во всѣхъ спранахъ языческіе храмы: здѣсь обожаютъ крокодила; по одну сторону Ихневмонъ, врагъ его, людскія

скія моленія пріемлетъ; тамо упада-
ютъ ницъ предъ лающимъ живошнымъ;
въ концѣ Ливійскія долины древнѣйшее
стоймъ капище, столица сусвѣрія, изъ
идръ коего, какъ бы изъ пропасти кас-
ющихся аду, распространяются всѣ зло-
честивыя богослуженія, поверхность
земли покрывающія. Іосифъ оскорбляе-
ся тѣмъ, что шолікими окруженные
сокровищами люди, истиннаго Бога по-
знать не могутъ, и что языческія ка-
пища оскверняютъ сей прекрасный храмъ
природы, гдѣ все привлекаетъ ему еди-
ному жерпву приносить.

Но видъ разительный, влечетъ къ
себѣ Іосифа. Оставдя Мемфисъ зрѣтъ
онъ зеленѣющуюся жатву; чѣмъ болѣе
къ Египтіи приближается, тѣмъ паче
видитъ оную желнящуюся, до совер-
шеннаго своего позлащенія. Лѣса пло-
довитыхъ деревъ равное представля-
ютъ ему изображеніе; мало по малу
цвѣты уступаютъ мѣсто плодамъ, кои
пріавъ прежде цвѣтъ зеленый, опшѣни-
ваются постепенно, и наконецъ въ жи-
вѣйшемъ своемъ блистаютъ видѣ. Спо-
коенъ во своемъ плаваніи; наслаждае-
ся онъ зрѣлищемъ неизмѣримаго дуга,
гдѣ

гдѣ предѣ восхищеннымъ окомъ расли
 шѣ дары, кои природа непроницаемо
 для насъ сотворяетъ; тамо, когда зе-
 леная жатва класишся, выходятъ изъ
 плодоносныхъ земныхъ иждрѣ, и пшже-
 стію желныхъ класовъ къ землѣ кло-
 нишся; деревья, распуская пріятную
 зелень свою, покрывающя вдругъ цвѣ-
 томъ, и скоро пошомъ обременя-
 юшя плодами, коихъ быспрому раше-
 нію едва око послѣдовати можетъ; сей
 есть прямой образъ созданія свѣта,
 когда вселенная, исходя изъ хаоса,
 явилась въ крапкое время украшенна
 сворими произведеніями безконечно раз-
 личными.

Іосифъ удаленъ еще былъ отъ Егип-
 тин, и уже слышимъ сталъ ревъ во-
 дныхъ пороговъ: чѣмъ ближе онъ при-
 ходишъ, шѣмъ паче шумъ усугубляеш-
 ся: цѣлый рядъ горъ каменныхъ, воз-
 носящихя до облакъ на подобіе амфі-
 театра, предшавляется весьма ясно
 его взору. Какъ многіе соединенные
 громы, съ яростію по верьху Алпій-
 скихъ горъ гремящіе проливаютъ рѣки
 воспламененной селитры на дымящіеся
 камни, когда эхо страшный ревъ еще
 М 4 про-

продолжаетъ; или какъ источникъ Океана, съ шумомъ въ земныхъ нѣдрахъ текущій, и устремляея изъ глубокихъ своихъ пропастей, умножающій морскія воды, и возвышающій оныя къ небесамъ, откуда упадаютъ они въ отверстную средину сего шара, и основаніе его колеблющій: тако Нилъ низвергается съ высоты горъ каменныхъ; пѣнисшыя воды въ пенчайшій прахъ раздробленныя, далеко оной текутъ. Отъ сего страшнаго рсву препенущими крыльями птицы оплещаютъ, и люпытѣйшіе звѣри бѣгутъ въ свои пещеры. Когда Іосифъ предается важнымъ мыслямъ произведеннымъ сими видами, тогда сокрытый до половины въ облакахъ человекъ, упадаетъ съ сими быстрыми водами; въ единый мигъ прелепаетъ онъ неизмѣримое пространство; тако изображающія стобы безсмертныхъ; суетѣрь, видя въ первый разъ сіе зрѣлище, помыслилъ бы, что Богъ сея рѣкы снисходити въ Египетъ. Іосифъ пораженный сожалѣніемъ и ужасомъ, часи быши мертва сего несчастнаго, но вдругъ вриши его на плоту привязанна, и послѣдующа шихо теченію водъ Ниловыхъ.

Сни.

Снимаютъ парусы, и судно, оставляя по себѣ слѣды, рѣчному наклоненію послѣдуетъ. На нѣкихъ мѣстахъ приспаваетъ ко брѣгу: вездѣ Іосифъ вопрошаетъ о земныхъ произраженіяхъ, и повелѣваетъ привозити къ себѣ въ Мемфисъ пишу чашвы.

Въ сей градъ возвращается онъ при радостныхъ восклицаніяхъ народа, который былъ увѣренъ, что сіе путешествіе произведетъ общее благополучіе. Но въ черпогахъ своихъ не предается онъ праздности. По его велѣнію во всемъ государствѣ искапываютъ кладбища, и при врапахъ Мемфиса просиранное зданіе для сохраненія хлѣба воздвигаютъ. (*) Іосифъ не созидаетъ, подражая знашнымъ людямъ, гордую себѣ гробницу: но труды, посвященные чело-вѣческому благополучію, суть знаки его славы. Египетъ перейдетъ къ другимъ Государямъ; Грекъ, Римлянинъ, Аравитянинъ подавати ему законы свои будутъ; но, когда сіи пирамиды, побѣждающія время, не возвѣстали потомству о гордомъ прахѣ въ себѣ за-

М 5

клю-

(*) Остатки оного видны въ Египтѣ и донныѣ.

ключенномѣ, тогда воспоминаніе о Іосифѣ, благодѣшлѣ Египта, живи будещѣхъ посреди всѣхъ сихъ народовъ; они почиташи станущѣ слѣды его трудовъ, и десница благодарности начерпашѣ имя его на каждомъ камнѣ сихъ преславныхъ останковъ. О други художествъ! переходите моря зрѣши сіи величества знаки; и есѣли чувствительны сердца ваши, идите также воздохнуши среди сихъ драгоценнѣйшихъ останковъ; воздайте онымъ дань нѣкими слезами; довольно есѣ знаковъ великолѣпія и раченія человѣческаго; и коль мало имѣемъ мы знаковъ его благодѣянія!

Но въ самое то время, когда сіи труды производимы были, Іосифъ помышляетъ о важнѣйшемъ предпріятіи. Прежде возвращенія своего въ Мемфисъ, слѣдовалъ онъ печенію Нилу даже до моря. Сія рѣка при входѣ своемъ во Египетъ, побѣждающая шоль высокія камни, что кажется она съ небесъ низвергашися, обрѣтаетъ при исходѣ своемъ новыя препяшствія: koliko быспра она сходя изъ Египта, тоliko тихо возмущенныя воды ея извиваются здѣсь

по

по илу собранному ею, по сей пни-
стой землѣ, кося пространство око не
можетъ обнять; сей распуцій илѣ могъ
бы со временемъ сосланишь оидишь рѣку
остановляющій. Іосифъ прежде всего
помышляетъ способствовати Цялову
теченію. Но сія мысль, яко сімя пло-
довитое, распутъ и къ важнѣйшимъ
дѣламъ его приводитъ; онъ погружае-
ся въ глубочайшее размышленіе, какъ
добродѣтельный музамъ другъ, въ пре-
красный вечеръ обращаетъ стопы своя
на зеленое поле зрѣти красоту природы;
она единая плѣняетъ прежде все его
вниманіе, но скоро пошомъ предпри-
емлетъ онъ воспѣти въ плѣняющихъ
стихахъ Творца всея природы, и все-
лиши въ людей добродѣтель; ужѣ духъ
его воспламеняется, и громкій гласъ
производитъ: тако Іосифъ, помышля-
ющій шокмо способствовати теченію
Нила, пространнѣйшее воспріемлетъ
предпріятіе. Хочетъ онъ, осушивъ
сіе неизмѣримое благо, новымъ госу-
дарствомъ увеличить Египетъ; въ семъ
намѣреніи зришь онъ менѣе на распро-
страненіе земли, нежели на неожида-
емое ошъ глада вспоможеніе; превоз-
хо-

ходный въ очахъ его огонь возгарается ; уже кажется ему страна сія покрывшою драгоценнѣйшими произращеніями , и онъ напередъ наслаждается уже шѣмъ блаженствомъ , которое народу доставить желаетъ . Сими мыслями исполненный входитъ онъ въ Мемфисъ . (*)

Онъ предстаетъ Фараону , и рекъ ему , что не довольствуясь единымъ учрежденіемъ порядка въ государствѣ его , хочетъ онъ еще разширить онаго предѣлы . Удивленный Царь , прерываетъ рѣчь его . „Съ которою спраною , вопрошаетъ онъ , войну начати хочешь?“

Войну ! отвѣщаетъ Іосифъ , сіе спрашное бѣдствіе , спыдъ человѣчества , разрушающее государство въ самое то время , когда укрѣпляши оное кажется ! чѣмъ убивство обогрило руки мои , чѣмъ оросилъ я кровію жатву , цвѣтны , чистые источники и спокойныя сѣни ! Я лучше возприму посохъ , и буду жерпвою сея казни , нежели возжгу сеи пламень пожирающій . Позволь ,

О

(*) По древнему Аравитскому преданію , собранному ученымъ обществомъ Кирхеромъ , коимъ и я воспользовался , приписуется Іосифу сахъ земель осушеніе .

о Государь! вѣщаи миѣ чистосердечно; воспишанный между пастырями, не знаю я искуссѣва припворяшся, и нещасїя не ослабили духъ мой. Престола твоего долженъ подобенъ быти древу, покрывающему своею тѣнїю всѣ твои народы, и дающему безопасное сосѣдямъ твоимъ убѣжище; привлекай ихъ кротосїю твоего государствованїя; се твердѣйшія побѣды. Я хочу разпроспранити Египетъ, не проливая ни единыя капли крѣви." Тогда возпрїятое свое намѣренїе онъ ему повѣстивуешъ.

На сіе Царь съ удовольствїемъ ему отвѣщаешъ: „Познаю твою премудрость, и веселюся внемя тласу человечества вѣщающему успы твоими. Удивленный внезапу твоимъ предпрїятїемъ, устращился я того, чѣтобъ величество не вселило въ себя сего жестокаго любочесїя, которое часно цѣлый свѣтъ препворяло на убившвенное зрѣлище. Я весьма удаленъ онъ того, чѣтобъ возвыгнуши престола мой на окровавленныхъ развалинахъ. Иди; всѣ воины мои тебѣ подвластны; они велѣнїямъ твоимъ послушны будутъ, и произведутъ въ дѣй-

дѣйствіе столь великое и полезное предпріятіе.” Тако вѣщалъ Фараонъ.

Іосифъ не медля выходитъ изъ Мемфиса съ многочисленнымъ войскомъ, вооруженнымъ орудіями приличными его предпріятію. Прибывъ ко брѣгу сего проспаннаго блаща, воины обращаютъ вдаль сомнящійся взоръ свой. „Египтяне! рекъ имъ Іосифъ, вмѣсто сраженія съ непріятелемъ, способствуяте вы рѣкѣ благошворящей странѣ вашей, и зовущей васъ пользоваться пою землею, которую она столько вѣковъ для васъ сослужаетъ. Я не удаляю васъ отъ опечесства вашего; отсюда зрѣте вы башни Мемфиса, ободряющаго васъ сошвориши его столицю величайшаго государства. Сіи поля, услаждая ужасъ глада, воздадутъ вамъ съ лихвою за труды ваши. Спѣшите вы сію спешную казнь предупредиши.”

Рекъ онъ: подобные героямъ, кои въ часъ сраженія, горящъ начати осаду, сіи воины неперѣливно желаютъ исполнить повелѣнное Іосифомъ. Вдругъ начинаютъ рыть семь рвовъ, кои послужатъ предѣлами рѣкѣ, разлившейся по сей поверхности: оплошны дѣлу сему способ-

способствуютъ. Прежде рвы касаются другъ другу, но приближаясь къ морю они разлучаются.

Между тѣмъ Ишуринъ, который отъ начала свѣта, и съ самой той минуны, когда изходише Нилово истекло изъ нѣдръ земныхъ въ первый еще разъ, упражнялся въ сотвореніи новаго Египта, и до краю государства сего посылалъ шонъ иль плодоносный, который долженъ былъ оное увеличить, помогаетъ нынѣ превозходному сему предприятию. Онъ возвышается на воздухъ, пребываетъ весь Египетъ, предлепаетъ Нилу пороги, спрану черныхъ Египтовъ, и въ Абиссинію приходитъ. Тамъ останавливаетъ онъ бысприну изходяща; воды съ меньшимъ шумомъ стремятся съ камней Египетскихъ; рѣка шире Египетъ протекаетъ, и люди упражняющіеся въ изкопаніи рововъ, зрятъ съ удивленіемъ и радостію Нилъ помогающій ихъ работѣ. Симъ ободренные усугубляютъ они силу свою; присутствіе Іосифа ихъ поощряетъ; все дѣлу сему способствуетъ; наконецъ касаются они морскому брегу, и узрѣвъ сію стихію, толико срадуются ей, коли-

ко

ко пловецъ по долговременномъ своемъ плаваніи узрѣвъ землю возхищается.

Дѣланіе рвовъ совершается, и оныя ожидаютъ шой рѣки, которую въ Океанѣ нести имъ долженствуетъ. Онѣ верзашъ оплошны, и Нилъ, оставляя поле, въ седми рвахъ своихъ течетъ. Каждая часъ дѣлашелей, сию предъ шѣмъ рѣки сея предѣломъ, которой изконала, наслаждается симъ зрѣлищемъ; опершись на засыпы, слѣдующъ они окомъ водному теченію. Скоро рѣка, пріяхъ новый путь себѣ предписанный, открываетъ земли ея сотворенныя; се былъ образъ дня шого, въ который покрывающія землю воды, отъ гласа Божія побѣгли въ пучины для нихъ опредѣленныя. Дѣлашели отвращающъ отъ Нила взоръ свой и на раждающіяся поля оной устремляющъ. О Александрія! основанная побѣдицею какъ бы за опустошеніе цѣлой Азіи, нынѣ зрится мѣсто, на коемъ воздвигнушя швыи тордыя башни соперницѣ Мемфискимъ! Великій Каиръ! неизмѣримое шпросиранство, гдѣ шы соберешъ свои сокровища, кажется въ сію минуту изходиши изъ воды! А шы о Помпей! уже

уже нынѣ содѣлано по мѣсто, гдѣ гробу твоему быши суждено!

По окончаніи сихъ трудовъ, Иосифъ съ воинами своими въ Мемфисъ возвращается. Сія побѣда не слезами пріобрѣшенна стала; отецъ староспѣю опягченный вкушаетъ веселіе видѣши паки сына своего; нѣжная супруга, имѣя въ рукахъ своихъ плодъ своей любви, пренеся отъ радости объемлетъ своего возлюбленнаго въ самое то время, когда младенцы сему пріятному подражаютъ возхищенію.

Иосифъ предсшаетъ Царю, и возвѣстия ему о успѣхахъ своего предпріятія: „нынѣ, рекъ онъ, повели, чѣмъ Египетъ обремененный жителями, послалъ нѣкую часть оныхъ въ новую сію страну.“

Исполненный благодарностію Монархъ его объемлетъ. „Благодѣтель Египта! оповѣщаетъ онъ побѣдитель добродѣтельный! о естли бы Цари твоему примѣру подражали! О естли бы они, вмѣсто опустошенія странъ просвѣщенныхъ, творили плодоносными тѣ зѣмли, коихъ они себя лишаютъ сами, и оныя лютымъ звѣрямъ оставляютъ!

Томъ II.

Н

Скон-

Скончай дѣло свое; подай нужныя къ пому свои повелѣнія, и царствуй единъ надъ спраною, коей ты становишься зиждитель.”

Тогда Іосифъ ведетъ шуда жипелей, и онымъ землю раздѣляетъ. Рожденная изъ рѣчныя пины, и шоль долго водами Нила покровенная земля сія производитъ съ удивительною скоростію сѣмена ей ввѣренныя. Когда украшается она зеленью, цвѣтами, богатою жатвою, удрученными плодомъ своимъ древами, тогда пастырскія хижины и грады воздвизаются. Какъ дѣлатель прекраснаго сада зрѣтъ довольнымъ окомъ на распушія древеся, рукою своею насажденныя, наслаждается первую ихъ сѣнію, и окруженный ближними своими возхищается шюю пріятною мыслию, что скоро соберетъ плоды своего дѣла: тако Іосифъ обшекаетъ сію веселую спрану; весь Египетъ съ своими сокровищами отъ самаго Мемфиса до Нилowychъ пороговъ не представлялъ ему шоль плѣняющаго зрѣлища. Ангелъ надъ моремъ поставленный, веселится на сихъ цвѣтущихъ берегахъ; тамо забываетъ онъ бури и кораблекрушенія;

Оке.

Океанъ почитаетъ поля сіи, и ходатай Египта, лѣтая въ сихъ мѣстахъ, чудился сему виду, и радуется о дѣлѣ своемъ. Когда Іосифъ устремилъ очи свои на единое мѣсто красотою своею плѣняющее, и которое предоставлялъ онъ Царю не предвидя блаженную онаго судьбину, тогда возхищенъ онъ спалъ согласнымъ шумомъ произведеннымъ бесѣдою двухъ Ангеловъ: не вѣдаетъ онъ, эхо ли произноситъ гласъ сей неизвѣстный, зефиры ли сославляющъ онаго пріятность, или изъ устъ безсмертныхъ сей Божественный гласъ изходитъ. Исполненный симъ волшебнымъ звукомъ, идетъ онъ ко вратамъ Мемфиса, полевая собрати сокровища. Онъ самыхъ камней Египетскихъ до брега морскаго, виденъ былъ долгій рядъ колесницъ везущихъ къ стопамъ его богатство.

Среди сихъ упражненій, возобновляющихся въ сердцѣ его неразлучныя съ нимъ чувствованія. Не видя еще посланнаго имъ раба въ домъ отца его, предается онъ жесточайшему страху; не чаеши быти въ живыхъ Іакова и Селиму, и мнишь, что смерти ихъ ему не смѣютъ возвѣстипи." О ты, возо-

пилъ онъ тогда, ты, который здѣсь остановилъ снопы моя, въ то время какъ шелъ я обняши дражайшихъ мнѣ людей, или воздаши имъ послѣдній долгъ мой, не ропщу я о томъ, но дай ты мнѣ силу къ пренесенію толикія скорби! „Часто вопрошаетъ онъ себя, не похищенъ ли онъ него и юнѣйшій братъ его; образъ Веніамина предстоитъ очамъ его, и кажется ему зрѣти еще брата еще дружество впечатленное на устахъ его. Иногда мыслитъ онъ, что рожденный съ нимъ онъ возлюбленной Іакова супруги, подверженъ можетъ быть и онъ равной съ нимъ судьбинѣ, что братія его не терпѣли въ немъ крови Іосифа, что опладали они его онъ родительскаго дому, и повергли въ рабскую неволю. Наконецъ толикое его смятеніе разгоняется подозрѣніемъ, которое сколь онъ ни опровергаетъ, рождается въ немъ паче, чаетъ онъ, что братія его продолжая къ нему злобу свою, и спрашася, чтобъ ихъ не открылись злодѣянія, удалили раба его онъ очей Іакова и можетъ быть оковами его обременили. „Тогда онъ упрекаетъ себя въ томъ, что единъ изъ смертныхъ

ныхъ отъ него спановишся несчастенъ ; онъ слѣзы о немъ проливаетъ ; свое возпоминаетъ рабство ; хотя и желаетъ онъ другаго изъ рабовъ своихъ послати въ домъ отца своего , но сіе желаніе изпребляетъ , и когда знатныя вельможи презираютъ кровь людей имъ подчиненныхъ , и цѣлый иногда народъ приносятъ неправеднымъ спраснямъ своимъ на жертву , онъ того не помышляетъ , чтобъ санъ его и дражайшія природы чувствованія давали ему право жертвовать послѣднимъ изъ всѣхъ смертныхъ .

Между тѣмъ народныя несчастія , занимая чувствительность сердца его , заповорили отъ него иѣкимъ образомъ видъ собственныхъ его бѣдствій . Житницы наполнены были хлѣбомъ , и земля зрѣлась дарами своими покровенная , когда , подобна военнымъ предпріятіямъ раждающимся въ царскихъ черпогахъ , въ то время какъ спокойный земледѣлецъ чаеетъ дѣлати землю свою для самаго себя , наславала та страшная казнь , которой приближенъ ласкающій себя народъ еще не ожидалъ .

Ангелъ , посланный превѣчнымъ казниши народы , слетаетъ съ круговъ

небееныхъ. Рекъ онъ, и потряслася земля, и возмутился Океанъ. Внезапу возстающъ въ степяхъ Ливійскихъ спрашныя вихри, носяще во мрачныхъ ндрахъ своихъ безплодіе изнойный прахъ, и когда горящее ихъ дыханіе изсушаетъ Египетъ, сами они тогда опдаляющъ облака собравшіяся надъ Абиссинією. Въ пространныхъ воздушныхъ поляхъ сраженіе шворится. Прежде прошивоспающъ полуденные вѣтры; облака гонимыя двумя сопрошивными силами, бѣются другъ о друга; пысящи модній ихъ объемлющъ, и вдругъ слышны спали въ единое время гремящіе вихри, громъ и Ниловы пороги: сосѣдственный съ Египією поселянинъ, привыкшій къ шуму водныхъ испочниковъ, отъ сего спрашнаго звука ужасается. Наконецъ Ливійскіе вѣтры шоржествуютъ; опревающъ облака, и какъ бы въ бездну водъ низверженныя, сокрывающъ они отъ горизонта. Обманчивая ясность царствуетъ въ неизмѣримомъ небесѣ просиранствѣ. Ангелъ Египта зрѣтъ побѣгшія облака совсѣми сокровищи государствъ сего; ни единая завѣса небесныхъ круговъ отъ него не

сокры-

сокрываетъ; но сіе плѣняющее зрѣлище не можетъ утѣшить его о гонимой казни. Онъ обращаетъ очи свои на исходящее Нилово, и вмѣсто того, что въ сіе время онъ небесными увеличенный водами, долженъ былъ спрѣмиться съ необычною быстротою, и побѣждая горы, спалъ онъ изсыхавши постепенно, и наконецъ плещи подобно попоку слабое журчаніе произносящему, и коего слабое печеніе легкимъ препяствiемъ прекратиться можетъ. Уже ревъ водныхъ пороговъ утишается: кажущся они опрѣянными и гремящими вдали: эхо умолкаетъ: наконецъ скрывающіяся воды, и въ сихъ шумныхъ мѣстахъ царствуетъ глубокое молчаніе. Птицы и люпытвы звѣри, коихъ водный шумъ исполнялъ страхомъ, нынѣ сею тишиною спали услащенные. Жители сосѣднихъ пасырскихъ хижинъ, исходящъ со страхомъ изъ сѣней своихъ; отъ виду сихъ нагихъ и знойныхъ камней ужасомъ они исполняются; казнь имъ грозившая представилась ихъ мыслямъ, и гладъ казался имъ, подъ образомъ спрашнаго призрака, сложенного изъ единыхъ костей, сходящаго съ вы-

сошны сихъ камней, откуда прежде текло изобиліе.

Когда они предчувствовали казнь сію, весь Египетъ погруженный въ веселіи, наслаждался тогда послѣдними пріятностями плодородія. Нилъ исполнялъ еще свои предѣлы; и уменьшеніе водъ его было тихо и непроницаемо. Но узрѣвъ убываніе оныхъ вмѣсто разлипія изъ береговъ своихъ, цѣлое государство шаковымъ же объемлется смущеніемъ. Съ обѣихъ спранъ и во всемъ рѣкѣ проспранствѣ, берегъ исполненъ былъ множествомъ людей, кои усpreмляя на исчезающую воду мрачныя и угасшія очеса свои, возмущаясь духомъ слѣзы проливали. Между шѣмъ щещно поля ожидающъ водъ ихъ удобряющихъ; уже увяли нѣжныя цвѣты; травы сильнѣйшія оныхъ, поупляя унылыя верьхи своя, кажутся умоляши Нилъ, въ самое то время, какъ кедръ и пальмовыя дрѣва, покрытыя еще своимъ листвіемъ, казались хошящими презришь сію спрашную казнь: но наконецъ подобный зданіямъ возвышеннымъ рукою человѣка для потомства, кои одолѣя нѣсколько вѣковъ, равно какъ

какъ и воздвигнувшая ихъ рука уступаютъ хищенію времени, сіи гордые лѣса теряютъ всю красоту свою; листья, коими они вѣчно украшались, увядаютъ, упадаютъ, и обнажаютъ мершвыи пенъ и неплодныя лозы. Земля не совсѣмъ еще лишилась зеленого дерна; на берегахъ видны еще были нѣкіе онаго слѣды; но скоро все разрушается, и всеобщая наступаетъ гибель. Можно бы помыслишь, что неисчетныя пружи пожрали все до послѣдняго корня, или пламень ачнаго пожара обнялъ всю сію страну. Весна и осень, кои держа за-руки другъ друга, въ сихъ прекрасныхъ мѣстахъ поспазили престолъ свой, казались оныя оспавиши на вѣкъ: лѣто, окруженное губительными огнями, учреждаетъ шутъ свое владычество. Нѣтъ болѣе сѣни отъ солнечнаго жару; земля зноетъ пожирается; дыханіе зефира огненно, и заженный Нилъ ни единого свѣжаго пара не выпускаетъ. Поселянинъ спенящій и согбенный собираетъ плоды упавшіе съ древесъ, дражайшій и послѣдній даръ, который прежде собиралъ онъ съ цвѣтущихъ вѣтвей. Пошомъ взираетъ онъ со страхомъ на поля о-

Н ;

пу-

пустошенные : устремляется дѣлать оныя : не смѣя болѣе вѣриши сѣмя поверхности земной, раздираетъ онъ ея и обращаетъ въ надеждѣ болѣе плодородія обрѣсти въ ея нѣдрахъ; онъ орошаетъ ея и пошомъ и слезами; и идетъ черпаши воду, которая прежде пруда стекла сама собою : непріобыкшая къ таковымъ прудамъ печальная супруга оныя съ нимъ раздѣляетъ, когда не зная будущаго, щастливые ихъ младенцы окрестъ ихъ играютъ, и соединенными своими руками слабо направляють заспупъ въ землю неблагоприятную; мать взираетъ на нихъ съ усмѣшкою смѣшенной съ печалію, а отецъ въ уныніе поверженный работу свою усугубляетъ: но, щедрые пруды! Природа опровергаетъ вспоможеніе искусства; Нилковы воды лишили ихъ плодоносія, и пошъ человека не можетъ удобрить омертвѣвшую землю; естли же иногда нѣкая слабая права изъ пашни возникаетъ, вдругъ при очахъ же земледѣльца пламень солнечный пожигаетъ оную. Онъ плачетъ зря надежду свою уничтоженну, и привлеченный жижи въ недѣйствіи, шѣмъ паче о своемъ нещастіи размышляетъ.

Когда

Когда большая часть вельможей заключили себя во внутреннихъ своихъ чершогѣхъ, для удаленія отъ очей своихъ, а естли бѣ можно и отъ мысли сея жестокия казни, тогда Иосифъ выходитъ изъ Мемфиса, и шествуетъ въ поля, въ сей спрашный театръ бѣдствія народнаго. Какое зрѣлище поражаетъ взоръ его, вмѣсто сего блаженнаго жилища, гдѣ природа щедро изливала свои сокровища, зрѣтъ онъ единообразный видъ всеобщія гибели, Египетъ споль же неплодный, какъ и окружающіе его пески и камни, Нилъ почти изсохшій, и кажуційся нести воды своя въ спраны благополучнѣйшія, водныхъ жителей на днѣ умирающихъ, пѣсни въ лѣсахъ прекратившіяся, птиць неплодныя поля клюющихъ, или щещно между знойныхъ вѣтвей ищущихъ себѣ убѣжища, овецъ преклонившихъ къ землѣ главы своя, и безъ пастыря бродящихъ, и блѣдныхъ земледѣльцовъ идущихъ въ молчаніи смященными стопами. Симъ зрѣлищемъ устращенный Иосифъ останавливается, и не можетъ слезъ своихъ здержати. Онъ ободряетъ народы; и общаетъ имъ свою помощь.

Они

Они вѣрятъ словамъ и слезамъ его, симъ неложнымъ знакамъ чувствительности сердца его: обновляется надежда, и до самыхъ Египтскихъ береговъ отъ единыя сѣни до другой разпространяется.

Отшуда идетъ Іосифъ въ зѣмли его спараніемъ осушенныя. Какъ жатель, прія серпъ въ свою десницу, приходитъ жати класы, кои вечеромъ онъ зрѣлъ процвѣтшими: но въ самую ту ночь острый градъ поразилъ оныя до корня, и вихри похищали до послѣднѣя былинки; обѣянный ужасомъ не узнаетъ онъ полей своихъ, и безполезный серпъ упадетъ изъ руки его: тако Іосифъ возмущается видомъ сего опустошенія. Нилъ въ седми рвахъ своихъ уже болѣе не извищается, сіи поля возпріали прежнесвое неплодіе; отъ мѣста до мѣста видны токмо были пастырскія хижины, кои являли то собою, что есть во странѣ сей несчастные люди.

Многіе изъ нихъ, собравшись подѣзнойныя кедровыя вѣтви, при тѣни единого токмо пня разсѣдшагося отъ жару, нося на челахъ своихъ видъ опечаленія, указывали перстами на сіи поля

и рвы руками ихъ содѣланные. Роптаніе начиналось уже во устахъ ихъ, когда они Іосифа узрѣли. Радуга, шмами цвѣтновъ испреищенная, и сіяющая во облакъ мрачномъ, гдѣ прежде гремѣлъ громъ, не изливаетъ толикія пишины въ природу и въ душу земледѣльца. Изчезаетъ страхъ сердецъ ихъ, опустошеніе живущее въ поляхъ отъ взору ихъ сокрывается, и плодородіе обновлятися кажется. ✕

Но Іосифъ не довольствуется ободряти народъ едиными словами; онъ спѣшилъ бѣдство ихъ самымъ дѣломъ отвратить. Не возвращается онъ въ свои чертоги, гдѣ бы несчастныхъ вопль слышенъ былъ токмо издалека, а часто бы и совсѣмъ не былъ допускаемъ. Уже во внутренности полныхъ житницъ онъ обитаетъ; чертоги его суть то мѣсто, гдѣ является онъ благодѣтелемъ народа. Вѣдая, что знатные слагаютъ съ себя бремена свои, и онымъ слабымъ оотягощаютъ, хочетъ онъ самъ надзирати раздаяніе собранныхъ имъ благъ. Блаженъ земледѣлецъ! не погибнешь ты голодомъ зря въ рукахъ богатыхъ жлѣбъ содѣланный тобою!

Пен-

Пентефрій оставилъ свои чертоги ради вспоможенія во прудахъ Іосифу. Но кого избрати для опшправленія при семъ должностей различныхъ? Гдѣ найпти людей неразвращенныхъ, коихъ бы жадность не изсушила единаго кладезя изобилія? Іосифъ умѣлъ сошворити сердца ихъ добрыми: не ищепъ онъ ихъ по граду; онъ обрѣшаетъ ихъ въ пастырскихъ хижинахъ; они были тѣ самыя, съ коими онъ преперпѣвалъ рабство. По волѣ Пентефріевой собираетъ онъ ихъ при вратахъ Мемфиса. „О други! рекъ онъ имъ, я принималъ учасіе въ оковахъ вашихъ; раздѣлите вы со мною истинное удовольствіе вышняго сана, удовольствіе содѣловати благополучіе людское. Нѣтъ болѣе для васъ ни цвѣтущихъ луговъ, ни лѣсовъ зеленыхъ, ни желтѣющихъ класовъ; привлекая къ другимъ прудамъ, изпоргну я васъ отъ печальнаго зрѣлища. Когда же васъ природа въ поле будетъ призывать, тогда вы ея гласу повинуетесь: между тѣмъ мы всѣ купно живи будемъ, и я узрю тѣ обновляющіеся дни, въ кои дружество несчастія мои услаждало.“

Рекъ

Рекъ онъ, и усердіемъ исполненныя посвящаютъ они себя новымъ должностямъ своимъ. Щастливое согласіе великія душъ, и крѣпкаго шѣла было между Іосифомъ и его друзьями; единый духъ вѣщалъ и исполнялъ повелѣнія. Правосудіе, которое чли онъ земли изгнаннымъ, явилось туда паки, и казалось въ семъ мѣстѣ воздвигнуши престолъ свой. Бѣдному равно съ богатымъ угождаемо было, и естли иногда вѣсы нѣсколько колебались, то развѣ было сіе въ пользу робкаго и спраждущаго человека. Тако изобиліе царствовало во время глада. Одни знаменныя вельможи, принуждены будучи умѣрити излишнее, терпѣли отъ сея кáзни, и можно было зрѣти бѣднаго довольна, и богатаго скорбяща. Рѣдкое зрѣлище въ народномъ бѣдствіи!

Когда гиблы всѣ живописныя въ лѣсахъ, и въ изсохшихъ Ниловыхъ предѣлахъ, тогда пшцы благополучившіе оныхъ собирались облаками окрестъ того зданія, гдѣ житно раздаваемо было: зерны на землю упاداющія немедленно были ихъ добычею. Они плашили Іосифу своимъ пѣніемъ, единымъ веселіемъ,

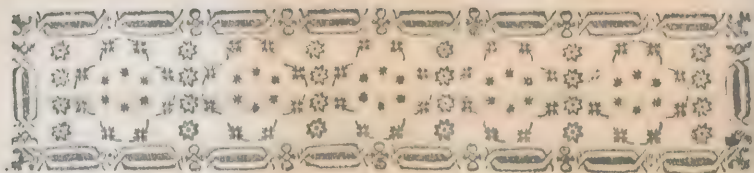
ліемъ, которое ему представляла при-
рода лишенная всѣхъ своихъ прелестей.

Но Ангелъ Египта изъ изходища
Нилова возвышается на верхъ высочай-
шаго камня, откуда око его всю защи-
щаемую имъ спрану объемлетъ. Подо-
бенъ нѣжной матери, которая вознося
пишапи младенца своего, и нашедъ ис-
точникъ млека изсохшій, взираетъ
болѣзненно на плодъ своей любви; смо-
тришъ онъ на спрану сію рожденную
изъ пину, удобренную Ниловыми вода-
ми, и нынѣ голодомъ опустошаемую.
Но видъ утѣшающій соединяется съ симъ
бѣдственнѣмъ видомъ. Онъ зришъ у
Мемфійскійхъ врагъ какъ бы новый ис-
точникъ, откуда во весь Египетъ те-
четъ изобиліе; онъ зришъ Іосифа упра-
вляющаго теченіемъ онаго; онъ мы-
слишъ, что сей добродѣтельный смерт-
ный естъ нынѣ жодашай духъ сего госу-
дарства: доволенъ лепитъ въ сіи мѣста,
и спрежетъ сіи сокровища.

Между тѣмъ народы приносятъ Іо-
сифу все свое злопо; лишася онаго
вручаютъ ему спадѣ свои; наконецъ
оспаиваютъ они въ руки его и зѣмли
свои. Положась на его благоразуміе и

щедрошу Цареву, не спрашашся они потерянн на вѣки собственнаго своего владѣнія; они отдають ему оное залогомъ и знакомъ своея довѣренности. Между тѣмъ пипаль онъ ихъ и скопъ ихъ, и спалъ на землѣ живымъ образомъ провидѣнія Божія, который единъ Господь и единъ правитель міра, держишь его, владѣешь онымъ, и всѣми заключающимися въ немъ дарами даешь Человѣку наслаждаться.

ЮСИФЪ.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

* * *

Когда Египетъ, оставленный рѣкою его удобряющею, пишаемъ былъ руками Юсифа, тогда подобно быстрому источнику, который удержанъ славъ оплошомъ, въ другую спрану устремляется, гладъ за предѣлы сего государства распространялся. Уже Ангелъ, посланный въ міръ съ сею казнію, прибылъ на брегъ Чермнаго моря: неплодіе доспигаеши даже до сихъ береговъ: Океанъ стремленіе онаго не останавлиаеши: Ангелъ, прешедъ море, касается плодоноснымъ полямъ Аравійскимъ; почши единымъ

ударомъ разитъ онъ небеса и землю; срывающся облака, или спановаящся неплодны, и земля свое теряетъ плодородіе; внезапно гибнутъ обильныя Аравійскія произведенія; удивленное море не пріемлетъ болѣе обыкновенныя дани ароматъ, которыя вѣлы его покрывали, и кои, оживляя путешествующаго, привлекали забываши свое опечесство.

Ангелъ продолжаетъ свое страшное печеніе, и преходя пущь Превѣчнымъ ему повелѣнный, приходитъ онъ во страну Ханаанскую, въ домъ Іакова. Узрѣвъ сіе жилище, гдѣ почиаемъ былъ Творецъ всея природы; онъ останавливается, и желаетъ бытъ ходатаемъ онаго: входитъ онъ невидимо въ сѣнь сего старца, и зришь его проливающа слезы; сколь ни былъ онъ подвигнутъ тамъ на жалость: но не взирая на сіе, принужденъ онъ былъ повиноватися велѣнію, которое онъ проникнуть не можетъ. Тогда сѣмена вѣренныя землѣ, умираютъ въ ея нѣдрахъ; пищащельные соки, какъ бы изсохшіе источники, уже болѣе на пѣравы и на веръхи дресесъ не исходятъ.

Сѣнь Іаковля обнажается своего листвія: не цвѣты въ ней увядающѣ; ибо оными давно болѣе она не украшалась. Возлѣ ея мершвѣнѣ сѣнь воздвигнушая Іосифомъ, и въ которой нынѣ Селима обила. Весь домъ сей равное сему представляетъ зрѣлище.

Іаковъ, который лишился возлюбленнаго сына, изходилъ рѣдко изъ своего жилища, изморгнушъ былъ изъ онаго симъ несчастнымъ случасмъ. Ведомый Селимою и Веніаминомъ, препенущими стопами шествуетъ онъ во своя жижины; согбенную главу свою подбемлетъ, и очи его смятенно озирающъ сіи плачевныя виды. По долговременномъ молчаніи: „Сѣнь Авраамля! рекъ онъ, наконецъ прѣжнее швое сіяніе зашмѣвается Сѣнь погибшаго сына! шы кажешся сѣ нашею печалію согласна, и я зрю послѣднія швой листвія упадающі А шы, оларь священный! сѣ шого времени, какъ тебѣ воздвигнулъ Авраамъ, се въ первый разъ не примешъ шы начашковъ плодовъ земныхъ Могъ ли я чаяши шого, что долженъ я еще другія оплакиваши бѣдствія, и что сѣ новою скорбію сиду

ду я во гробъ? Такъ мало для меня лишеніе дражайшаго мнѣ сына: надлежитъ мнѣ еще умирая видѣти погибающихъ всѣхъ моихъ ближнихъ! . . .” Пошомъ усипремя на Селиму и Веніамина нѣжныя очи: „а вы, рекъ онъ, дщерь моя! сынъ мой! вы утѣшая спеняющую скорость мою, вы, копорымъ должно сомкнувъ очи мои” Скорьбъ прѣпашспвуешъ ему продолжати свое слово.

Селима обѣмлетъ его, слезами омывая. „Дражайшій опче мой! рекла она, еспъли купно снидемъ мы во гробъ, то симъ исполнится мое первое желаніе. Каждый день прошу я у небесъ прекрапиши жизнь мою во единый часъ съ швоею. Пріобыкшая слезы мои соединятъ съ швоими, каждую минушу буду я искаши шебя въ сѣни швоей, и не нашедъ шебя пiamo, сердце мое можетъ ли пренести шоликія скорьби, и довольно ль будетъ слезъ моихъ къ оплакиванію опца и возлюбленнаго? Что можетъ быть пріятнѣе для насъ, какъ мыслиши о томъ, что будемъ мы соединенны съ тою непорочною душою, о которой мы спраждемъ непрестанно, что приметъ она учаспіе въ первомъ

восторгъ нашей радости, бывъ полъ долгое время свидѣшельницею скорби нашей!" Сіи слова произнесенныя жалоснымъ гласомъ, смягчающъ Веніамина, и приносящъ нѣкое утѣшеніе Іакову.

Между шѣмъ другіе его дѣти, собравшися вѣѣ дома, обращающъ очи на плачевныя свои жилища и на поля опустошенныя: пошѣмъ другъ на друга взирающъ они съ ужасомъ, ни единого не произнося слѣва. Свирѣѣе и блѣднѣе всѣхъ своихъ брашій, Симеонъ не устремляенъ очей своихъ ни на домъ свой, ни на поля; погруженный во мрачное уныніе, пошупилъ онъ къ землѣ грозное око свое. „Раскаяніе! терзающее меня и день и ночь, вдругъ возопилъ онъ, такъ шы малое еще мнѣ наказаніе: се предстоишъ жесточайшее; нѣшъ вѣѣ шомъ уже сомнѣнія, сынове Іаковли! я единъ обращаю казнь сію на главы ваши. Я привелъ васъ на злодѣяніе; я единъ продалъ брата моего; безъ меня бы дружество, веселіе и изобиліе обитало вѣѣ нашемъ домѣ. Ешъ ли бѣ я одинъ терпѣлъ казнь сію, не приносилъ бы я тогда ни единыя о семъ жалобы: но сіе мспшительное небо, ко-
его

его щещно умоляю я поразиши громомъ меня единого, щещемъ скорѣю мою увеличиши; щещемъ, чщобы я совершилъ погибель опща моего, вашу, Селимы и всѣхъ моихъ ближнихъ; я долженъ видѣши всѣхъ своихъ мерщвыхъ, и смерти ихъ виною себя признаваши; я рожденъ на разрушеніе пощомства Авраамова до самаго его корени; щещно Богъ общалъ ему многочисленное племя; я осквернилъ его собою; оно должно быши изщреблено Свершилось все щеперь, вамъ болѣе меня не можно удержаши, иду опкрыши все Іакову, щощу, чщобъ онъ наказалъ меня, чщобъ онъ умерщвилъ меня, чщобъ избавилъ вдругъ свой домъ опщ брапоубійца, и опщ всѣхъ бѣдъ привлекаемыхъ щуда моимъ злодѣянщемъ.” Рекъ онъ, и нося на челѣ своемъ знаки опщачанія, ущремился бѣжаши опщ своихъ брапій.

„Пощой, возопилъ Рувимъ, пощпой, или мы сами пощбдуемъ за щобою, и скажемъ що Іакову, чщто всѣ его виновны дѣши. Щещастный! щы себѣ желая смерти, умерщвляешь своего родителя.”

Симеонъ препенелъ, останавливается, и всѣ они входящъ печально въ домъ свой. Издалека зрящъ они почтеннаго шарца, возлежащаго на персяхъ Веніамина и Селимы; зрящъ слѣзы изъ очей его ллющіяся. „Не пойдемъ далѣе, рекъ Неффалимъ рыдая; блаженна Селима! блаженъ Веніаминъ! вы съ нимъ купно слѣзы проливати можете.“ Всѣ они спали неподвижны. Симеонъ ужасается: какъ убійца узрѣвшій жертву пораженную имъ слабымъ ударомъ, ощущаетъ препенаніе сердца своего, жадный потъ его орошаетъ, тако шествуетъ онъ упаси къ ногамъ Іакова, и сложити съ себя страшное бремя своего злодѣянія; но вдругъ, какбы жестокимъ вихремъ опрѣенный, онъ ужаса вспянь обращается.

Въ самое то время повсюду разпростиранялся слухъ о мудрости Іосифа. Между небомъ и землею летаетъ Ангелъ возвѣщающій людскія добродѣтели. Когда ложная слава служилъ гордынъ и честолюбію, тогда онъ просныя шокмо и смиренныя добродѣтели даетъ познавати; единая истинна изходитъ изъ устъ его, достигаетъ до небесъ, и не
взирая

взирая на роптаніе смертныхъ, слышимъ
 ся иногда и на землѣ. Чаше всего на-
 правляетъ онъ полетъ свой далеко отъ
 большихъ градовъ, и летаетъ надъ бѣд-
 ными пастырскими хижинами. Нынѣ у
 врагъ неизмѣримаго града почерпаетъ
 онъ повѣспованія достойныя вниманія
 земли и небесъ. Отъ Мемфійскихъ ба-
 шенъ возвышается онъ съ единого кру-
 га на другій даже до престола Божія,
 и повсюду возвѣщаетъ премудрость, ко-
 торую Іосифъ отъ глада Египетъ из-
 бавляетъ; въ сихъ безчисленныхъ кру-
 гахъ, шекующихъ разными пущами, раз-
 дается вдругъ имя Іосифово; небесные
 умы останавливаютъ свое пѣніе и внима-
 ютъ сей важной пѣсни посвященной до-
 бродѣтели. Опшуда Ангелъ снисходитъ
 быспрымъ полетомъ до дому Іаковля.
 Тамо возвѣщаетъ онъ премудрость Еги-
 петскаго правителя; кропость его, по-
 рядокъ и изобиліе сохраняемое имъ въ
 семъ государствѣ, и чувствительность
 его къ несчастнымъ и бѣднымъ посе-
 лянамъ.

Симъ повѣспованіемъ Іаковъ воз-
 мутился. „Таково, рекъ онъ, таково
 было душевное свѣдѣніе моего неща-

спинаго сына. О Селима! и я такожде хочу тебя утѣшати. Блаженъ сынъ мой, немогущій зрѣти угрожающаго намъ бѣдствія; чувствительная душа его не могла бы пренести толкаго удара, и онъ бы всегда изпорженъ былъ изъ обѣ-
щій отца своего.”

Но повѣствованіе Ангела вселяетъ смущеніе и ужасъ въ сердца сыновъ Іаковлихъ: кажется, что толкаго добродѣтелей описаніе обличало ихъ жестокость. „Сей мужъ, рекъ Симеонъ самъ въ себѣ, сей мужъ спраннымъ помогашъ, а я брата моего принесъ на жертву!,,

Между тѣмъ Іаковъ призываетъ къ себѣ всѣхъ своихъ сыновъ. Они убѣгали всегда отъ лица его, и каждый разъ, когда онъ собиралъ ихъ, спрашивали они обрѣсти его свидѣща о ихъ злодѣянїи: нынѣ почитая себя виною сея кáзни, ужасались они и паче присутствія своего родинеля. Трепеща входящъ они въ сѣнь его; старецъ на нихъ взираетъ, а они пошупляютъ свои очи. „Вы зрите, рекъ онъ имъ: какое бѣдствіе объемлетъ всю сію страну. Ско-
ро, паче спарости, ведетъ меня
ко

ко гробу, и я не хотѣлъ бы продолжи-
ти еще несчастную жизнь мою; лилася
сына моего потерялъ я то, что мнѣ
жизни драгоцѣннѣе. Но Селима живетъ
еще; Веніаминъ подобіе сына, о коемъ
я рыдаю, Веніаминъ видѣлъ еще свѣтъ,
и вы дѣти мои, вы мнѣ также драго-
цѣнны. Египетъ, хотя голодомъ и
опустошенъ, но житомъ изобилуетъ,
и онъ сими сокровищами долженъ пре-
мудрости своего правителя: падите къ
ногамъ его; принесите ему сіе злато;
онъ, вѣщаятъ, милосердъ къ поселя-
намъ и несчастнымъ; молиште его о
милости къ дому нашему. Еслибъ
я неудерживаемъ былъ спаросію, и
еслибъ не хотѣлъ я оплакать сына
моего на мѣстѣ его рожденія, я самъ
пошелъ бы во Египетъ; не знаю, что
привлекаетъ меня любви сего мужа,
о коемъ слава гласитъ по всей землѣ.
Насладитесь удовольствіемъ видѣти его;
выирайте на его добродѣтели; да нѣ-
сколько смягчитъ сердца ваши его кро-
воточность и чувствительность. Уже давно
приношу я жалобу на ваше жестокосер-
діе; вы оставляете скорбѣти отца сво-
его; хотя и видѣлъ я васъ пролива-
ющихъ

ющихъ слёзы, но кажешся мнѣ, что вы еще недовольно оплакиваете Іосифа, и что неугодно вамъ бесѣдовать о братѣ вашемъ. Идите; и не единое спасеніе отъ глада съ собою принесите; привесите вы съ собою добродѣтель; по возвращеніи своемъ возвѣстите о семъ премудромъ мужѣ. Но чтобы не лишился я всѣхъ моихъ сыновъ, Веніаминъ останется со мною.” Рекъ онъ, и Симеонъ радуется тайно, обрѣтая случай отвратить бѣдствіе, котораго вину на себя возлагаетъ.

Іосифъ продолжалъ между тѣмъ надзираши Египетъ; онъ простираетъ пакожде изобиліе и въ сосѣдственные зѣмли. Увы! когда пишетъ онъ чуждые народы, не вѣдаетъ тогда, что сродники его гладъ и смерть видятъ предъ очами!

Фараонъ увѣдавъ о порядкѣ, съ которымъ житию раздаваемо было, истинное удовольствіе вкушаетъ; онъ призываетъ къ себѣ Іосифа, и удаляя отъ лица своего всѣхъ своихъ вельможей, изображаетъ ему благодарность свою сими словами. „Добродѣтельный помощникъ мой въ правленіи! достойный раздѣляти
со

со мною скиптръ мой! чемъ воздамъ тебѣ за твои услуги? Воздвигну ли ку-миры тебѣ и пирамиды? но ты па-ковую почести презираешь, которая гордынѣ воздаема не можетъ быти тебѣ достойна; ты предпочитаешь зрѣ-ши образъ свой во всѣхъ сердцахъ жи-вущихъ, и дѣла твои суть выше и пѣв-же всѣхъ великолѣпнѣйшихъ зданій. Зиждишель единыя часни сего госулар-ства, ты спалъ избавишелемъ цѣлаго Египта, и, самые будущіе роды тобою живи будущъ; ты даешь имъ жизнь, питая ихъ опцовъ. Умножи свои бла-годѣнія; не возмогши ничемъ тебѣ воздати за содѣянное тобою, даю я тебѣ достойное воздаяніе, отверзая но-вый тебѣ путь быти полезнымъ моему государству. Гладъ не единое естъ бѣд-ство сего опустошающее; язва древнѣй-шая, и нѣче всего распространившаяся, усугубляетъ вседневно свои лютошти, сія язва естъ суевѣріе. Добродѣтели твои извелили меня изъ заблужде-нія; ты далъ мнѣ познаши Господа міру: не можешь ли ты просвѣпить и народъ мой? Спыжуся управляши смертными весьма мало опличающими-
ся

ся отъ живошнихъ, предъ коими они повергаются; хошу быши Царемъ чело-вѣковъ. Запворимъ языческіе храмы, коими земля опягощается; да сокроуш-ся ложные Боги отъ швоего гласа, и когда единый Богъ царствуетъ вселен-ною, да будетъ и у смершнихъ единое ему служеніе.”

Іосифъ по нѣкоемъ молчаніи воз-дыхаетъ. „Колико желалъ бы я того, рекъ онъ, чтобъ не одни безсловесныя швари воздавали свидѣтельство Суще-ству всевышнему, и чтобъ родъ чело-вѣческій обожалъ его общимъ гласомъ! коль пріятно бы мнѣ было раздѣляши сь нимъ преимущество, коимъ пользу-ются ближніе мои, преимущество ле-стное, но вкупѣ и прискорбное чув-ствительному сердцу! тогда люди при-знавая единого ошца, и не раздѣляемы различными богослуженіями, были бы всѣ братія. О коль пріятно то согла-сіе, которое основано на естешвенной склонности! Но сіе блаженное время, еще не наступило, и намѣреніе швое обрѣло бы великія препяшствія. Друже-ство, общія несчастія и всегдашнее обхожденіе, помогли мнѣ вселиши свѣтъ
вѣ

въ сердца пастырей бывшихъ со мною
въ рабствѣ: но просвѣщенный народъ по-
груженный въ бездну суевѣрія есть дѣло
несказанно тяжчайшее: можно ошвра-
тить печеніе источника; но быстрая
рѣка и наводненіемъ увеличенная не
хочетъ оставить глубокіе предѣлы
собою изрытые. Египетъ есть овецъ
суевѣрія, и шѣмъ паче въ оное повер-
гается; онъ утверждается въ своихъ
заблужденіяхъ сообщая оныя всѣмъ на-
родамъ. Я привожу на память шонѣ
самый день, въ который спранникъ нѣ-
кій безъ злаго намѣренія убивъ крокоди-
ла, не могъ отъ разъяреннаго народа
спасенія ни моею, ниже швоею вла-
стію, не взирая на спражей швоихъ пре-
данъ былъ онъ смерти. Во всемъ про-
спранствѣ земли швоея, не поклялись
ли люди швои во время голода питанія
паче кровію человѣческою, нежели пло-
тію животныхъ ими обожаемыхъ? Чего
не должно ожидать, еслии всѣхъ бо-
говъ мы отъ нихъ похишимъ. Возму-
щеніе и война соединились бы съ гла-
домъ, и ужасъ бы онаго усугубили. Ол-
тари, воздвигнутые Существу всевышне-
му, обагрились бы человѣческою кровію.
Нѣшѣ,

Нѣтъ, не принудимъ людей къ богослуженію, которому изъ сердецъ изходиши подобающъ, и будемъ подражати естеству возвѣщающему Господа крошкимъ и увѣряющимъ гласомъ. Не мни, чѣмъ оприцался я помощіи намѣреніямъ, кои давно уже я самъ предпріималъ; но столь закорененному суевѣрію медленное пошребно врачеваніе; очистимъ древо, но не испребимъ его. Самъ Господь не восхотѣлъ первѣе призывать къ познанію своему людей, кромѣ моихъ праотцовъ. Слѣдуя его примѣру, призовемъ мы добродѣтельныѣйшихъ смертныхъ къ нашему служенію, а дабы не возмутишь щещно народы, то да будетъ служеніе сіе покровенно нѣкимъ таинствомъ. Да содержишь Египетъ, бывшій до сего времени убѣжищемъ суевѣрія, да содержишь въ себѣ дражайшія сѣмена правыхъ вѣры, и когда народъ ложныхъ отъ него боговъ требоваши будетъ, тогда да придутъ мудрые отъ всѣхъ спраць познаши въ нашихъ таинствахъ Существо всевышнее, до того времени, когда исправившися родъ человѣческій обыметъ сіе познаніе, и утвердитъ оное на вѣки." Рече онъ, и похваленъ

хваленный Царемъ, исполняетъ не медля свое предпріятіе.

Тогда воздвигнушъ былъ въ Мемфисѣ храмъ, который величествомъ своимъ заимѣвалъ всѣ Египетскія капища, и назначенный идолопоклонству, не былъ еще онымъ оскверненъ: Іосифъ изпоргаетъ сей храмъ отъ злочестія, и Превѣчному оный посвящаетъ. Онъ избираетъ малое число мужей добродѣтельныхъ для сего служенія. Потомъ призвавъ Ишобала: „мой другъ! рекъ онъ ему, ты нерожденъ въ неволѣ; изыди изъ сего состоянія. Я не предлагаю тебѣ величества: не вручаю меча, коимъ храбрость твоя вооружалась; спокойное нынѣ твое опечесство не призываетъ тебя къ бивамъ, и война Египта не смущаетъ; наслаждайся блаженствомъ не проливая крови. Первому тебѣ открылъ я Творца всея природы; тобою я хочу народы просвѣтити. Буди начальникомъ надъ плѣми, коихъ избралъ я къ богослуженію приличному человѣку; сразися съ порокомъ и ложнымъ предразсужденіемъ; постави царство добродѣтели. Другъ достойный! изливай повсюду чувствитель-

ность сѣрдца твоего; предсѣди священному дружеству соединяющему сіе новое сообщество мужей просвященныхъ и непорочныхъ. Не къ безплодному познанію будешь ты людей призываши; учи ихъ правотѣ и благодѣянію; да вожди рода человѣческаго не заблуждаютъ съ нимъ во мракъ; содѣловай Царей, мудрыхъ законодательей. Иди, Пенсепфрій для меня далъ тебѣ свободу; а я, снявъ оковы съ того, который шествуя самъ на смерть, хотѣлъ извести меня изъ темницы, удовлетворилъ и дружеству и благодарности.” Произнеся слова сіи, сердце его смягчается, возхищенный Ишобалъ упадаетъ къ ногамъ Іосифа, который возспавляетъ его и объемлетъ.

Провождаемый тѣми непорочными мужи, надъ коими начальствовалъ, идетъ Ишобалъ отъ объятія Іосифа во храмъ посвященный Творцу всея пвари. Царь первый труда шествуетъ, и вступая въ число людей хранящихъ сіе таинство, просвѣщается. Сему примѣру подражаетъ Пенсепфрій. Уже храмъ сей ожидаетъ къ себѣ мудрыхъ отъ всѣхъ концовъ вселенныя. Орфей! пѣсни твои слышанушъ въ немъ священнѣе. Ликургъ! Пинеа-

ПифагорѢ! вы почерпнете добродѣтель изъ сего божественнаго кладезя. Изъ нѣдръ сего жилища, о чудный СократѢ! достигнете до себя переходящее отъ единого Философа къ другому познаніе о БогѢ, которое вселите въ душу пвою ту непоколебимую швердосшь, кою возвышенъ будши надъ врагами своими, имущими принесши себя на жертву!

ІосифѢ, не довольствуясь единымъ исполненіемъ сего предпріятія, хотите еще и того, чтобъ пирамиды, посвящаемыя прежде гордымъ и ложнымъ таинствомъ, имѣли на себѣ почтенные знаки новаго служенія. Симъ придаетъ онъ болѣе величества древнимъ онымъ зданіямъ. Мудрые на нихъ взирающіе, не единому чудному искусству дивятся. Сіи гробницы вѣщаютъ имъ о БогѢ и безсмертіи; они суть книги ихъ, послѣ той, которую имъ природа предлагаетъ. Тако Іосифъ пишая народы, ихъ просвѣщаетъ.

Посреди сего дѣла искалъ онъ иногда уединенія, размышляя во ономъ о своихъ возлюбленныхъ. Сіе единственно было шокмо важныя его упражненія. Время быстро пролетало; а онъ

не могъ еще исполниши главнѣйшаго своего желанія, какъ во еднѣй день, когда воображеніе его паче всѣхъ дней представляло ему ближнихъ его, возвышася ему о прибытіи чужестранцевъ, желающихъ отъ него купити пшени. Они немедленно ему представляются. Въ чернѣе его входящъ, и повергнувъ себя къ ногамъ его приклоняющъ чело свое къ землѣ: старшій изъ нихъ простираетъ свое слово: „не остави, рекъ онъ, не остави потибуши людей нещасныхъ, кои бывъ нѣкогда въ изобиліи, нынѣ голодомъ испасаются. Мы пришельцы, и хощя приносимъ къ тебѣ злато, но не имѣемъ права наслаждаться плодомъ твоего спаранія; слава возвысится въ дому нашемъ твои добродѣтели, и мы не устращаемся призвати на помощь нашу защитника нещасныхъ.“

Гласу сему внимлетъ тщательно Іосифъ. Взираетъ онъ на пришельцовъ: единъ изъ нихъ плѣняетъ его вниманіе. Онъ былъ блѣденъ необычно, и казался виновенъ были въ спраннымъ нѣкоемъ злодѣяніи, и мрачное око его изъясляло души его смущеніе. Іосифъ познаетъ

Симе-

Симеона: невольный страхъ его об-
емлеть: въ сіѡе то время зрѣтъ онъ
Неффалима, Рувима и прочихъ своихъ
братій. Онъ становится неподвиж-
нымъ отъ удивленія. Первое его чув-
ствование было прощенья вѣну ихъ;
онъ отверзаетъ имъ свои объявія, и
уша его гласовы уже были нареци име-
на ихъ: но, хотя вѣдали таинство
сердецъ ихъ, укрощаетъ онъ съ тру-
домъ сіи движенія. Онъ озираетъ сво-
ихъ братій, какъ бы спремая проник-
нути во внутренность ихъ душъ; очи
его встрѣтятся съ Неффалимомъ, испол-
няюща слезами, и онъ пламенно ищетъ
въ нихъ Веніамина. Между тѣмъ они
успрашася его взоровъ, и объявныя сму-
щеніемъ, кое пресупники зря непороч-
ность ощущающъ, не смѣютъ они воз-
весити на него очей своихъ, и ожидающъ
того, чѣмъ онъ прервалъ молчаніе.
„Живъ ли вашъ родитель?“ рекъ онъ
имъ смущеннымъ гласомъ. „Живъ,“
опвѣтспивуетъ Рувимъ. Іосифъ возво-
дитъ къ небесамъ очи омоченныя сле-
зами благодарности. „Такъ вы всѣ его
оставили? продолжаетъ онъ, кѣмъ по-
мощникъ его спаросни?“ Произнося сіи
II 3 слова,

слова, едва могъ онъ сокрыти свое смященіе. „Селима, кошорую онъ чинилъ своею дочерію, рекъ Рувимъ, и Веніаминъ, юнѣйшій сынъ его, вспомошествоваху ему бремя старости носити.“

Тогда Іосифъ, не возмогши удержати смятенныя чувствованія сердца своего, изходитъ вонъ отъ нихъ, и слёзы его рѣкою лилися изъ очей его. „Они живы! возопилъ онъ, они всё еще живы. . . . а я медлю ихъ видѣть! Пойду отселъ, отвращу отъ нихъ гладъ; они ближніе мои; они должны были мнѣ драгоцѣннѣе чуждаго народа. . . .“ Онъ успремился ипши, и вдругъ оставяется.

„Но что! рекъ онъ, или чуждъ мнѣ сей народъ? или не мнѣ препоручилъ Богъ блюсти его? Могу ли я отыпнѣ отъ него безъ Вышняго велѣнія; и оставлю ль я дѣло мое несовершенно? . . . Такъ и щастіе мое съ скорбію смѣшанно! . . . Но я долженъ повиноваться волѣ того, кто подалъ мнѣ шолікіе знаки своея благости: отселъ могу я лучше отвратиши казнь погубляющую домъ родимельскій. По крайней мѣрѣ могу я уладити таковое жертвопри-

приношеніе. Селима! необходимо надлежишь тебѣ быть неразлучною съ шѣмъ, который тебя чпшишь утѣшеніемъ и радостію своею; буди ему вмѣсто меня до того времени, какъ прииду я раздѣлится съ тобою сіе пріятное упражненіе: но ты, Веніаминъ, прииди въ мои обѣщанія; прииди облегчишь мнѣ послѣдніе дни столь несчастнаго изгнанія."

Онѣ опираешъ слёзы свои, и идетъ къ сыновомъ Іаковлимъ, кои ожидая его съ неперпѣливостію, спрашились слышати моленіе свое отверженно. „Я даю вамъ житио, рекъ онѣ имъ, спѣшите изыти оиселъ; спѣшите на помощь къ своему родителю . . . и Селимъ Колико желалъ бы я видѣти Іакова! мнѣ знаемъ сей спасецъ непорочный Но крайней мѣрѣ желаю я зрѣти всѣхъ его сыновъ. Я хочу оставить здѣсь единого изъ васъ, пока не приведете вы ко мнѣ Веніамина Не имѣете ли вы еще другаго брата?” Въ то время устремилъ онѣ на нихъ взоръ свой.

Возмущенные симъ вопросомъ, безгласны они стали; Симеонъ блѣднѣетъ: **Воздыхаетъ Неффалимъ**; казался имъ

всѣмъ, что сей великій мужъ проникаетъ во глубину сердецъ ихъ. „Насъ было дванадесять братьевъ, рекъ Рувимъ запинаяся но мы не вѣдаемъ, что съ однимъ изъ насъ приключилось.“

Между тѣмъ взирали они другъ на друга, желая спросити одинъ другаго, кому въ землѣ чуждей оспаться должно. Тогда Симеонъ тихимъ гласомъ имъ вѣщаетъ: Небеса не преспаютъ гнати насъ, рекъ онъ; вы знаете, кто виновникъ всѣхъ. Идите, возвратитесь въ домъ Іакова; я оспаяю здѣсь; всѣ мѣста для меня равны, повсюду сердце мое перзаемо разкаяніемъ будетъ.“ рекъ онъ; объемяютъ братья его, и обѣщаютъ ему не медля изыти для избавленія его отъ плѣну.

Видя раскаяніе Симеона и разставаніе его съ братьями, едва не открылъ Іосифъ того чувствованія, которое въ душѣ его было заключенно; ужь очи его слезъ полны были: но Ангелъ Египта, который также былъ ходатай Іосифовъ, восхотѣвъ велѣніемъ Превѣчнаго наказати Симеона, продолжиши перзаніе совѣсти вѣроломныхъ его братьевъ, и сошвориши судъ съ гонимою добро-
дѣ-

дѣшелою, взявъ за-руку Іосифа, и оп-
велъ его оны браніи. Они шесивуютъ
въ свой путь; Симеонъ печаленъ и
унылъ единъ оспается.

Іосифъ, какъ бы оны смятеннаго сна
пробудясь, хоцетъ знати, гдѣ пришель-
цы пребующіе его покровительсѣва; воз-
вѣщаютьъ ему о ихъ опшесѣвіи: тогда
предаются онъ печали; вопрошаютьъ себя,
вѣявъ ли зрѣлъ онъ ближнихъ своихъ;
почто не устремился онъ въ ихъ объ-
ятія. „Жестокосердый! возопилъ онъ,
ты мщеніемъ пылаешь!“ Онъ хоцетъ
видѣти хоня Симеона, и шесивуетъ въ
то мѣсто, гдѣ его оспавилъ; но тамо
его не обрѣтаютьъ, и не вѣдаютьъ того,
что Ангелъ Египта повелъ его во храмъ
посвященный Творцу всея природы, во
храмъ служащій пристанищемъ и гони-
мой добродѣтели и злодѣямъ пришед-
шимъ въ разкаяніе.

По нѣкіихъ дняхъ, сѣдѣющій предъ
сѣнію своею Іаковъ съ Веніаминомъ и
Селимою, зришь прибывшихъ сыновъ
своихъ; они сходяютьъ съ вельблюдовъ,
и полагаютьъ у ногъ старца врепища
свои наполненныя житомъ. Онъ спрѣ-
таютьъ дѣшей своихъ съ горячностію;

но объявъ ихъ, обращаетъ окрестъ себя смущенныя очи. „Гдѣ Симеонъ? рекъ онъ, я не зрю его.“

„Не смущайся, отвѣщаетъ Рувимъ; доспѣшно хваляшъ правителя Египетскаго: когда успрашало насъ его величество, тогда снисхожденіе его ободряло духъ нашъ. Онъ жалостливъ къ несчастнымъ, и ему любезна добродѣтель. Мы зрѣли его при имени швоемъ смягченна, и проливающа слезы о бѣдствіи швоемъ: ны знаемъ отъ него; онъ вопрошалъ о всемъ шомъ, что тебѣ любезно, и казалось намъ, что онъ чинилъ тебя и любилъ. Хочу, рекъ онъ, видѣши всѣхъ сыновъ Іаковлихъ. Вся спротосилъ его къ намъ состояла шокмо въ шомъ, что оставилъ онъ у себя Симеона, доколѣ не приведемъ къ нему Веніамина“

Сии слова поразили Іакова. „Жестокосердые! прерываеши онъ, такъ вы стремишесь похищити отъ меня всѣхъ моихъ дѣтей. Я лишился Іосифа; поднесъ сердце мое о немъ терзается; не вижу болѣе Симеона, и вы мыслите изшоргнуши изъ рукъ моихъ Веніамина! Изишъ, не ласкайте себя, чтобы я его
вамъ

вамъ предалъ." Въ то же время держалъ онъ его въ своихъ объятіяхъ.

Сынове Іаковли возмутились, и умолили. Рувимъ наконецъ простеръ слово свое. „Чего спрашиться? рекъ онъ, правитель Египта явишъ милость свою Веніамину. Я двоихъ дѣшей имѣю: умерши ихъ, естли не приведу его къ тебѣ."

„Но привелъ ли ты ко мнѣ Іосифа? рекъ разгнѣванный Іаковъ: или нѣтъ во Египтѣ ни лѣсовъ ни звѣрей люпыхъ? и думаешь ли ты, что кровь внуковъ моихъ ушѣшишь меня о гибели дѣшей моихъ?" Рувимъ ему не смѣлъ отвѣщати.

Они опроверзаютъ въ молчаніи вѣщающа исполненныя житою, и первѣ всего видятъ въ нихъ злато свое врученное Іосифу: они пораженны снати удивленіемъ. Но спарецъ въ глубокое уныніе погруженный, и размышляющій еще объ опасности, которому подверженъ будетъ Веніаминъ въ опшесствіи своемъ, взираетъ на злато сіе безъ удивленія.

До того времени, какъ было у нихъ жито, не помышлялъ Іаковъ послати сы-

сыновѢ своихѢ паки въ ЕгипетѢ: онѢ сожалѣлъ о СимеонѢ, но не могѢ съ ВеніаминомѢ разлучишися. КакѢ пища сохраняя пищенцы своя, раздаетѢ имѢ щедро пищу, которой она лишается сама, тако сей чадолюбивый отецѢ, не отвергая ни въ чемѢ желанія дѣтей своихѢ, претерпѣвалѢ самѢ часто нужду, дабы симѢ неопаснымѢ опшесивіемѢ помедлиши. Между шѢмѢ гладѢ продолжалѢ опустошати землю; живо уменьшалось, и уныніе со ужасомѢ вселилось въ домѢ Іакова. Сыны его, предпріавѢ погибнуши не принося жалобы, не перзали его воплемѢ своимѢ: но жѣны ихѢ и дѣти скинались окрестѢ сѣни его, и молчаніе ихѢ довольно погибелѢ ихѢ изображало. СтарецѢ считаетѢ наконецѢ число дней, въ кои можетѢ онѢ еще питати своихѢ ближнихѢ, и успрашивается видя, что въ скоромѢ времени возлюбленная его Селима, сынѢ, косто онѢ спрашится потеряти, и всѢ дѣти его сидунѢ купно во гробѢ; еспли медлиши еще, то не будетѢ ужѢ времени итти во ЕгипетѢ, искати по́мощи онѢ глада: онѢ ужасается онѢ сей мысли. ПошомѢ вопрошаетѢ онѢ себя, сынѢ

ли

ли ему Симеонъ; воспоминаетъ то время, когда зрѣлъ его люющаго слёзы объ Юсифѣ, котораго онъ прежде ненавидѣлъ. Тогдашнѣ изходитъ онъ изъ сѣни; изходитъ изъ нея единъ, и идетъ искаши сыновъ своихъ удивленныхъ его видомъ: препещущія руки его несли злато, виноградъ, медъ и мирры: онъ спарается удержати слёзы свои. „Идите, рекъ онъ имъ, идите къ мужу тому, который дѣшеи у опцовъ похищенъ: не взирая на нашу нищету, принесите ему сіи произращенія, наилучшія въ сирани нашей: принесите ему сугубое количество злата, которое онъ отвергнулъ; да оставитъ онъ у себя злато мое, и возвратитъ мнѣ дѣшей моихъ! На конецъ, . . . естли необходимо . . . возьмите брата своего и идите. Повѣдайте сему сильному мужу о моемъ несчастномъ состояніи; скажите вы ему, что я лишился сына, о коемъ вседневно слёзы проливаю, что время не могло изцѣлиши раны сей, что новымъ ядомъ исполнилъ онъ ея, удержавъ Симеона, что я, лишась Веніамина, не могу пренести скорби моей: возвѣстите вы ему, что Веніаминъ, . . . плодъ

плодъ старости моея, и единый остав-
 шійся залогъ дражайшій моея супруги,
 имѣвшій всѣ черты лица погибшаго сына
 моего, и мѣсто его пріялъ въ сердце
 моемъ. Низринетъ ли онъ во гробъ по-
 то, который древностию дѣлѣ опяг-
 ченный, благословлялъ его издалека,
 любилъ о немъ бесѣдоваши, и благода-
 рилъ небо за таковаго покровителя Еги-
 пту и ближнимъ его? Если ожиданіе
 мое щещно будетъ, скажите вы ему,
 что не взирая на старость мою, я самъ,
 я самъ пойду искать Веніамина, что
 узринъ онъ слѣзы несчастнаго отца, и
 что, если онъ неумолимъ пребудетъ,
 узринъ мертва меня у ногъ своихъ ле-
 жаща Рувимъ! ты приносилъ мнѣ
 клятву, вспомяни о ней, тебѣ вручаю
 я брата твоего; удали отъ него и самый
 видъ опасности; да будетъ онъ посре-
 дѣ васъ священнымъ залогомъ, о коемъ
 вамъ мнѣ должно оповѣщати; окружите
 всѣ его, и ему защитниками будите; ко-
 гда спаниете вы переходить дѣся, прекло-
 найте слухъ вашъ, и обращайтесь очи
 повсюду, дабы возможно было избавить
 его отъ дѣсныхъ звѣрей, и не подвер-
 гнути его судьбинѣ Іосифовой. Я не

возобновляю вамъ прежнія мои жалобы; но нынѣ ничемъ себя оправдать не можете; вы не скажете мнѣ того, что были опѣ него вы удалены, что вы не слышали его воплю, что я не поручилъ его вашему попеченію: я вамъ его вѣрилъ, и еслили не возвратите вы его моимъ обѣщаніямъ, то клянуся небомъ, не прикасаюсь жити, которое будетъ цѣною его крови Идите; да Богъ мой, и Богъ опцевъ моихъ поможетъ вамъ обрѣсти милость предъ лицомъ мужа сего, и да отврати отъ васъ всякую опасность! Между тѣмъ я останусь одинъ, и буду помышлять, что лишился я всѣхъ моихъ сыновъ!" Сіе ему вѣщающе, слезъ своихъ здержавши онъ не можетъ.

„Я обещаю тебѣ, рекъ Рувимъ возмущенный, обещаю брата моего привести въ швы обѣщанія: еслили сего не исполню, то чти меня его убійцею, и накажи меня своимъ проклятіемъ:" Всѣ они равную приносящъ ему клятву.

Іаковъ въ свое жилище возвращается: юный Веніаминъ удрѣвъ его издалека, уснаряется на спрѣшеніе его, и съ нѣжнѣйшею ласкою его пріемлетъ.

Сму-

Смущенный старецъ объемлетъ его, не произнося ни единого слова, и держа его за-руку, тихо въ сѣнь свою входитъ. Тамо возвѣщаетъ ему о приуготовленіи его къ опшесствію. При сихъ словахъ источникъ слезный лиется изъ очей Селимы. „Увы! рекла она, вы хотите меня лишитъ Веніамина! Веніаминъ! братъ мой! истинное подобіе супруга, о коемъ я рыдаю! Я размышляла иногда, что еслии я прежде Іакова умру, Веніаминъ будетъ помощникъ его старости; еслии Іаковъ предъидетъ мнѣ во гробъ, то мнѣ останется жоня Веніаминъ. Хотите ли вы лишить насъ взаимнаго помощника нашего?“ Въ самое то время взоры ея привлекали Веніамина съ моленіемъ ея соединилися.

Но онъ, оперши слѣзы непрестанно изъ очей его лиющіяся, и взявъ за-руки старца и Селиму: „когда несносно мнѣ разлучились съ вами! рекъ онъ, но когда юный Исаакъ, единъ будучи у Авраама, возлегъ на жертвенникъ крошкѣ, то еслии какое еще бѣдство, коему бы я съ радостію себя не подвергнулъ, для избавленія вашего отъ глада? Я
обыму

обыму колѣна сего славнаго мужа, и молиши его буду, чшобѣ позволилѣ онѣ мнѣ сѣ вами оплакивать смерть моего брата, и надѣюсь обрѣсти благодать предѣ лицомѣ его.”

„Сынѣ мой возлюбленный! возопилѣ Іаковѣ, надежда во мнѣ обновляется; Ангелѣ спасѣ Исаака. „Ангелѣ Господень направитѣ шакожде стопы Веніамина.” Рекѣ онѣ; но Селима еще слѣзы проливала.

Наставшу дню опшесствія, Іаковѣ беретѣ Веніамина изѣ рукѣ опчаянной Селимы; онѣ орошаетѣ слезами сына своего; возводитѣ на небо очи свои, и призываетѣ Бога опцевѣ своихѣ; всѣ умоляютѣ и рыданіе прерывается; потѣмѣ вручаетѣ онѣ опрока своего Рувиму. Веніаминѣ вѣ слезахѣ, подавѣ единую руку старѣйшему изѣ братій, а другую Неффалиму, выходитѣ изѣ сѣни. Всѣ сыны Іаковли окружаютѣ его при очахѣ огорченнаго старца: они удаляются. Іаковѣ и Селима послѣдуютѣ за нимѣ очами и препоручаютѣ еще Рувиму сей залогѣ драгоцѣнный. Вѣ сію минушу печальное воспоминаніе представляетѣ имѣ потѣ лютейшій часѣ, вѣ который зрѣли они

Томъ II. Р удаляю-

удаляющагося Іосифа; они изображаютъ взоромъ сіе чувствованіе, и слёзы ихъ съ большимъ стремленіемъ ліюся.

Между тѣмъ Іосифъ съ неперпнѣніемъ ожидалъ своихъ бранныхъ. Какъ по спрашной бури, наслаждающійся блаженной тишиною пловецъ, ощущаетъ съ веселіемъ дыханіе вѣтровъ несущихъ его къ отечеству, усматриваетъ наконецъ башни того града, гдѣ родился, и шрепеча онъ радости узрѣвъ дражайшую свою супругу, пришедшую на брегъ его пріяти, простираетъ къ ней рѹки своя: но вдругъ спрашный прескъ изшедши изъ глубины Океана поражаетъ слухъ его, день въ единую минушу въ ночь премѣняется, вихри, раздирая воздухъ, обновляютъ бурю, корабль далеко онъ прістани оприваетъ, и башни сокрываются купно со брегѡмъ и нѣжною супругою: тако Іосифъ зринтъ удаляющуюся минушу своего блаженства, и чаетъ иногда быти съ своими разлученъ на вѣки. Во смятеніи души своей, шесшвуетъ онъ въ поле, и громкимъ гласомъ созываетъ онъ свою бранію. Смушаяся паче судьбою Симеона, спрашится опчаянія, въ которос

второе онѢ поверженѢ быти казался: возвѣснѣли ему, что онѢ не соединил-ся съ сынами Іакова: вопрошаеиѢ себя, кто ошвѣщани имѢ будетѢ, когда придѢтъ они свое обѣщаніе исполниѢ. „Нещасный! возопилѢ онѢ, не ужѢ ли и ты у отца похитилѢ сына!“

Во единый вечерѢ, когда погруженѢ онѢ былѢ въ сіе печальное размышленіе, ИпобалѢ возжищеный къ нему приходилѢ. „Мой другѢ! „рекѢ онѢ ему, ты сокрылѢ отѢ меня шайнство свое; оно мнѢ ужѢ извѣстно. . . Добро-дѣтели твои равны величеству золѢ твоихѢ. . . .“ Удивленный ІосифѢ словамѢ его внимаеиѢ.

„Недавно, продолжаеиѢ ИпобалѢ, недавно вошелѢ во храмѢ нашѢ нѣкій странникѢ, блѣденѢ, смущенѢ, какѢ бы мспящимѢ нѣкимѢ БожествомѢ гонимый, и носящій на челѢ своемѢ видѢ злодѣянія и раскаянія, которое слѣдуеиѢ за тѢмѢ обыкновенно; изумленѢ и препененѢ не можеиѢ онѢ возвѣснѣиши намѢ, кто привелѢ его въ сіе священное жилище: онѢ оставленѢ въ чертогахѢ назначенныхѢ для тѢхѢ, кои должны отѢ тяжкихѢ грѣховѢ очищати-

ся; по нѣкихъ дняхъ спросилъ я его; онъ нарекъ имя свое, онъ братъ твой Симеонъ”

„О вѣсть пріятная! прерываетъ Іосифъ; мой другъ! не знаешь ты, коль сильнаго смущенія меня ты избавляешь; иди, направи стопы моя, да обыму несчастнаго Симеона”

„Постой, отвѣщаетъ Итобалъ, и чти уставъ самимъ преданный побой. Ты вѣдаешь, что преступникъ къ намъ пришедши, равно какъ и всякій желакшій въ наше вниманіе шайнство, осужденъ бываетъ на долговременное уединеніе и молчаніе. Симеонъ повѣдалъ мнѣ о всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ; они привели меня во ужасъ; онъ терзаемъ опчаяніемъ; но надлежитъ, чтобъ раздразивши добродѣтель и священнѣйшія природы узы, изпоргнувъ былъ на нѣкое время отъ сообщества людей; когда спанетъ онъ тебя болѣе достоинъ, я приведу его къ тебѣ; другъ твой возвратитъ тебѣ твоего брата. Но я пребуду того, чтобъ ты и тогда открылъ себя не вдругъ: ты знаешь злобу побѣдисти; я испрашиваю у тебя большія жертвы; удержи нѣжность свою,

и принуди сердце свое вселиши страхъ въ дѹши брашій твоихъ; сіе послѣднее имъ будетъ наказаніе; необходимо быти по тому, должно, чѣшобъ гласъ раскаянія сильнѣе поразилъ Симеона, и чѣшобъ ны самъ былъ оному свидѣтель; надлежитъ, чѣшобъ всѣ сынове Іаковли добродѣтельми своими спали нѣкогда утѣшеніемъ его старости.” Іосифъ соглашается неволею съ намѣреніемъ Ишобала, и препоручаетъ ему облегчить несчастную судьбину Симеона.

Часы и дни въ бездну вѣковъ погружаются. Наконецъ возвѣщаютъ Іосифу о прибытіи чужестранцовъ, кои покрыты еще по́томъ и пылію, хопятъ его видѣши. Онъ повелѣваетъ ихъ къ себѣ ввести въ пуже самую минушу. Они входятъ съ принесенными дарами. Узрѣвъ Іосифъ свою брашю возхищается веселіемъ: нѣжные очи его уснаряются на Веніамина, который прежде взираетъ на него робкими очами, а пошомъ въ пріятномъ восторгѣ.

Рувимъ, неся въ единой рукѣ злато, и держа другою юнѣйшаго брата своего, предшесствуетъ всѣмъ сынамъ Іакова; всѣ они упали ницѣ предъ

Іосифомъ , который спросилъ ихъ : „живѣ ли еще отецъ вашъ и Селима?“

„Они живы , оповѣщаетъ Рувимъ , и отецъ мой посылаетъ къ тебѣ съ сими дарами , сугубое количество злапа прежде нами къ тебѣ принесеннаго ; мы не вѣдаемъ того , какимъ случаемъ оно навсѣху нашихъ вѣщій обрѣтено ; возврати намъ Симеона ; мы исполнили велѣніе твое , мы привели къ тебѣ юнѣйшаго сына Іаковля.“ Въ то же время предложили они ему и дары своя.

Іосифъ устремляя очи свои неподвижно на Веніамина : чадо ! рекъ онъ нѣжнымъ гласомъ , Богъ да будетъ милосердъ тебѣ !” И вышелъ отъ нихъ сокрыши слезы своя. Веніаминъ возмущается , и вопрошаетъ себя , почему онъ болѣе нѣжности , нежели страха ощущаетъ.

Но Іосифъ единого изъ служителей своихъ къ себѣ призываетъ. „Иди , рекъ онъ ему , спѣши ко Итобалу ; скажи ему , чтобъ онъ жертвовалъ мнѣ нѣсколькими днями , и не удерживалъ болѣе известнаго мнѣ странника , что пришли его братія , что они ожидаютъ его . . . что я равно съ ними желаю
его

его видѣши, наконецъ, скажи ему, что есѣшли онъ не придетъ ко мнѣ на помощь, то не возможно мнѣ будетъ соблюсти уславъ отъ него предложенный."

Изрекши сіе велѣніе, входитъ онъ къ братьсямъ своимъ, и скоро Ишобаль приводитъ Симеона, который спремился въ обѣщанія сыновъ Іаковлихъ. Іосифъ, свидѣтель ихъ воспорга, хощетъ въ ономъ участіе пріяти; сей былъ первый разъ, въ который ощутилъ онъ нѣкую зависъ къ своимъ братьсямъ; но взоры Ишобала его останавливаютъ, и не позволяють ему еще себя явити.

Между тѣмъ великолѣпное пиршество приуготовляется: два спола поспавляются, единый для Іосифа и другаго, другій для братьевъ его, кои по старшинству своему мѣста свои пріяли: Веніаминъ угощается съ большимъ раченіемъ. „Ахъ! почто, рекъ онъ, не можемъ мы разгнати спрахъ Іакова и Селимы, и возвѣстити имъ о благодати Правителя Египта!"

При сихъ дражайшихъ именахъ, произнесенныхъ устами Веніамина, смущается духъ Іосифовъ. Ишобаль беретъ

его за-руку, и пріемлетъ участіе въ тѣхъ чувствованіяхъ, которыя онъ укрощаетъ. Они внимали ихъ бесѣдѣ, и взирая на нихъ щастливо, останавливали они очи свои съ веселіемъ на младомъ Веніаминѣ, который единъ, въ сонмѣ ихъ, изъяслялъ радость, пріятную невинности спутнику.

Наступаетъ ночь и съ первыми лучами авроры, сынове Іаковли, желая прекрашительнѣе спрѣчь отца своего, готовы были къ опшесшвію. Іосифъ, по совѣту Ишобалову, даетъ тайное служителямъ своимъ повелѣніе. Веніаминъ разлучаясь съ нимъ, не могъ удержати слезъ своихъ, и есѣлибъ не останавливаемъ былъ почтеніемъ, то успремился бы онъ въ его объятія.

Сынове Іаковли удалялися отъ Мемфиса, и приближались къ полю бесѣдуя о благосклонномъ принятіи Правителя Египта и о веселіи, которое отецъ ихъ ошущитъ, узрѣвъ Веніамина и всѣхъ своихъ сыновъ; вдругъ Симеонъ останавливается. „Нѣтъ, рекъ онъ имъ, опчаяннымъ взирая на нихъ окомъ, нѣтъ, я твердо предпріалъ, я не послѣдую за вами въ домъ Іакова. Влекомый,

комый, какъ нѣкимъ умомъ небеснымъ, шествовалъ я во храмъ священный, гдѣ царствуетъ добродѣтель, и гдѣ, повѣришь ли сему? гдѣ обрѣлъ я служеніе превѣчному. Я хотѣлъ отвергнуть отъ себя бремя моихъ пресуупленій, и я открылъ имъ оныя: я зрѣлъ ихъ ужасомъ объявляхъ: они вели меня въ жилище отдаленное, и осудили меня на уединеніе и молчаніе: тамо безпрепятственно, одно раскаяніе перзало сіе злодѣйское сердце. Сіи добродѣтельные мужи сжалились наконецъ о моей судьбинѣ; вседневно приходили они ко мнѣ утѣшая меня; но вмѣсто облегченія моего спраданія, умножили они его, призвавъ меня къ добродѣтели, и я чувствую, что мнѣ доплатъ еще перзапися должно, доколѣ не воздамъ возмездія за мое злодѣяніе. Внемлите моему намѣренію: я хочу скипаяся по всемъ спранамъ искаши Іосифа. Можесть быть онъ пребываетъ во Египтѣ; но естли я не обрящу его тамо, то пойду повсюду, гдѣ шокмо обитають невольники; нѣтъ такихъ лѣсовъ, нѣтъ темныхъ долинъ, гдѣ бы очи мои искаши его не спали, и гдѣ бы не при-

звалъ его гласъ мой. Естли я буду имѣни щасіе, обрѣши его, устремлюся къ нему, скажу ему: не бойся, не пришелъ я тебя умертвити, остави меня пріяти мѣсто швое, избави себя онъ злодѣйскаго вида моего, и спѣши оживити томную жизнь отца своего. Идише онъ меня; возвѣстите Іакову, что нѣтъ болѣе меня, что свободился онъ сына недостойнаго не пропившесь моему желанію. Или хотите вы, чтобъ вся жизнь моя текла въ злодѣйствѣ? И естли бѣ Іосифъ очамъ Іакова явился, естли бѣ имѣли вы его въ обѣщаніяхъ вашихъ, возскорбѣли ль бы вы тогда о Симеонѣ? Хотя и не могу я имѣни учасіе въ семъ радостномъ восторгѣ, но въ нѣдрахъ самаго рабства, непріятно ли мнѣ будетъ размышляти, что разгналъ я мрачное облако, навлеченное мною на домъ родительскій, что небеса не взирають болѣе гнѣвнымъ окомъ на жилище Авраамово, что я изторгнулъ онъ гроба отца моего, въ который рука моя его повергала, что Селима не крушится болѣе слѣзы проливая? . . . Но нѣтъ; я не могу быти столько щастливъ, чтобъ

ВОЗ-

возмогъ я обрѣсти Іосифа ; конечно по-
гибъ онъ въ скорѣби и въ тяжкой ра-
ботѣ ; ужъ нѣтъ его на свѣтѣ , и рас-
каяніе до смерти перзани меня дол-
женствуетъ : по крайней мѣрѣ я испол-
ню все то , что въ моей состояннѣ
власти , для исправленія моего пре-
ступленія ; по крайней мѣрѣ спенанія
Іаковля не возмущаютъ моей души , и не
будетъ онъ предъ очами имѣши про-
клятаго убійцу сына своего ; я удаля-
юся отъ олшаря священнаго , отъ по-
чтенныхъ гробницъ , кои осквернилъ я
моимъ присутствіемъ. Нещасная юдоля
Дофаимская ! къ гибели моей ты безъ
меня была ; когда ни обращалъ я взоръ
мой на холмы тебя окружающіе , всегда
жладный потъ орошалъ тѣло мое , и ка-
залось мнѣ , что земля препешала подъ
ногами моими : о сынове Іаковли ! прі-
имите послѣднія мои объятія ; не проли-
вайте слезъ ; я измѣнилъ природѣ и
братскому дружеству ; недостойнъ я
имѣши ни отца , ни братьевъ . Можетъ
быть скоро скончаютъ небеса неща-
стное бытіе мое ; можетъ быть камень ,
обрушась на меня , сокроетъ отъ очей
людскихъ злодѣя , и гробомъ мнѣ по-
слу-

служишѢ, иль, можешѢ быти, рѣка по-
жравѢ меня въ своей пучинѢ, помчишѢ
далеко отѢ градовѢ и селѢ и на брега
необитаемые прупѢ мой извергнешѢ.”

Удивленные и возмущенные намѣ-
реніемѢ Симеона, колебались они между
спрахомѢ, его лишишися, и надеждою
обрѣсти Іосифа: но въ очахѢ Веніамина
видна была сія сладкая надежда побѣ-
ждающая скорбѢ. „Клянуса небомѢ,
рекѢ онѢ Симеону, что я не злобспвую
на тебя съ того часа, какѢ узналѢ я
твое раскаяніе: но, я зрю, что не мо-
жешѢ ты быти щастливѢ, не обрѣвши
Іосифа, и что вѣдаешѢ ты самѢ, коль
далеко утекло съ нимѢ спокойство дому
нашего. Я твоей не прощивлюсь добродѣ-
тели. Иди, послѣдуй сему великодуш-
ному чувствованію; еспли бѢ не спра-
шился я умножити опчаяніе Іакова, я
самѢ послѣдовалѢ бы за тобою. Да будетѢ
вождемѢ твоимѢ БогѢ вселивый въ тебя
мысль сію, и да приведетѢ онѢ тебя
предѢ Іосифа! Но не мню, чтообѢ недасп-
ный обременилѢ тебя своими оковами;
онѢ погибнешѢ паче самѢ въ неволѢ. Спѣ-
ши искупити его всѣмѢ нашимѢ зла-
комѢ, и самѢ приведи его въ домѢ роди-
тель-

пельскій съ собою. Естли же щещно будешъ твое исканіе, приди посредѣ насъ, и не сотвори того, чшобъ мы двухъ лишенны были брашій.”

Симеонъ пріемлетъ злопо, и когда всѣ рыдали, онъ одинъ объемлетъ ихъ во мрачномъ молчаніи. Едва изпоргнулъ онъ себя изъ ихъ объятій, и косными стопами отъ нихъ удалялся, уже единый Іосифовъ служитель приходитъ къ нимъ спѣшно. „Стой, вопіялъ онъ Симеону, и вы всѣ спойте. Почто, зломъ плащя за благое, взяли вы съ собою чашу моего господина?”

При сихъ словахъ всѣ они объяты стали удивленіемъ, и слѣзы ихъ щещи перестаютъ. Рувимъ присупя съ негодованіемъ; „Умершви изъ насъ того, рекъ онъ, кто обрѣщется чашу сію взавый.” Тогда слагаютъ они вѣщища: но едва отверзаютъ Веніаминово, уже чаша сія всѣхъ взоры поражаетъ. Они блѣднѣютъ, вопіютъ ужасаяся, и одежду свою раздираютъ. Служитель Іосифовъ повѣлѣваетъ имъ слѣдовать за собою къ своему господину.

Пришедъ предъ лице его, повергаются они предъ нимъ на землю; чѣла ихъ

ихъ касающся землѣ орошенной ихъ слезами. „Мы невинны, вопіяли они, . . . Но можно ль оправдаться . . . Конечно казнишь насъ Богъ за другое злодѣяніе . . . Мы всѣ твои рабы.”

Іосифъ, возмущаяся, какъ нѣжный отецъ принужденный наказати дѣшей своихъ, хошетъ имъ себя явити: но удержанный Ипобаломъ бывшимъ при ономъ: „нѣтъ, рекъ онъ имъ съ припворною швердосцію, тошъ единъ оспашенся рабомъ моимъ, у кого чаша спала обрѣшенна, а вы, возвратишесь съ миромъ къ лицу вашему.”

Онъ сихъ словъ воспріемалъ Рувимъ: онъ возводитъ на Іосифа скорбныя очи; хошетъ прервати рыданіе свое. „Молю тебя, рекъ онъ, для имени отца почтенна паче бѣдствіемъ, нежели старосцію . . . Препоручивъ мнѣ сей послѣдній залогъ своей любви, вѣщалъ онъ мнѣ: повѣдай сему сильному мужу о моемъ несчастіи; скажи ему, что я лишился сына, о коемъ всеневно слѣзы проливаю, сына, коему во всемъ подобенъ Веніаминъ, заснувшій мѣсто его въ сердцѣ моемъ. Еслили онъ его похишитъ онъ меня, то
не

не взирая на бремя дѣлъ моихъ, самъ пойду во Египетъ, и онъ узритъ меня мертва у ногъ его лежаща. Ахъ! естли бѣ видѣлъ бы его спраданіе и скорбь, когда разлучался онъ съ дражайшимъ своимъ сыномъ, естли бѣ зрѣлъ бы слѣзы неупѣшимыя Селимы, копорая любитъ въ немъ супруга, о коемъ сокрушается, ты не могъ бы сопровивлятися сему жалоспному зрѣлищу. Хочешь ли ты и насъ лишиши сего брата? . . . Иль мало мы несчастны Іосифа лишаея? . . . Варвары изпоргли сго онъ родипельскаго дому . . . Зритъ небо, коль истинно наше о немъ сожалѣніе, мы возвращили бы его Іакову цѣною крѣви нашея . . . Можешь бышь, онъ нынѣ рабъ . . . Должно ли единую судьбу имѣть съ нимъ Веніамину? Но семъ вѣщати ли мнѣ и о самомъ себѣ? Я опвѣщаю за сего шоль возлюбленнаго ему сына; естли не приведу я сго въ обѣщія шарца, шо проклятію его тогда подвергнусь. Я имѣю дражайшую мнѣ супругу, имѣю дѣшей возрастающихъ къ моему удовольствію, и спояцій при дверяхъ гроба Іаковъ, вожожешь, чшобъ рука старѣйшаго сына его зашворила его очи; но опшоргни меня паче

паче отъ моей супруги, отъ дѣшей моихъ, отца, отъ всѣхъ моихъ ближнихъ и удержи меня рабомъ на мѣсто Веніамина; я не могу слышати проклятія Іаковля. Естли ты отца имѣешь, естли ты знаешь узы братскаго дружества. Ты слѣзы проливаешь, и я зрю на челѣ швомъ изображающееся крошкое человѣчество, сославляющее душъ швоея свѣйство.”

Рекъ онъ, и юный Веніаминъ простеръ къ нему слово свое: „Нѣтъ! вѣщаетъ онъ Рувиму, я не терплю того, чшобъ ты мнѣ жертвовалъ собою. Я невиненъ: но естли небеса послали на единого меня сіе бѣдствіе, то я единъ оное и долженъ претерпѣти.” Потомъ обращя ко Іосифу: „Я не пребую совершенной вольности, рекъ ему, но опвергнешь ли ты моленіе мое? Ради старости отца моего, согласись нынѣ на мое опшество: увы! печаль его скоро во гробъ его повергнешъ: Я не умножу скорѣби его, и не возвѣщу ему о судьбѣ моей; забывъ самъ себя, буду я оплакивати съ нимъ брата, коего воспоминаніе шолико мнѣ любезно: но когда Іакова болѣе не будешъ, и когда
орошу

орошу я гробъ его слезами, по кленусь Богомъ неба и земли, кленуся припши къ тебѣ и быши рабомъ твоимъ: безъ сомнѣнiя прискорбно мнѣ будетъ разлучишися съ Селимою и братiями; но я и съ побою разлучался не безъ сожалѣнiя, и самая спротивость твоя не могла испребити чувствованiя, меня къ тебѣ влекущаго.” Онъ произнесъ сіи слова проливая слезы и съ видомъ истиннаго чистосердечiя.

Иосифъ, пораженный толикою добродѣтелию, упрекаетъ себя въ оскорбленiи невинности; сія мысль перзаетъ его сердце; онъ не можетъ болѣе сопротивляшися стремленiю своему, влекущему его въ объятiя Венiамина, и уже припекалъ къ нему, когда Симеонъ, восставъ отъ земли, на коей онъ лежалъ разпростертый, уснаряется ко Иосифу; мрачныя очи его слезъ не проливаютъ; видъ его жесточайшее изъясляетъ опечаленiе, и онъ кажется влекомымъ фуріею ко престолу суди своего. „Се онъ, вопiялъ бiя въ перси свои, се злодѣйское сердце, се варваръ продавшій брата своего; почто другiя искани жершвы! Я привелъ ихъ въ искушенiе,

Томъ II. С

шеніе, я навлекъ на нихъ всѣ бѣдствія, казни единого меня; свободи Іакова отъ сына несущаго ему безславіе; я измѣнилъ Іосифу, спасу Веніамина, пусть шествуютъ они, пусть я рабомъ останусь, еслили того могу быти достоинъ, когда Іосифъ, самая добродѣтель, спраждетъ во оковахъ.”

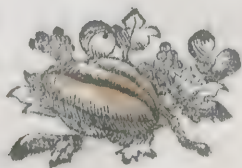
Рскъ онъ, и болѣе не могъ Іосифъ сопровивлялися сердцу своему; очи его впрѣчаются со взоромъ Ишобала, который симъ зрѣлищемъ смягчается: тогда, подобно источнику ничемъ недержимому, лился слезы его, и изъ глубины сердца своего восклицаетъ онъ гласомъ, удивившимъ всѣхъ его братьевъ; онъ устремляется въ объятія Симеона; и вопіетъ: „Я братъ вашъ Іосифъ.” Отъ сего слова всѣ спали неподвижны: они возводяшъ на него взоръ свой, и познавъ его, хотяшъ радость свою изъявивши, но внезапный страхъ пресѣкаетъ ихъ восхищеніе. Единый Веніаминъ радостный выпускаетъ гласъ. Симеонъ препенетъ въ объятіяхъ Іосифа; отторгается изъ рукъ его, уклоняется отъ ласки, коей себя чпилъ онъ недостойнымъ, и къ ногамъ его
упада

упадаетъ. Іосифъ возстаетъ его. „Я братъ вашъ, рекъ онъ имъ, Рувимъ! Нефалимъ! и всѣ вы, возстаните, приблизитесь ко мнѣ, я вамъ прощаю. Богу угодно было мое несчастіе, да возмогу помощи Египту и дому родительскому; koliko я блаженъ! я вкушаю удовольствіе спасти жизнь вашу! . . . Симеонъ! почто не пріемлешь ты свидѣтельствъ горячности моей? Единъ видъ моего раскаянія велѣлъ мнѣ все ужё забыть; не устращися обнять брата своего.”

Тогда Симеонъ, проливая слезы изъ очей, въ коихъ прежде горѣлъ опчаянія огонь; еще не смѣвъ онъ возрѣши на Іосифа, но тихо держитъ его въ своихъ объятіяхъ, прижавъ къ прелещущей груди своей. Всѣ сыны Іаковли приближаются, и обоихъ братьевъ окружаютъ. Веніаминъ беретъ руку Іосифову, и слезами своими ея орошаетъ. Іосифъ оставляетъ тогда Симеона, и устремляется къ юнѣйшему брату; долгое время держатъ они въ объятіяхъ другъ друга, раскаяніе не возмущало сіи нѣжныя ихъ ласки. Наконецъ Іосифъ объемлетъ всю свою братію; cadaго своими орошаетъ слезами:

зами: вдругъ слышится и радостный крикъ, и рыданіе скорѣи, смѣшанныя съ пріятнымъ именемъ брата, кое всѣхъ уша единогласно повторають.

Сии гласы проникають стѣны сихъ чертоговъ. Пеншефрій и всѣ Іосифовы други прибегаютъ на сіе нѣжное зрѣлище, и слѣзы ихъ лѣются со слезами сихъ братьевъ: Веніаминъ паче всѣхъ плакалъ ихъ зрѣніе. Сынове Іаковли въ живости своего чувствованія, не видяшъ зрѣтелей ихъ окружающихъ. Иногда гласъ раскаянія изходитъ изъ сердецъ исполненныхъ дружествомъ, и обѣщанія ихъ возмущаетъ; Симеонъ бѣетъ въ перси своя, и каждой изъ нихъ упрекаетъ себя въ участіи, которое пріялъ во общемъ злодѣянніи. Но Іосифъ взираетъ на ихъ нѣжными очами. Уразумѣвають они языкъ его, прерываютъ свое раскаяніе, и слѣзы свои останавливаютъ.

ІОСИФЪ.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

* * *

Ношъ, навлекающая тѣни, и оп-
верзающая тѣмъ взору наше-
му великолѣпное зрѣлище все-
ленныя, царствовала на по-
верхности земли, и спокойная луна,
окруженная плѣняющимъ своимъ вели-
чешвомъ, къ небесамъ тихо восходила:
сынове Іаковли наслаждались успокое-
ніемъ; единый Іосифъ съ Веніаминомъ
снѣ еще не предавались. Держа единъ
другаго рѣки, и искавъ мѣста уединен-
наго, шествовали они въ поле, вкуша-
ли по сильномъ восхищеніи пшеницу
пріятную, и дѣла ихъ, безъ помощи слѣ-

ва изъяснялися безгласнымъ дружелюбіемъ языкомъ, подобнымъ языку умовъ небесныхъ; ношное молчаніе сему чувствованію вспомошествовало.

Іосифъ начавъ наконецъ слово свое: „дражайшій Веніаминъ, рекъ ему, я спалъ уже извѣспенъ о томъ, что мнѣ всего драгоцѣннѣе; скорбь не умершвила Іакова и Селиму; бранныи мои, отверженные въ жесточайшее раскаяніе, не удалили раба того, коего послалъ я въ домъ родительскій; сей несчастный конечно погибъ на пупи своемъ: но ты, можешь быть, не вѣдаешь того, что во время твоего младенчества происходило, или можешь быть слабое шокмо воспоминаніе объ ономъ сохраняешь. Ты словъ моихъ силу разумѣешь: я хочу знать, какъ отецъ мой и Селима свое несчастіе познали; шрепещу я спрашась, не вѣдаешь ли Іаковъ вину своихъ сыновъ: жестокосердо было бы вопрошати мнѣ о томъ моихъ бранныи; въ присушствіи Симеона не хотѣлъ я часто повторяти и имя моей возлюбленной; но оное неволею изъ устъ моихъ изходило. Къ тебѣ я обращаюсь; невинно сердце швое, ты никогда не

измѣ-

измѣнилъ бы братскому дружеству, и ты можешь вѣщать о прѣступленіи не перзаяся спыдомъ. Нощъ приближающа и воцарившаяся окрестъ насъ пишна ко сну зоветъ смертныхъ, но сладость ея не шодико мнѣ любезна, колико бесѣда о возлюбленныхъ намъ людяхъ.”

„Я могу твоему удовольствию желанію, ошвѣщающъ Веніаминъ, воспоминаніе о сихъ несчастныхъ временахъ начертанно въ моей памяти; а Неффалимъ повѣдалъ мнѣ о томъ, чего я самъ не видѣлъ; Неффалимъ многожды вѣщалъ мнѣ сію жалостливую повѣсть.”

Тогда пріемлющъ они мѣсто на единомъ холмѣ: все, что ихъ ни окружающъ, все съ печальною ихъ бесѣдою согласено; природа, лишенная прелестей своихъ, казалася въ тоску быти погруженна; высокіе кедры, листвія своего обнаженные, помрачаютъ небеса черными и неподвижными своими вѣтвями, и сіяніе луны отъ мрачныхъ облакъ ослабѣваетъ. Іосифъ преклоняетъ слухъ свой, и когда звѣзды въ молчаніи переходятъ свое шеченіе, тогда Веніаминъ рекъ ему съ видомъ кропкаго чистосердечія:

„Естьли бѣ я долженъ былъ вѣща-
ти сію новѣсть прежде, нежели обрѣлъ
тебя, скорбь прервала бы гласъ мой, и
не позволяла бы мнѣ слѣдовать порядку
сихъ плачевныхъ произшествій; и нынѣ
часто я рыданіемъ моимъ буду преры-
ваемъ. Колікокрашъ вопрошалъ я
себя, истинно ли то, чтобъ я братъ
былъ лютыхъ своихъ гонимелей! Боже!
ты зриши, хочу ли я ихъ злодѣяніе у-
величити! коль мало подражалъ бы я
тогда своему великодушію! но какъ
возмогу я безъ ужаса повѣдати дѣй-
ствіе ихъ злобы?

Я начинаю съ той несчастной мину-
ты, когда жестокіе Мадіаниты, оп-
торгнувъ отъ объятія Неффалима, по-
влекли тебя По нѣсколькихъ ча-
сахъ, Рувимъ, уклонившись отъ нихъ,
приходитъ ко своей братіи. Какъ раз-
перзавшій добычу свою левъ, долгое
время ярость свою сохраняя, страшныя
испускаетъ рыканія; тако Симеонъ
ирепешалъ еще во своей лютости; пла-
менные очи его, по блѣдный, по ожи-
вленный его видъ, тяжкое дыханіе,
черты его лица, движенія, смятенныя
стоны его, словомъ, все возвѣщало въ
немъ

немъ мщеніе и гнѣвъ; подобныя сему чувствованія, но въ нижшей шокмо степени, видны были на лицахъ прочихъ сыновъ Іакова; единый Неффалимъ проливалъ слѣзы. Удивленный Рувимъ вопрошаетъ ихъ о причинѣ сего смятенія, и въ самое то время пришекаетъ корву, въ коемъ не обрѣвши тебя, раздираетъ своя ризы. Тогда Неффалимъ повѣствуетъ ему о швоей судьбинѣ. Рувимъ, хотя и не любилъ тебя, но не желалъ похитить ни жизни ни вольности швоей; размышляя паче о собственн-ной своей пользѣ, нежели о швоей потибели: „Нещасный! возопилъ онъ, что со мною будетъ? Іаковъ опъ старѣйшаго сына своего требовати Іосифа шанетъ.“ Тогда моленіемъ и спрахомъ привлекалъ онъ ихъ, сказали себѣ о пупи швоемъ. Симеонъ шѣмъ паче раздраженный, чѣмъ болѣе онъ былъ обвиняемъ, запрещаетъ всѣмъ своимъ братіямъ ему повѣдани о томъ; а Неффалимъ, коего онъ удалилъ тогда, самъ того не вѣдалъ. Рувимъ, оставя ихъ; потекъ швоего искаши слѣду, и Неффалимъ уклоняся опъ нихъ съ нимъ соединился. Многіе дни проводили они

во щещномъ исканіи, и покровенныя пылію и попомъ возвратились.

Тогда Рувимъ обращая къ Симеону слово свое: „Я зрю, рекъ онъ, что изображенная въ очахъ моихъ скорбь исполняетъ тебя радостію; веселился ты о успѣхѣ твоего злодѣянія: но я долго внималъ твоей яроспи; я возвращаюсь въ домъ родительскій; зри, хочещи ли ты послѣдовать за мною; на какую бы казнь я ни осужденъ былъ, не могу я оставити отца.“ Слабый Неффалимъ, видя брата своего помогающаго, рекъ имъ, что и онъ послѣдуетъ Рувиму. Прочіе дѣти Іаковли не хотѣвъ такожде разлучиться на вѣкъ съ мѣстомъ своего рожденія. Симеонъ пренещетъ отъ гнѣва; но устрашаяся того, чтобъ не возложили на него сего злодѣянія, естли онъ одинъ не явился предъ очами Іакова, соглашается онъ съ общимъ желаніемъ, и всѣ они къ дому родительскому идутъ.

Спранникъ, съ коимъ спрѣшился ты ноцію въ лѣсу, пришелъ отъ тебя возвѣстити Іакову, что братія твои въ Дофаимъ, и что для того принужденъ ты единымъ днемъ умедлитъ
твое

швое кѢ намѢ пришествіе: сія вѣсть
извлекла воздыханія изѢ сѣрдца ошца
моего и Селимы. ВѢ день назначенный
для швоего прибытія, пошли мы прое
на срѣщеніе шебѢ; но Селима и ІаковѢ,
какбы мрачнымѢ предчувствіемѢ возму-
щаемые шествовали вѢ глубокомѢ мол-
чаніи. НастаетѢ вечерѢ, но мы еще
шебя не зримѢ: обращая единѢ на дру-
гого сомнящіеся взоры, не смѣли они
спрашѢ свой изѢяснити: я спарался
разгнаши ихѢ смященіе младенческою
ласкою; но вѢ первый разѢ обрѣлѢ я
ихѢ нечувствственныхѢ ко мнѢ. Нако-
нецѢ ношная шѣнь принудила ихѢ воз-
вращиши вѢ домѢ свой. Шествующій
посредѢ ихѢ далѢ я имѢ рѣки, и мы
шли во мракѢ: слышно мнѢ было ры-
даніе Селимы и воздыханія Іакова, и я
самѢ возмущаяся, проливалѢ слѣзы. Мы
достигли до сѣни нашея: ІаковѢ хо-
щенѢ утѣшиши Селиму; но слова на
устахѢ его умирающѢ. Тщешно спара-
ются они заключиши скорбѢ вѢ сердцахѢ
своихѢ. Часто молчаніе сіе прерыва-
лося гласомѢ Іакова. „Еще не идетѢ
сынѢ мой! вопіалѢ онѢ, не ужѣ ли онѢ
братіямѢ своимѢ внимая, не спрашится
огор-

огорчили отца своего? . . . Можетъ быть, переходя ночью сей лѣсъ, лютые звѣри . . . великій Боже! пренесть мое сердце; да будетъ жестоко сие жестокое предчувствіе, коимъ душа моя перзаается! . . . Но что! еще не идетъ сынъ мой! . . . еще ни единого не зрю изъ сыновъ моихъ!" Селима съ своей стороны многожды изъясляла свое смятеніе. Всю ночь провели мы не смыкая очей своихъ.

Едва первые солнечные лучи явились, уже были мы все шрое внѣ нашей сѣни; исполняясь нетерпѣніемъ, обращали мы очи наши на мѣсто, откуда тебѣ пріипи надлежало: жены и младенцы братій моихъ равнымъ горящѣе нетерпѣніемъ, скипались печально окрестъ дому нашего, и вопрошали у Іакова о супругахъ своихъ, объ отцахъ своихъ, объ Іосифѣ

Между тѣмъ братія моя приближались къ дому косяными стопами, и въ свирѣпомъ молчаніи спеналъ Рувимъ; Неффалимъ рыдалъ неутѣшно; Симеонъ раздраженный ихъ печалію, металъ на нихъ грозные взоры. Но едва достигали они до подошвы холма, на
КО-

коемъ былъ домъ нашъ, едва сѣнь Іаковля поразила очеса ихъ, ужё всѣ они вдругъ останавливаясь, блѣднѣютъ, и пренешъ ихъ объемлетъ. Самъ Симеонъ неволею блѣднѣетъ и пренешетъ: кажется ему, что съ высоты холма того превѣчный вѣщаетъ имъ гласомъ грома своего. По долговременномъ молчаніи: „Вы зрите, рекъ имъ Рувимъ, что не можемъ мы возрѣши на сѣнь Іаковлю: что будетъ, когда его узримъ самаго? что скажемъ ему? что будемъ отвѣщати ему, когда онъ насъ объ Іосифѣ спроситъ?“ Сіи слова умножаютъ ихъ смущеніе и ужасъ.

Но Симеонъ хотѣя разгнати страхъ, коимъ онъ и брація его терзались: „Риза Іосифова, рекъ онъ, осталася у насъ: или не можемъ мы предложити отцу моему ся окровавленну, дабы паче его увѣрити, что звѣрь лютый пожралъ сына его?“ Всѣ они соглашались на сіе предпріятіе, и смятеніе ихъ казалось быти уменьшенно; единый Неффалимъ продолжалъ взирати на сѣнь Іакова исполненными слезъ очами.

Тогда Симеонъ пріемлетъ ризу твою, разстилаетъ по землѣ ея, опшор-
гаетъ

гаешъ юнаго козлища опѣ питавшей его матери; щещно со страхомъ она припекаетъ; онъ безгласную шварь поражаетъ, и кровь ліется по ризѣ твоей. Тако сіе невинное животное, вмѣсто того, чѣмъ возложенну быши на олтарь Бога вышняго въ день рожденія сына, или въ день другаго радостнаго произшествія, стало нынѣ жертвою злодѣйскія руки, и закланно при случаѣ гибели брата!

Обагривъ кровію ризу твою, начинаютъ они преніе о томъ, кому принести ея Іакову. Симеонъ хочетъ, чѣмъ сіе рѣшилъ жребій; но Рувимъ тому сопротивляется. „Да кончимъ дѣло свое томъ, рекъ онъ, кто оно началъ.“ Неффалимъ прещетъ опѣ ужаса при единой мысли о таковомъ исполненіи. „Я, рекъ Симеонъ опчаяннымъ гласомъ, я принесу ризу сію Іакову.“ Въ то же время показываетъ оную брательнѣ въ рукахъ своихъ, омоченную кровію, и скорыми стопами стѣ нихъ удаляется. Сія кровавая одежда, сіе скорое шествіе, сей смятенный видъ, и сія багровая блѣдность, которую раскаяніе впечатлѣваетъ на челѣ злодѣя

въ

въ самый часъ злодѣянiя, явили бы въ немъ убійцу, и можетъ быть Іаковъ обвинилъ бы его въ пролитiи крови Іосифовой: но вдругъ Симеонъ оспановляется; спрашнымъ колебанiемъ духъ его терзается: наконецъ возвращается онъ блѣднѣе и мрачнѣе прежняго; онъ идетъ мимо братьевъ своихъ, не возрѣвъ ни на единого изъ нихъ, и обращаясь къ спражу своего спѣда: „Иди, рекъ ему, и ризу сію принеси Іакову.“ Пастырь пріемлетъ оную, и къ дому нашему приближается.

Между тѣмъ Іаковъ не возмогши пренести болѣе смущеніе души своей: „Я, рекъ онъ, возьму въ объятiя мои единого оставшагося мнѣ сына, и пойду самъ искаши Іосифа и всѣхъ моихъ сыновъ. Безъ сомнѣнiя приключилось съ ними нѣкое жестокое несчастіе, а естъли горячность ихъ ко мнѣ уменьшилась, то можетъ быть, возбудишь оную въ сердцахъ ихъ присутствіе родителея.“ Сіе ему изрекшу, исходишь онъ изъ сѣни, при входѣ кося ожидали насъ два верблюда. Уже огорченная Селима гопова была послѣдовашъ стопамъ его, какъ вдругъ узрѣли они вдали юнаго пастыря.

спыря. Тотчасъ лучъ радости разгоняешъ страхъ, и они себя ласкаютъ, что зряшъ самого себя. Внезапу Селима возопила, и почти бездыханна упала къ ногамъ Іакова, который ужасомъ и удивленіемъ объявный хочетъ помощи ей, но узрѣвъ самъ окровавленную ризу свою, оспавляетъ Селиму, припекаетъ къ паспырю, и пренецищими руками пріемлетъ сію несчастную одежду: смягченный паспырь не можетъ вѣщати ему ни единого слова. „Великій Боже! вопіялъ отецъ мой, сынъ мой мерщвъ . . . свершилося предчувствіе . . . Звѣрь лютый . . .” Въ самое то время смертная блѣдность покрываетъ чело его; онъ колеблется; паспырь ему спомоществуетъ. Жёны и дѣти братій моихъ прибѣгаютъ, и устрема очи на ризу свою, и на старца, жалоснымъ гласомъ воздухъ наполняютъ. Я, смятенный симъ зрѣлищемъ, припекалъ отъ Селимы ко Іакову, и отъ Іакова къ Селимѣ”

Въ семъ мѣстѣ рыданіе Веніаминя и Іосифа прерываютъ повѣствованіе: оба они объемлютъ другъ друга, и соединя

единяя долгое время слёзы свои, Веніаминъ продолжаетъ свое слово.

„При вступленіи сыновъ Іаковлихъ въ домъ свой, шепетъ объялъ сердца ихъ. Идутъ они тихо, и мимо сѣней своихъ проходящъ: повсюду царствуютъ уединеніе и тишина плачевная: во злодѣяніи своемъ кажется имъ, что вина ихъ уже открыта, и что жены и дѣти ихъ убѣгаютъ отъ нихъ со ужасомъ. Симеонъ, неволею послѣдуя своимъ братамъ, шелъ позади ихъ въ нѣкоемъ разстояніи.

Скоро зрящъ они женъ и дѣтей своихъ собравшихся предъ сѣнію Іакова. Они сами шута шествуютъ: Рувимъ и Наффалимъ, проникая сквозь сіе собраніе, приближаются къ старцу; прочіе мои брата виновенѣе ихъ, сокрываются во множествѣ своихъ ближнихъ; они шепещутъ предъ оцѣмъ своимъ, и не смѣютъ на него возрѣши. Но Симеонъ стоялъ удаленный отъ сего спрашнаго зрѣлища.

Между тѣмъ Іаковъ, бывшій долгое время окамененный скорбію, отверзаетъ свои очи: онъ зрѣтъ всѣхъ своихъ ближнихъ окрестъ себя; взираетъ на

Толѣ II. Т Неф.

Неффалима, Рувима и всѣхъ своихъ сыновъ; во смященіи своемъ ищетъ онъ еще Іосифа посреде ихъ, вопрошаетъ о немъ: „Увы! рекъ онъ, всѣ сынове мои возвратилися въ домъ нашъ, а ты, который долженъ имъ предъиди, ты, который паче всѣхъ изъявлялъ мнѣ свою горячность, ты еще не въ объ-япїяхъ моихъ! . . .” Мы всѣ молчали, но воззрѣвъ вдругъ снарецъ на окрававленную ризу швою, прерываетъ самъ слово свое рыданіемъ и воплемъ, раздираетъ свою одежду, и посыпаетъ перспїю главу свою. Отъ сего жалоспнаго вопля Селима, лежащая до сего почти бездыханна, отверзаетъ свои очи; уснремляенная она къ ризѣ швоей; всѣ прое мы ея прїемлемъ; орошаемъ ея слезами; рѹки наши обагряются кровїю; мы отъ ужаса шрепещемъ; слышнхся шокмо единое рыданіе наше, и окружающїй насъ сонмъ, взирая на сіе несчастное зрѣлище былъ безгласенъ . . .

Но сохраняя долгое время почтене кѣ скорби Іакова, всѣ ближніе его желаюшъ наконецъ упѣшнши его. Жены брашїй моихъ приближаются, и про-стираюшъ кѣ нему слово свое: „Пре-
спанїе

спаньше, опѣщалъ онъ имъ, преспаньше удерживашъ скорбь мою: не ужѣ ли зависпвуете вы Іосифу о слезахъ по немъ діющихся? Скорбите паче и вы о немъ со мною; онъ всѣхъ васъ любилъ чистосердечно, и сколь ни младъ онъ былъ, но естли бѣ смерть меня похитила отъ васъ, онъ служилъ бы вамъ ошцемъ А я! я чего въ немъ не лишился! Нѣтъ болѣ сына моего! . . . Великій Боже! восхошѣлъ ли ты поразишь сердце мое жесточайшимъ ударомъ? . . . Онъ любилъ добродѣтель; онъ украшалъ ея; ему предалъ я мудрость Авраама и Исаака; онъ былъ честію, утѣшеніемъ и жезломъ старости моей; онъ новый свѣтъ проливалъ на послѣдніе дни мои; единый онъ утѣшалъ меня за холодность ко мнѣ прочихъ сыновъ моихъ, и соединялъ въ сердцѣ своемъ всю горячность, которую имѣлъ я право ожидать отъ браніи его Возлюбленная супруга! коея прахъ, можетъ быть, въ сію несчастную минути возмущается, онъ былъ истинное пвое подобіе А я о немъ не возстѣналъ бы! Естли бѣ я не возрыдалъ о немъ, сіи камни пролили бы

Т 2

слѣзы.

слѣзы. Я дополѣ плакати о немѣ буду, доколѣ къ нему во гробѣ не сиду.” Сии были его жалобы. Но возрѣвъ вдругѣ на брапій моихѣ, гнѣвъ возгорѣлѣ въ очахѣ его. „Дѣши жестокосердые! возопилѣ онѣ, се радость, кошорую я долженѣ былѣ ожидать отѣ вашего прибытія! Для возвращенія васѣ въ домѣ мой Іосифѣ жертвовалѣ собою; естли бѣ не оставили вы отца своего, Іосифѣ жилѣ бы и донынѣ; вы, вы меня его лишили, вы виновны въ его смерти.” Всѣ они отѣ сего негодованія блѣднѣюшѣ.

Селима, посреде вопля сего, вѣщала прерывающимся гласомѣ. „Великій Боже! . . . При самомѣ заключеніи нашего союза! . . . Въ день моего брака! . . . Одежда! кошорую искала я на украшеніе моего супруга, я зрю тебя кровію обагренну, и ты спала покровомѣ мертваго его тѣла! . . . А ты сѣнь брачная! вмѣстѣ того, чтобѣ при звукѣ орудія, веспи меня подѣ сѣнь швою, онѣ сѣ люшымѣ звѣремѣ сражается; упадаешѣ, перзаешѣ. . . Звѣрь шрепещущими его членами насыщаешѣ. . . . Естли бы хощя, сладчайшею уснувъ смершію, скончалѣ онѣ
жизнь

жизнь свою въ моихъ объятіяхъ, подобенъ цвѣту увядающему, есѣли бѣ душа его на единую минушу остановилась на устахъ его, и есѣли бѣ могла я възпріяти послѣднее его въздыханіе Ежели бѣ еще могла я погребсти трупъ его, нечувствевна ко всѣмъ прелеснямъ природы, вседневно переходила бы я источники, луга и холмы, пріими на гробъ его; я имѣла бы его въ объятіяхъ моихъ; въздыханіе мое и слезный источникъ проникнули бы сей прахъ драгоцѣнный; онъ не могъ бы сего не ощущати; смерть не вѣчно бы насъ другъ со другомъ разлучила, и когда бы я ужѣ болѣе о немъ слезъ не проливала, тогда соединился бы я съ нимъ во единое жилище” Рекла, и біенъ въ перси своя, и срываеиъ цвѣты украшающіе главу ея.

Между шѣмъ Іаковъ, не видя Симеона, вопрошаеиъ, не обѣихъ ли сыновъ онъ ужѣ лишается. Тогда окружающій старца сонмъ, раздвизаеиъ, и сей нещасный спалъ виденъ очю своему поверженный въ глубокое уныніе. Іаковъ зоветъ его: гласъ Божій въѣщавшій Каину, по убіеніи Авеля не вселилъ въ

сію злодѣйскую дѹшу толликаго страха. СимеонѢ пренецешѢ, колѣна его преклоняюща, онѢ хоцешѢ бѣжати; но ІаковѢ еще его призываетѢ, внимая сему почтенному гласу, несчастный приближается косными стѹпами. Присшупя ко оцѹ своему, потупляетѢ очи свои, лице его всеминутно измѣняется, и естѣли бѢ не сокрывалѢ ты предѢ ІаковомѢ злобы кѢ тебѢ Симеоновой, едино бы смященіе его изобличило. „Несчастный! рекѢ ему старецѢ, или знаешь ты о судьбѢ Іосифа болѣе всѣхѢ своихѢ браній? . . . Ты не любилѢ его . . . Ты смущаешься его погибелю Но не возмогѢ ли ты помощи ему? Не внялѢ ли ты воплю его? ОнѢ бы на швое защищеніе конечно успремился ГдѢ погибѢ онѢ? Кошорый люпый звѣрь пожралѢ его? Не принесѢ ли ты съ собой хотя окравовленныхѢ его членовѢ?“ СимеонѢ повѣдалѢ послѢ браніямѢ своимѢ, что при каждомѢ изѢ сихѢ словѢ, казалось ему, что подѢ ногами его колеблется земля, что паче погружается онѢ вѢ бездну, и что вѢ первый разѢ ощутивѢ весь раскаянія ужасѢ, тошовѢ ужѢ онѢ былѢ громкимѢ

кимъ гласомъ возопиши: я, я сей лю-
тѣйшій звѣрь.

Наконецъ Іаковъ въ снѣ свою оп-
ходишъ: тамо нѣжное зрѣлище сему
спрашному послѣдуешъ. Онъ хочетъ
ушѣшиши Селиму. „Іосифъ не неща-
стенъ, рекъ онъ; не забудемъ того въ
скѣрби нашей, что оставилъ онъ оп-
ща, приближися къ опцу всея шва-
ри, что обихаетъ онъ въ самомъ не-
порочности жилищѣ, кое было шоль
любезно его сердцу” Посреди сего
ушѣшенія онъ оспановляется, и слѣзы
проливаетъ. Тогда я пришекъ къ нему,
и весь слезами омоченный, хопѣлъ я
оперши его слѣзы: но возрѣвъ на лице
мое, которое конечно представило ему
образъ швой, возрыдалъ онъ неушѣшно,
взирая на меня долгое время, пріѣлъ
онъ меня въ свои объятія, и подъявъ къ
себѣ: „Великій Боже! рекъ онъ, внемли
моленію злощаснаго опща: я не всего
лишился; Веніаминъ, мнѣ еще оспа-
вленъ; онъ имѣетъ всѣ черпты лица
своего брата: да будетъ онъ ему и въ
добродѣтеляхъ подобенъ! да будетъ
онъ мнѣ впорымъ Іосифомъ! . . . Вені-
аминъ! хопя шы младенецъ, но да не

изходитъ день сей во вѣки изъ памяти твоей; вспомни, что тебѣ мѣсто его пріяти надлежитъ. А ты, которая должна была соединиться съ сыномъ, о коемъ я рыдаю, я хочу, колико я могу уронъ твой наградить, буди дщерь моя, вручаю тебѣ спадокъ Іосифовъ, живи въ шой сѣни которую созидалъ онъ, вести съ тобою жизнь благополучную.” Рекъ онъ: Селима упадаетъ къ ногамъ Іакова; мы объемлемъ его оба, и сладчайшія имена отца, дщери, сына съ нашимъ рыданіемъ соединяются.

Сколь жестокая скорбь поразила Селиму, когда въ первый разъ вошла она въ сѣнь твою! Я чаю еще зрѣши ея срывающую цвѣты украшавшіе сіе веселое жилище и одѣвающу оное чернымъ кипарисомъ; солнце не можетъ туда болѣе проникнути, и зефиры не колеблютъ уже лиснвія; царствуетъ тамо печальная тишина и мрачная ночь. Сѣмое плачевное древо среди сѣни поснавается ея руками. Пошѣмъ, взявъ лиру, которую сплелъ ты на торжество своего брака, взираетъ не нея мрачными очами, и обвиваетъ ея на вѣтви кипари-

парисныя. При корнѣ дрѣва сего поста-
вляешѣ она ковчегѣ, въ которомѣ хра-
нима была риза швоя. Тако превраща-
ешѣ она во гробѣ брачную сѣнь швою,
гдѣ сама погребаешѣ себя со образомѣ
швоимѣ: вседневно приходила она предѣ
ковчегѣ, ошверзала его, и слезами сво-
ими его орошала.

Но Іаковѣ, недовольный исполне-
ніемѣ сего суетнаго долга, изходитѣ
единѣ изѣ своей сѣни; онѣ не вѣщаешѣ
никому изѣ насѣ о намѣреніи своемѣ;
преходящѣ своя хижины, запрещаетѣ
послѣдоваши за собою, и удаляся онѣ
жилица опцовѣ своихѣ, идетѣ онѣ до
того лѣса, гдѣ провелѣ ты ночь ше-
сшвуя въ Дофанмѣ. Скинаясь по сему
неизмѣримому лѣсу, призываетѣ онѣ
шѣнь своего сына; ищетѣ слѣдовѣ шво-
ей крѣви, и не спрашася приближитися
къ обитанію звѣрей дѣсныхѣ, хошетѣ
обрѣсти несчастное шѣло швое и пре-
дашь его погребенію. „Тигры! вопіялъ
онѣ, когда имѣли вы его въ кошняхѣ
своихѣ; не ужѣ ли и вы тогда не были
смягченны? Всю ли свою добычу вы по-
глощили?“ Между шѣмѣ чая сирѣшшии
окравленные члены швоя шрепещетѣ
Т 5 онѣ

онѢ отѢ сѣя единыя мысли: по пощепенномѢ исканіи, испощенный хожденіемѢ спарецѢ, входящѢ шихо вѢ домѢ свой. СѢ того времени не изходилѢ онѢ изѢ сѣни своея, развѢ шокмо приносиши Превѣчному начашки плодовѢ земныхѢ; скорбѢ и сѣшование вѢ жилищѢ нашемѢ воцарились, и казалось, что нѣшѢ ужѢ на свѣшѢ самага Іакова: рѣдко призывалѢ онѢ сыновѢ своихѢ, кои сѢ своей сѣторонѢ спрашились его присущствія”

ВѢ семѢ мѣсѣ ІосифѢ прерываешѢ словѢ Веніамина. „Ободримся, рекѢ онѢ: швое повѣшшование пронзашѢ глубину моего сѣрдца, и я зрю самого тебѢ смягченна.” Они нѣкое время, вѢ молчаніи предающѢ разнымѢ чувшшваніямѢ исполняющимѢ ихѢ дѣши. ПошѢмѢ ІосифѢ обрѣся кѢ брангу своему: „Скончай слово свое, вѣщашѢ ему, и повѣдай мнѢ о нещасномѢ СимеонѢ; ужѢ первое его раскаяніе возмутило духѢ мой.” РекѢ онѢ, и ВеніаминѢ сими словами скончивашѢ свою повѣшѢ.

„СимеонѢ, паче прочихѢ моихѢ браншѢ, убѣгалѢ Іакова. Вседневно возрас-

распало въ семъ виновномъ сердцѣ
спрашное раскаянія жало. Онъ пылалъ
любовію къ Селимъ; но смятенный шою
любною скорбію, въ конпорую онъ ея
повергнулъ, не шокмо не вѣщалъ сй о
любви своей, но и не смѣлъ явиться
предъ нею. Когда внѣ своя памяни
пришекалъ онъ къ сѣни швоей и ошца
моего, шогда спшенанія спарца и Сели-
мы, поражая внезапно слухъ его, шер-
зали смущенную его дѹшу; онъ бѣжалъ
подобно человѣку, за слѣдами коего
спремится ревущій испочникъ, пре-
рвавши свой оплотъ, и когда въ даль-
немъ разспояніи хошетъ дыханіемъ сво-
имъ собрани силы своя, шогда частъ
онъ слышати еще сй спшенанія, и паки
бѣгство начинаетъ. Когда шеснивовалъ
онъ мимо олшаря, воздвигнушаго Авра-
амомъ, и гдѣ приносимъ мы превѣчно-
му наши жершвы и моленія, шогда
мнилъ онъ сему спрашному внимани
гласу: не оскверная собою снхъ священ-
ныхъ мѣстъ; иди, бѣти, и не ожидай
шого, чшобъ пожралъ шебя огнь небе-
сный. Естли онъ ко тробамъ онцевъ
нашихъ приближался, шо чаялъ шогда
зрѣши исходящія изъ земли мшшшель-
ныя

ныя пѣни. Иногда усмрашенный лю-
птѣйшимъ еще образомъ, и спавъ блѣ-
денъ подобно человѣку Ангеломъ смер-
ти пораженному, вопіялъ онъ, что о-
кровавленная пѣнь твоя послѣдуетъ
стопамъ его. Вдругъ, во смященіи
души своея, вопрошалъ онъ, не воско-
лебалась ли земля, не пошряслась ли
лѣса и горы, желая бѣжати самого себя,
шелъ онъ отъ дому нашего, въ среди-
ну темнаго и уединеннаго лѣса; тамо
воплъ его соединялся съ ревомъ звѣрей
люптыхъ; брашія мои слѣдуя за нимъ
издалека, слышали его вопіюща: „Ка-
инъ! Каинъ! пы во мнѣ оживаешь . . .
Боже опмщеній! Тако ли и я казнию-
ся, какъ былъ казимъ Каинъ? Впе-
чатлѣлъ ли пы на челѣ моемъ знаки
моего злодѣянія? Кажется мнѣ, что
отецъ мой, Селима, что всѣ взора
моего ужасаются, что стада не хопятъ
паспися на шравѣ, по коей я скишаюсь,
что не пьютъ они изъ испочниковъ, изъ
коихъ знойну я жажду уполяю, и
что повсюду, гдѣ ищу покоя, внимаю
я единому роптанію природы.” Сіи были
слова сего несчастнаго. Іаковъ помыш-
лялъ, что Симеонъ, убѣгая его при-
суп-

сущствія, не хочетъ умножити скорби отца своего, представляя ему врага сыну своему, о коемъ онъ рыдалъ. Селима знала паче всѣхъ злобу къ тебѣ сего неправеднаго брата; но добродѣтельные сердца питаютъ рѣдко подозрѣніе о столь свирѣпыхъ злодѣяніяхъ; между тѣмъ всякій разъ, когда она взирала на него, невольное пререшаніе перзало сердце ея.

Внемли, что любовь содѣловати можешь. Въ концѣ сѣни своея спояло вязовое дерево, которое долженствовало покрывать брачную сѣнь твою. Селима вырѣзала на деревѣ семъ имя твое. Во единый день, когда исполненными слезъ очами взирала она тщательнаго на сіи дражайшіе знаки: „Естьли бѣ я могла, рекла она, начертати здѣсь, также какъ имя его, и нѣкія черты его лица!“ Едва пришла мысль сія, уже рука ея изображаетъ уста твои; но важнѣйшее воспріять намѣреніе, описываетъ она вътви дрѣва, и единый шокмо пень его оставляетъ. Никто не смущалъ ея въ семъ уединеніи, и мы не вѣдали о ея предпріятіи, но во единый вечеръ призвала она въ сѣнь свою меня

и Іакова. Коль велико было удивленіе наше! на мѣстѣ дрѣва мы образъ швой узрѣли; по языческому повѣствованію, люди нѣкогда превращались въ деревья, но здѣсь бездушный пенъ оживлялся подѣ десницею Селимы. Се швой черны, сшапѣ, се самѣ шы предстоишь взору нашему; шы былѣ въ шомѣ образѣ, въ какомѣ зрѣли мы себя въ несчастную минушу разлученія нашего; шы проспиралѣ къ намѣ рѹки и слѣзы лилися по швоимѣ ланипамѣ. Іаковѣ, пораженный удивленіемѣ и радостію, чаялѣ, что въ сію минушу приходишь шѣмѣ швоя насѣ упѣшани. Я уснаремляюся къ сему дражайшему изображенію; всѣ шрое мѣ его объемлемѣ, и слезами своими его орошаемѣ. Колыкаго плача спонило мнѣ сіе пріятное упражненіе! рекла намѣ Селима; чѣмѣ болѣе я въ ономѣ успѣвала, чѣмѣ сходнѣе были сіи черны съ шѣми, кои врѣзаны въ сердцѣ моемѣ, шѣмѣ паче возмущался духѣ мой. Иногда среди дѣла сего, внезапная мечша увѣряла меня, что зрю я моего супруга предѣ собою. „Іосифѣ! вопіяла я, куда шы ошѣ насѣ сокрылся? Какѣ возмогѣ шы ошавиши меня?

Тогда

Тогда желѣзо упало изъ рукъ моихъ, и я не исходила изъ сего мечшанія, въ иномъ видѣ, какъ объемля сіе нечувственное древо.” Тако намъ вѣдала Селима. Въ семъ священномъ уединеніи устремляя очи на швое изображение, мы бесѣдовали о себѣ единомъ: Тайнымъ входомъ, приходилъ отецъ мой изъ сѣни своя въ сіе посвященное слезамъ мѣсто: казалось намъ иногда, что носился окрестъ насъ шѣнь швоя, и что образъ швой смягчается онѣмъ гласа скорби нашея.

Между шѣмъ, чѣмъ болѣе возрасталъ я, шѣмъ паче лица моего чэрпы швоимъ подобны были. Время умножало сіе сходство, и Селима иногда взирая со Іаковомъ нѣжными на меня очами! „Се гласъ его, вѣдали они, се чело его, уста, влasy. „Радовался я о семъ подобіи, и въ числѣмъ источникѣ, любилъ я зрѣти въ себѣ образъ швой. Часто въ умиленіи души своей нарицалъ меня отецъ мой именемъ Іосифа. Какъ прекрасныя плоды на чуждое прививаются вѣшвіе, тако въ душу мою преселялъ онѣ швои добродѣтели.

Я видалъ рѣдко брагій моихъ: Симеонъ паче прочихъ, не шерпя безъ сомнѣнія сходства моего съ тобою, убѣгалъ моего взора. Неффалимъ шокмо любилъ со мною быти; ты единъ былъ виною нашея бесѣды. Во единый день рекъ онъ мнѣ, что хочешь повѣдаши кѣкое важное мнѣ шайнство, и удалясь отъ всѣхъ со мною, вѣщалъ онъ мнѣ нещастій твоихъ повѣсть. Коль возрадовался я, услышавъ, что ты еще живешь на свѣтѣ! Но коликая скорбь прерывала сіе веселіе! Ты былъ мершвѣ для насъ какъ прежде. Суди о моемъ спраданіи: мнѣ надлежало заключиши шайнство сіе въ сердце моемъ; возвѣспивъ о семъ Іакову и Селимъ, обновилъ бы я, а можешь быть, и усугубилъ бы ихъ опчаяніе, и сколь ни ужасенъ казался мнѣ Симеонъ, но довольно былъ онъ уже казимъ своимъ разкаяніемъ и безъ того, чтобъ навлещи родительское на него проклятіе.

Іосифъ! возлюбленный мой братъ, почто я толико юнъ былъ, когда повергался ты злобѣ сыновъ Іаковлихъ! я послѣдовалъ бы стопамъ твоимъ, и еспыли бъ я долженъ былъ пріяши уча-
стіе

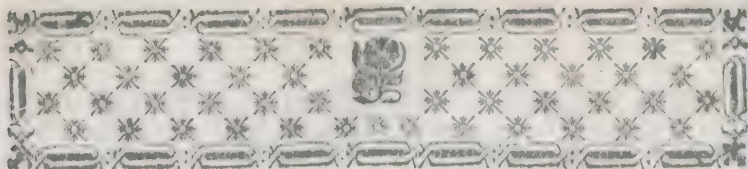
стіе во швоемъ бѣдствіи, я единъ воз-
прошивилъ бы безчеловѣчному ихъ сон-
му. Колико крашъ искавъ уединенія,
размышлялъ я о тебѣ! Сердце мое тебя
призывало, я проспиралъ къ тебѣ рѣки,
очи мои въ наидальнѣйшія устремлялись
спра́ны. „Гдѣ живетъ онъ? Вѣщалъ
я, неужели онъ онъ полуденнаго и-
сшаеваемъ зноя? Или среди вѣчныя зи-
мы погибаетъ? Я на всѣ спра́ны обра-
щался; просилъ тебя онъ небесъ и онъ
земли. Частно я гоговъ былъ опшор-
гнувшись онъ обѣщія Іакова, искаши
тебя въ самыхъ Вѣрварскихъ спра-
нахъ, и естли бѣ небеса мнѣ тебя не
возвратили, не могъ бы я долго сему
сильному желанію сопротивлялися.”

Рекъ онъ, и ошягченный всѣми
чувствованіями Іосифъ, кои тогда серд-
це его испытывало, устремляется въ
обѣщія Веніамина. Скорбь, радость,
любовь, дѣтская горячность, братское
дружество, и общее сожалѣніе вдругъ
царствуютъ въ душѣ его; онъ еще пре-
дается на долго въ обѣщія сего воз-
любленнаго брата: наконецъ они другъ
друга оспавляютъ, и сонъ сіи смущен-
ныя движенія успокоиваетъ.

Томъ II.

У

ІОСИФЪ.

ЮСИФЪ.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

По нѣкихъ дняхъ проведенныхъ во увѣреніи взаимнаго дружелюбія, Веніаминъ рекъ своимъ братьямъ. „Когда предаемся мы веселію обрѣвши Юсифа, забываемъ мы тогда, что Іаковъ и Селима еще о немъ рыдаютъ: не должно ль намъ спѣшши къ нимъ, и радость нашу съ ними раздѣлиши?“ Тотчасъ дѣлають они пріуготовленіе ко своему опшесствію. Коль ни усердно желаетъ Юсифъ разгнати скорбь отца и возлюбленной, но видя съ сожалѣніемъ, что минута разлученія своего съ братьями приближается.

Едва

Едва онъ ихъ узрѣлъ, уже долженъ былъ присутствію ихъ лишиться! koliko желаетъ онъ послѣдовать имъ! шествуя на опустошенныя поля и на берегъ Нила, испаваясь онъ со всею природою. „Рѣка! возопилъ онъ, когда зрѣмы budú воды твои? Земля! когда произрастѣешь ты первый цвѣтъ, сей прѣянный знакъ моего опшесствія? сколь будешь онъ въ очахъ моихъ прелестенъ! Ароматы его сколько благоуханны budú, koliko дыханіе Селимы.“

Посредъ чувствованія повелѣваетъ царь предъ собой его призванію. Онъ является предъ нимъ съ выходящими сердечныя печали. „Ты обещалъ мнѣ рекъ Фараонъ, не оставиши Египетъ, доколѣ гладъ продолжится: но почто, облегча и раздѣля нещастія наши, почто не насладишься тебѣ съ нами временемъ благополучнѣйшимъ? . . . Не возмущайся; я не пребуду болѣе жершвы отъ твоей чувствительной души. Братія твои прибыли во спрану сію: я знаю о бывшемъ твоемъ веселіи, и о настоящей твоей скорби. До сего дня не возмогъ я доснойно увѣнчати твояды твоей: душа твоя превыше всѣхъ

величествѣ и сокровищѣ: но въ предлагаемомъ мною дарѣ, надѣюсь я обрѣсти путь швоего сѣрдца. О ты великій мужъ! ты посвящая свое шастіе блаженству моего народа, ты спрадая единѣ отъ самой шой кáзни, отъ коей насъ избавляешь, уже довольно приносилъ ты себя добродѣтели на жертву. Ты обличнихъ своихъ воздыхаешь; но Египетѣ и Царь швой не хотяшѣ тебя лишиться. Возьми моя колесницы, да придетъ въ землю сію опецъ швой, и всѣ ближнія швой: я даю тебѣ, или паче возвращаю тебѣ землю содѣланную побой, землю Гессенскую, плодоноснѣйшую во всемъ царствѣи моемъ. Тако, въ обѣщаніяхъ опца своего, будешь ты еще жезломъ престола моего, и всѣ побой блаженны будемъ, я, народъ мой, ты и всѣ сродники швой.”

Іосифъ, отъ мрачныя скóрби въ неизреченную преходя радость, повергаепся на землю предъ лицемъ царя своего, и объемля колѣна его: „Истинно слово швое, рекъ онъ, что обрѣлъ ты путь сѣрдца моего, и конечно не возмогъ ты драгоцѣннѣйшія мнѣ награды предложиши” Слѣзы изъясля-
ютъ

юшѢ паче его благодарность. ПотомѢ спѣшашѢ онѢ къ брѣтїямѢ своимѢ. Они угощавляли тогда тихо свое общество, когда узрѣли его вдругѢ текуща къ нимѢ въ радостномѢ восторгѢ: всѢ они обѣяшы спали удивленїемѢ. „Я не удерживаю васѢ болѣе, рекѢ онѢ имѢ, шествуйте не медля, спѣшите ко отцу моему . . . восхищенїе смущаетѢ дыханїе мое . . . скажите вы ему, чѣтобѢ онѢ самѢ пришелѢ сюда, чѣто сынѢ его ІосифѢ ожидаетѢ его, чѣто царѢ даетѢ ему плодоносную Гессенскую землю, чѣтобѢ пришелѢ онѢ сюда съ Селимою, ВенѣаминомѢ, со всѣми дѣтьми и со внуками своими. Почѣто не можетѢ онѢ пренести съ собою весь домѢ нашѢ, сѣни наши, священный олтарь и гробницы праотцевѢ нашихѢ!“ Сїе ему вѣщающе, брѣтїя его успремидись въ его обѣяшїя, и восклицали радостно.

ТотчасѢ избираетѢ онѢ колесницу Іакову и СелимѢ, и собираетѢ множество другихѢ для пришествїя своихѢ ближнихѢ. ОнѢ награждаетѢ дарами свою брѣтїю; горячность и щедрость его являющя паче всѣхѢ къ Венѣамину, и пять колесницѢ исполнены были дра-

госудинѣйшими произведеніями Египта, кои посылаетъ онъ онцу своему и возлюбленной. Онъ провождаетъ своихъ братьевъ, объемлетъ ихъ, и увещеваетъ ихъ согласно храниши. Имѣя еще въ объятіяхъ своихъ Веніамина: „Не порази, рекъ онъ ему, непорази чувствительно сердца Іакова и Селимы; угошви ихъ къ сей благополучной вѣспи, да возмогутъ пренести они нечаянную радость, по шоль долговременной печали.“ По скончаніи смѣхъ словъ, радуется онъ съ возлюбленнымъ братомъ.

Съ исполненными слезъ очами, шесшвуетъ онъ ко вратамъ Мемфійскимъ, и тамо, продолжая супротивляшися гладу, трудами своими уменьшаетъ нѣжное свое сожалѣніе. Между шѣмъ Ишуринъ предприемлетъ вдругъ и труды его наградиши, и ошановиши чувствованія, кои шоль великую силу надъ сердцемъ его воспріали.

Іосифъ, проходя Египетъ и достигая до предѣловъ сего государства, гдѣ Путь съ высокихъ низвергается камней, восхошѣвъ познати изходище сея благошворныя рѣки, не изъ празднаго и безплод-

плоднаго любопытства, но желая возвыситься ко Творцу своему, испытывая природу. „Возвѣспише мнѣ, рекъ онѣ провождающимъ его, въ коихъ мѣстахъ рѣка сія раждается, коими блаженными странами распространяетъ съ водами ея плодоносіе, почто, обильнѣе лихъ рѣкъ, кои въ нѣдрахъ своихъ злато сохраняютъ, становятся Нилъ оцемъ изобилія, и подобенъ пшеницѣ покрывающей пшеницы своя, произрастаетъ онѣ произведенія земли шоя, которую попопляетъ въ самое то время, когда другія рѣки разливаясь поля опустошаютъ.“ Описываютъ ему, что до сего времени Нилъ сокращаетъ свое начало шолко, коливо изъбавляетъ себя своимъ благодѣаніемъ. Иосифъ усрешилъ очи свои на сію рѣку, и еслилибъ присутствіе его не нужно было благополучію Египта, онѣ одолѣлъ бы сіи камни и возшелъ бы къ рѣчному изходу.

Препятствіями любопытство его возрасшало часто шествуя по брѣгу, предаются онѣ симъ мыслямъ: тако чувствительная и великая душа, возрѣвъ на природу, хочетъ парити до

У 4

нѣдрѣ

нѣдрѣ Божества, до сего превѣчнаго
 начала, Океана всѣхъ сущесивъ, коего
 переходящія вѣлны спираются, и въ
 бездну времени пропекаютъ. Сѣдѣщему
 на брегѣ Ниловомъ, обремененному шу-
 дами, и предавшемуся сну ошягошив-
 шему очи его, Ангелъ Египта сїи слова
 вѣщаешъ. „Извѣстно мнѣ швое желаніе;
 душа швоя хощеніѣ испышати глубину
 природы, и видѣ швоего любопытства
 есшъ едино изъ величайшихъ чудесъ ея:
 два славные побѣдители, (*) обагривъ всю
 землю кровію, возгорятъ равнымъ сему
 желаніемъ, и согласяшся жертвовашъ
 свои царства и всѣ текущія подѣ обла-
 сшю ихъ рѣки, единому преимуществу,
 видѣши Нилово изходище, и испышати
 вину его плодородія; шоль познаніе
 земли сея превыше есшъ побѣдъ! Но я
 не удовлетворю ихъ желанію; почшо
 природѣ сообщати шайнсшва шѣмъ, кои
 спремяшся къ ея разрушенію? Блажен-
 ны вѣды сїи текущія свободно въ шоль
 дальнемъ опѣ нихъ разстояніи, и не-
 обагрѣаемыя человѣческою кровію, лію-
 щекся повсюду, куда шокмо они при-
 ходятъ! О ты, коего душа болѣе истин-
 наго

(*) Александръ и Кесарь.

наго величества имѣеиѢ, и который не навлекая на землю кáзни, опѣрашаеиѢ оную, и надѢ нею торжествуетѢ, иди, послѣдуй на воздухѢ за мною; природа хошеиѢ шебѢ ошкрыши всѢ свои таинства.”

РекѢ онѢ, и чаеиѢ ІосифѢ возвышались по слѣдамѢ сего духа; кажеиѢ ему, что земное шѢло онѢ него ошпадаеиѢ, и онѢ облакаеиѢ вѢ существо воздушное, вѢ сѣе безсмертное одѣяніе безсмертныя души; онѢ взираеиѢ на воздухѢ, какѢ на такую стихію, гдѢ ему жиши долженствуетѢ, и быспрый полетѢ орла упадающаго на агнца, не можеиѢ сравниши сѢ быспрошою сего теченія. Все, что онѢ ни зрииѢ, все предснавляеиѢ ему по дѢ истиннымѢ природы изображеніемѢ, что мечтаніе сѣе ни мало не разнствовало сѢ вещественностію. Во единую минуиѢ препекаюиѢ они ЕгипетѢ, знойную Еѣіопію, и оспановляюиѢ вѢ Абиссиніи на камняхѢ, кои возвышались до небесѢ, кажуиѢся хошящими сокрыти онѢ всѢхѢ заключаемыя вѢ себѢ сокровища. ТопчасѢ пріятное журчаніе поражаеиѢ слухѢ ІосифовѢ, и онѢ зрииѢ два чистые

У 5

источ-

испощники, текущіе изъ пещеръ окру-
женныхъ зеленью и цвѣтами: баснь,
песелой кистію своею, не дала шоль
прелестнаго убѣжища Наядамъ: сіи оба
испощника спускаются въ единый про-
странный кладезь, который, спавъ вър-
нымъ небесъ зеркаломъ, представляетъ
шо быстрый бѣгъ облаковъ, ихъ силь-
ное другъ о друга удареніе, и молніи ихъ
раздирающія; шо спокойную лазурь небе-
снаго свода, гдѣ подобныя бѣлой вол-
нѣ летаютъ шуда и сюда легкія обла-
ка, коихъ края солнечными лучами по-
злауценны. Снада не ушолаютъ ни-
когда въ сихъ водахъ жажды своя;
вихри не возмущаютъ ея поверхно-
сти, и ни единое несѣкомое не обрѣло
шамо своего гроба: нынѣ спокойный
зрится шупъ испощникъ; но когда
небесными водами бываетъ оный увели-
ченъ, тогда одолѣваетъ камни копя-
щіе сопротивившися его теченію, и спа-
новившися рѣкою, спремяется изъ пре-
дѣловъ своихъ, коея ревъ слышимъ
вдали, и кошорая въ ярости своей ни
елинымъ оплошомъ не можетъ быти
удержанна. Іосифъ, увѣренный о томъ,
что зрится Нилово изходище, устрем-
ляется

ляется на край кладезя, и онѣ былѣ первыи смерпный, коего образѣ изображали сіи чистыя воды.

„Не довольно сего, рекѣ ему Ангелѣ, что проникнулѣ ты въ сіе мѣсто; ты зрѣлѣ еще единую токмо поверхность видовѣ природы; иди, я хошу другія чудеса шебѣ ошкрыти, приведѣ шебя къ первому началу сего источника.“ Едва окончилѣ онѣ сіи слова, ужѣ подѣ ступами ихѣ земля растворяется и они въ сей мрачный пушѣ вступающѣ. Тако желающіе быти причастны таинству просвѣщенія * initiation *, когда оное не было еще баснею поврежденно, скипались долгое время въ темныхѣ безднахѣ, чаяли касаться грапамѣ адскимѣ, слышали свистѣ змѣй на лютыхѣ фурияхѣ, зрѣли кровавыя свѣщи ихѣ, и преглавнаго Цербера изрыгающаго пламень. Прежде, подобно какѣ въ жилищѣ смерти, является имѣ густая ночь и тишина спрашная: но чѣмѣ далѣе шествуетѣ Іосифѣ, тѣмѣ болѣе сіе явленіе премѣняется. Рѣки пламенныя съ ужаснымѣ ревомѣ шекунтѣ у ногѣ его; внезапно Океанѣ низвергается на сей пламень, и вихри кажутся хоплящими

щими перзапи землю до самой ея вну-
пренности, зрѣлище ужаснѣйшее, басно-
словныя борьбы Вулкана и Ксанѳа на
поляхъ Троянскихъ; спрашныя молніи
блещутъ на волнахъ возмущенныхъ, и
ночь и день быстро исчезающъ; сравнен-
ная съ сею непогодою яростнѣйшая бу-
ря, есть подобіе пишины совершенныя:
наконецъ глухій ревъ исходитъ изъ
пѣдръ земли, ошатыченныя симъ сраже-
ніемъ; она колеблется, разперзается,
и въ дыму изрыгаетъ селиштуру, метал-
лы и камни раскаленные.

Іосифъ не успрашается сего вели-
каго зрѣлища. Между шѣмъ Ипуріилъ
пріемлетъ его руку и ведетъ въ мѣста
значныя, гдѣ огонь пріятнѣйшій солнца
сіяетъ, и лучи его изъ средины земли
испущенные, сѣмена жизни опроверзающъ.
Тамо на драгоценныхъ камняхъ ше-
кутъ съ согласнымъ журчаніемъ зла-
тые и серебряные источники, коихъ
волны соединяются иногда безъ смѣше-
нія; сіяніе свое не помрачаютъ они
просѣваясь сквозь песокъ нечистый;
янмы и алмазы преломляющъ лучи
огненные, помогающіе ихъ сотворе-
нію. Тамо природа всю власць свою
распро-

распространяя, созидаетъ дражайшія сѣмена существъ, кои съ водными ключами и металлами даже до поверхности земли прошекаютъ. Тамо рождаются источники всѣхъ рѣкъ преходящихъ сію землю. Ишуріилъ ведетъ Іосифа предъ изходище Нилово, и повѣдавъ ему о причинахъ его плодородія, являетъ ему безчисленное множествоплѣ чувственныхъ движущихся въ нѣдрахъ его. Здѣсь Іосифъ избираетъ мѣсто отдохновенія, и уже пыгоспистоль шруднаго пуши болѣе онъ не ощущаетъ.

Наконецъ исходяиъ они изъ сего мѣста, и зряиъ паки свѣтъ дневный. „Днесъ, вѣщаетъ Ангелъ, зри облака помогающія плодоносію Нила.“ Сіе ему изрекшу, возвышается онъ даже до небесъ, и подобенъ птенцу орлю пріобыкшему ввѣряться воздушной пуси, и равняющемуся орлу въ полетѣ, Іосифъ прешекаетъ толкоеже разстояніе. Тамо зрииъ онъ облака набросанныя едино на другое, подобно безобразнымъ камнямъ или движущимся горамъ, равно какъ Осса на Пеликонѣ, во время осады небесъ изображается. Тамо Ишуріилъ
явля-

являетъ ему, какъ солнце вытягаетъ жидкую стихію, и полевая сокровища, кои подверженныя всѣмъ солнечнымъ лучамъ, почернаютъ въ ихъ пламени жаръ и жизнь, и плодоносною росю возвращаю на землю упадающъ.

Но разсмотрѣніи всѣхъ сихъ видовъ: „Вождь Божественный! рекъ Іосифъ, приведши меня къ предѣламъ раздѣляющимъ небеса и землю, должно ль почивати сіи предѣлы, и можетъ ли держати смертный, возвышавшися къ странамъ воздушнымъ?“ Вѣщая сіи слова взираетъ онъ робкимъ видомъ на Ангела: но въ очахъ его зришъ онъ опившъ благосклонный, и уже духъ воспарилъ обокъ полъ облакъ. Іосифъ не медлишъ за нимъ послѣдовать, а Ипуріилъ подавъ ему руку свою, помогаетъ ему въ семъ быспромѣ лѣтѣніи. Они останавливаюся на единомъ созвѣздіи, кое кажется погруженно быти въ солнечномъ пламени. Тамо Ангелъ изъясняетъ юному смертному чудящемуся сіянію вселенныя, како небесныя тѣла, держащіяся собственною своею тягостію, движущая различно сохраняя равновѣсіе, текутъ величественно еди-
нос

ное къ другому, и въ непреспанномъ
печеніи своемъ, повинующаяся двойствен-
ному закону призывающему ихъ и опре-
вляющему. Опшолѣ превозжаемый И-
шуринломъ ленишѣ онѣ къ той сыра-
нѣ, гдѣ звѣзды кажутся касались еди-
ная другой, шоль щедрою рукою они
насыяны шамо. Наконецъ удаляются
они отъ сихъ мѣстъ, и спремяшя воз-
высипшя до послѣднихъ предѣловъ
міра, внезапно Божественное пѣніе из-
далека слышимое, поражаетъ слухъ Іо-
сифовъ; въ самое то время зрѣшѣ окъ
свѣшѣ, коего сіяніе въ сравненіи съ
пламенемъ всѣхъ возженныхъ на небеси
свѣшилѣ, помрачило бы оной такъ лег-
ко какъ солнце луну затмѣваетъ. „О-
спановимъ печеніе наше, рекъ Ишу-
ринлѣ; не можетъ смертный приближи-
тися къ сему другому міру; зримый
тобою есть единая шокмо пѣнь сего
незерцаемаго; ты не далѣ спойшѣ отъ
дому владычія, какъ земля спойшѣ отъ
насъ, и сіе пѣніе, коему внемлешѣ ты
единымъ умирающимъ слухомъ, есть
пѣніе безсмертныхъ.“ Ангелъ умолка-
етъ. Іосифъ преклоняетъ слухъ свой:
препецущее сердце его, не можетъ пре-
носить

носиши долѣе ни зрѣлища сего, ни того чувствованія, которое симъ сладостнымъ пѣніемъ въ немъ произведено; восхищенный, ослѣпленный, и невидяй ни звѣздъ ни солнцевъ, сквозь коихъ Ангелъ направляетъ свой полетъ, предается онъ своему вождю, исходящъ до облакъ покрывающихъ наше полукругіе. Тамо, начиная познавати себя: „Великодушный полковашель природы! рекъ онъ, ты повѣдалъ мнѣ всѣ ея таинства; сія земля кажется въ очахъ моихъ малѣйшею точкою: между тѣмъ ни чудеса въ нѣдрахъ ея заключенныя, ни величество вселенныя не потасили во мнѣ чувствованія прилѣпленныя къ существу моему: скончай дѣло свое; удовольствуй шоліко сердце мое, колико ты просвѣтилъ мой разумъ; не возмогъ ли помощію твоею, слабыя очи мои узрѣти домъ Іаковль?“ По окончаніи сихъ словъ ощущаетъ онъ нѣкую вышнюю силу, оживляющую его очи, и зришъ ясно мѣсто своего рожденія, и отца своего сѣдяща съ Селимою предъ сѣнію своею; оба они поверженныя въ грусть слѣзы проливаютьъ. Смягченный Іосифъ проспиралъ къ нимъ руки, и слѣзы

слёзы изъ очей его лѣются: но не воз-
могши пренести шоль великаго смяте-
нія, пробуждается; все сокрылось отъ
него, и видъ круговъ небесныхъ, и Ан-
гелъ, и домъ родительскій; онъ обрѣ-
таетъ себя лежаща на брегѣ Ниловомъ,
и землю орошенную слезами своими. Но
Божественная сила распространяется
въ сердцѣ его; разумъ его спалъ паче
просвященный, и онъ возстаетъ для
возпріятія трудовъ, посвященныхъ бла-
госостоянію Египта.

Между шѣмъ Іаковъ ожидалъ съ
неперпѣніемъ сыновъ своихъ. Прошло
время назначенное къ ихъ пришествію,
и родительское сердце его исполнялось
смущеніемъ; онъ щипалъ часы и ми-
нуны; сѣдѣющій съ Селимою на мѣстѣ
слезамъ посвященномъ, и обѣмлемые
равнымъ спрахомъ, бесѣдовали они о
Веніаминѣ. „Увы! вѣдалъ онъ часно,
взирая на образъ Іосифовъ, можетъ
быть отъ обоихъ сыновъ моихъ еди-
ный сей образъ мнѣ остаётся; можетъ
быть, на семъ мѣстѣ буду я плакать о
всѣхъ моихъ сынахъ!“ Сии были слова
Іаковли. Тако юныя пшцы призыва-
ютъ слабымъ гласомъ мащерь свою, коя

въ дальнія страны оплещаетъ для ис-
сканія имъ пищи; вдругъ внемля ея
гласу, и узрѣвъ ея сквозь вѣшней па-
рящу на высотѣ небесной, шоскливый
гласъ свой премѣняющъ они на радо-
спный, и младыми крыльями сво-
ими на срѣшеніе ей лепѣши порыва-
ются.

Во единый день, когда Іаковъ и Се-
лима изображали другъ другу шоску свою
на шомже мѣстѣ, внезапно услышанъ
былъ во всемъ домѣ шукъ текущихъ
колесницъ, и шопощъ верьблюдовъ бѣ-
гущихъ. Іаковъ умолкаетъ, прекло-
няетъ слухъ свой, и во ономъ шумѣ
познаетъ онъ гласы сыновъ своихъ.
Онъ възстаетъ, и шощетъ иппи во срѣ-
шеніе имъ, но вдругъ зрѣтъ ихъ са-
михъ идущихъ къ его сѣни; нынѣ всѣ
они дерзаютъ вниппи въ сіе убѣжище.
Веніаминъ прежде всѣхъ ушпремляется
въ объясніа опца своего, кошорый при-
жавъ его къ персямъ своимъ: „Когда
я тебя узрѣлъ, рекъ онъ, я ни о чемъ
болѣе небесъ не умоляю, и сниду во
гробъ съ менѣшею скорьбію.“ Онъ об-
емлетъ пошомъ всѣхъ своихъ сыновъ,
и шѣмъ любезнѣе приемлетъ Симеона,
цѣмъ

чѣмъ долѣе удаленъ онъ былъ отъ родимельскаго дому. Селима узрѣвъ Веніамина восхищается. Между тѣмъ въ очахъ юнѣйшаго сына Іаковля сіяла презмѣрная радость; сколь ни старался онъ ея умѣришь, но вырываяся изъ сердца, исходила она на чело его, на лице и очи. „Дражайшій отецъ мой! Селима! рекъ онъ . . . Возвращеніе наше есть самая малѣйшая вина той радости, которую мы вамъ приносимъ нынѣ.“ „Но кое удовольствіе могъ бы я еще вкусиши? оповѣщаетъ Іаковъ: или странствіе швое, любезный сынъ, разгнало прежнюю шоску швою? а я до нынѣ въ равной спрадаю скорѣби, и шокмо возвращеніе ваше могло на нѣсколько ошановиши оную.“ „Иль не ошалось, рекъ Веніаминъ, ни малой намъ надежды узрѣши Іосифа?“ „Увы! оповѣщаетъ старецъ, исчезла вся моя надежда, звѣри люпыя опідающъ ли когда корышъ свою?“ „Не возмогъ ли онъ спасти себя отъ нихъ? . . .“ прерываетъ Веніаминъ, и очи его оживляются, и чувствованія, кои онъ хочетъ заключиши въ душѣ своей, исходятъ на лице его, какъ солнечные лучи легкое про-

нищаютъ облако. „Естьли бѣ не погибѣ онѣ, вѣщаетъ Іаковѣ, не ужѣ ли бы небеса не возвратили его въ мои объятія? . . . Но кая радостѣ исполняетъ пивую дѣшу? никогда не произносилъ ты имя Іосифово безъ проливія слезъ: нынѣ . . . всѣ дѣши мои исполнены веселіемъ Я знаю, что Іосифѣ въ тебѣ оживляется; но, увѣ! ужѣ нѣтъ его . . . или былъ ты болѣ насѣ щасливѣ, и видѣлъ тынѣ его? . . .” Во время сея бесѣды, Селима воздыхая, устремила очи свои на образѣ возлюбленный. Тогда Веніаминѣ не возмогши своего воспорага одолѣши: „Блаженѣ отецѣ мой! возопилъ онѣ . . . щедрино хотѣлъ я тебѣ уготовити . . . собери силы свои пренеси радостѣ неизреченную; живѣ сынѣ твой Іосифѣ.” Въ поже время всѣ сыны Іаковли возопили. „Живѣ сынѣ пивой Іосифѣ.”

Какѣ гласѣ Ангела оспановившаго руку Авраама подбѣшаю на сына его, вселилъ радостѣ въ скорбящее сердце сего смущеннаго отца и оживилъ всю природу, спеняющую о шаковомѣ жертвоприношеніи: шако сіи повпорѣяемыя толикими устами слова, проникающѣ сердце

сердце Іаковле и весь домъ его. Селима сильнѣйшимъ объявля удивленіемъ, прерываеиъ свои воздыханія, отвращаетъ вдругъ очи свои отъ образа Іосифова, восхищенна, но колеблющаяся между сомнѣніемъ и надеждою, пребываетъ она неподвижна, безгласна, проспирающая рѣки и уснремляющая взоры свои на Веніамина, алкая проникнути всѣ слова, кои изъ устъ его изыдутъ. Но скоро Іаковъ не хощая вѣрнати симъ своимъ: „Не уже ли вы спароси моей ласкани восхотѣли, рекъ онъ, не уже ли согласились вы симъ вымысловъ унѣнати послѣдніе дни моя? И ежели по такъ, оставьте вы меня слезы проливати, мнѣ скорѣе моя любезна, и я предпочитаю ея увѣренію о такомъ щаснѣи, коего нѣтъ со мною Еснѣли бѣ живъ былъ Іосифъ, кто бы возмогъ удержати его удаленна отъ меня.” „Онъ ожидаетъ тебя, отпѣываетъ Веніаминъ; сей сильный и добродѣтельный мужъ, коего весь Египетъ почиаетъ, коего премудрость намъ была прославляема, который желалъ слышати о тебѣ и Селимѣ, который питалъ весь домъ нашъ,

возвращилъ злато наше, не возмогъ опустошши отъ себя всѣхъ твоихъ сыновъ, возжелалъ зрѣти меня” „Вѣдай! рекъ Іаковъ! скончай слово свое: Великій Боже! благословлю неисповѣдимыя судьбы твоя” „Сей мужъ, описываетъ Веніаминъ, сей есть сынъ твой Іосифъ.”

По сихъ словахъ Селима возопила тласомъ радости: но не возмогши пренести своего восторгу, она блѣднѣетъ, упадаетъ, очи ея зашворяются: тако сопротивляющійся долгое время свирѣлымъ вихрямъ цвѣтъ увядаетъ внезапно отъ луча солнечнаго: имя Іосифово къ жизни ея призываетъ. Но Іаковъ долгое время ни единого слова не вѣщаетъ; поверженный въ глубокое молчаніе, и желая разгнати послѣднее облако, подбѣмлющееся въ душѣ его: „Возможно ль быть сему? рекъ онъ, великій Боже! возможно ль, чшобъ мнѣ возвращенъ былъ сынъ мой? Возлюбленные дѣти! я готовъ вѣриши словамъ вашимъ хошу сего но полъ внезапная вѣсть шастіе полъ неожиданное прости, Веніаминъ, есшлы я еще въ ономъ сумнѣваюсь.

Спрашусь увѣриться на полѣ малыхъ доказательствъ: есѣли же все сіе мечта, въ какую бездну я паки поверженъ буду! Многое великъ миѣ познавати сына моего въ Правителѣ Египта, но во многомъ не зрю я Іосифа. Какъ! онъ предпочтилъ намъ величество! уклонился въ чужую страну отъ отца своего и Селимы! оставилъ насъ проливами слезы, наслаждался самъ блаженною судьбою! опустилъ васъ прежде не познавая! не возвѣстилъ миѣ о жизни своей! . . .”

„Пріиди, рекъ тогда Веніаминъ, виждь колесницы и дары тебѣ посланные. Онъ тебя въ Египетѣ ожидаетъ; Царь даетъ тебѣ плодоносную Гессенскую землю. Всѣ твои сомнѣнія разгнаны будутъ. Богъ, приведши Іосифа къ престолу Фараонову, восхотѣлъ его тамо удержати; братъ мой долгое время несчастный, и возведенный наконецъ на чреду сію, послалъ къ намъ единого изъ рабовъ, который погибъ на пути . . . Прочее увѣдаешь изъ собственныхъ устъ его”

Слово сіе прервалъ спарецъ, который въ провожденіи Селимы и всѣхъ

своихъ дѣшей, приближается, поспѣшаетъ слабыми снопами, и выходитъ изъ сѣни своя. Но едва узрѣлъ онъ колесницу и дары Іосифовы, уже радость неизреченная является на лицѣ его; онъ весь трепещетъ; возводитъ очи и руки на небо, не произнося ни единого слова; нѣкія слѣзы текутъ по лицу его. „Я ничего болѣе не желаю, рекъ онъ наконецъ, когда сынъ мой живъ, я иду, и узрю его прежде, нежели умру.“ Рекъ онъ, и вѣтъ себя отъ радости объемлетъ Селиму, которая въ восхищеніи своемъ прижимаетъ его къ трепещущей груди своей: радость вселяется во весь домъ; жены и младенцы исходятъ изъ сѣней своихъ, и сѣнь Іаковлю окружаютъ; имя Іосифово всѣми усты произносится; эхо повторяетъ сей блаженный гласъ. Всѣ идутъ, спѣсняяются, каждый хочетъ быти свидѣтелемъ веселія спарца и Селимы.

Но Іаковъ начавъ слово свое: „О возлюбленные дѣши! рекъ онъ, не хочу я возмущаши нашего воспора! Сей день долженъ быти днемъ праздника нашего; я обрѣлъ сына моего, а вы своего брата: но въ безмѣрной нашей радости,
сми,

сти, забудемъ ли того, кто намъ возвратилъ его? Излишняя чувствительность можешь преобращишься въ самую неблагодарность. Когда сердца наши исполнены еще истиннымъ веселіемъ, пойдемъ пролиши оное на олшарь Бога Авраамля, и не довольствуясь единымъ прошеніемъ начашковъ земныхъ благъ, предложимъ ему приношеніе сладчайшаго нашего чувствованія.” По сихъ словахъ они опверзающъ ему пущь, и спарецъ, провождаемый всѣми своими, величественными спопами удаляется онъ сѣни: вмѣсто радости, коей онъ предавался, видна была тогда на челѣ его спокойная ясность.

Среди всѣхъ пастырскихъ жижинъ дому Іаковля, кедры и пальмы, коихъ верьхи касались облакамъ, окружали въ проспранномъ мѣстѣ и на единомъ холмѣ, олшарь, сотворенный онъ земли, и дерномъ покровенный; Авраамъ собственными руками своими посшавилъ оный, и насадилъ дресеса сіи; храмъ сей былъ его и Исааковъ, сквозь сихъ вѣшвей возвышалось къ небесамъ моленіе и куреніе ихъ жершвъ; хоръ любящихъ сіе уединеніе пшицъ, восшавалъ

лутѣ вѣчно сладостныя пѣсни. При вступленіи въ сіе мѣсто, понятіе о всевышнемъ Существѣ тамо обожаемомъ, простое и чистое ему приношеніе, воспоминаніе о почтенномъ начальникѣ сего служенія, древняя и священная сѣнь, гдѣ некогда Ангели соединяли съ смертными гласы свои, вся природа свидѣтельница сему наипокорственнѣйшему человѣческому дѣйствию, и мысль о томъ, что во всемъ пространствѣ земли, и въ невидимомъ множествѣ храмовъ, сіе едино мѣсто посвященно Господу вселенныя, словомъ: все возбуждало тамо важныя чувствованія, и поражало душу страхомъ благочестія.

Іаковъ восходитъ на холмъ, который всеневно орошаемый по его велѣнію, и охраняемый ошъ умовъ небесныхъ, избавленъ былъ казни, сію спрану опустошающей. Какъ тѣ спрашныя горы, коихъ возвышающіеся выше облакъ верьхи, безопасны ошъ водъ и грому, сохраняющъ подъ всегдашнею ясностію неба вѣчную зелень, когда подошвы ихъ льдомъ покровенны; тако здѣсь кедры и пальмы сохраняющъ
дре-

древнюю сѣнь свою, олшарь одѣянъ былъ дерномъ и цвѣтами, зефиры казались обипанни въ семъ единомъ мѣстѣ, и всѣ пищи, убѣгая спранъ опустошенныхъ, въ сіе пріятное убѣжище преселились. Въ средину онаго вступаешъ Іаковъ; по единую спрану предстоитъ ему Селима, по другую юнѣйшій сынъ его, и всѣ ближніе его олшарь окружающъ. Всѣ на долгій часъ умолкающъ; каждый радость свою вперяешъ въ сердце свое; всѣ даже до младенцовъ подражающъ благоговѣнію Іаковлю, который возвелъ очи свои на небо, и держа въ рукъ своей козлище: „Боже Авраамовъ и Исааковъ! рекъ онъ: Ты еси Богъ Іаковль; ты возвращаешь веселіе дому нашему; ты оживляешь родительское сердце, пораженное скорбію и лѣтами; ты миѣ сына возвращаешь; сына, коего я оплакивалъ полъ долго; ты испоргнулъ его отъ звѣрей люпыхъ; десница твоя извлекла его изъ гроба. Нынѣ молю тебя о единой шокмо благоспи: да узрю я прежде смерти моея, да обѣиму сего возлюбленнаго сына! Пріими сіе свидѣтельство нашія общія благодарности, и послѣднюю жертву, въ сихъ мѣстахъ
тебѣ

тебѣ приносимую Цвѣты! возсылайте къ небесамъ сладчайшее свое приношеніе! Пшпцы! соединяйте со гласомъ моимъ пѣсни своя! Кедръ! пальмы! изображайте радость мою своимъ препешаніемъ! Да поможетъ мнѣ вся природа! и вы дѣла мои! вы не будете безчувственны къ сему, примите и вы участіе въ моемъ воспоргѣ!» Въ самое то время поражаетъ онъ жершву; кровь течетъ на оларѣ, и радостныя слѣзы лѣются изъ очей старца, и соединяюща сѣ жершвенною кровію. Тогда Селима, не возмогши заключати болѣе чувствованія въ сердцѣ своемъ, проспирается предъ оларемъ, объемлетъ его, и возводитъ къ небесамъ свои взоры; уста ея безгласны; но благодарность никогда шоль сильно не изображалася; слѣзы ея орошаютъ грудь ея, и сѣ куреніемъ жершвоприношенія восходящимъ до облакъ соединяетъ она чистое приношеніе своихъ воздыханій. Между тѣмъ цвѣты испускаютъ ароматы свои, пшпцы воспѣваютъ нѣжныя пѣсни, кедръ и пальмы движутъ свои вѣтви, вся природа кажется чувствевна къ воспоргу ошца чадолюбиваго, и всѣ ближніе

ніе его произносящѣ гласѣ радостный. Но сердце Симеоново было возмущенно. „О небо! вѣщалъ онѣ вшайнѣ, достойнѣ ли я приступиши ко олтарю сему, и согласиши моленіе мое съ моленіемъ добродѣтельнаго спарца? Благословлю тебя исправившаго мои злодѣянія, и пославшаго радость въ сердца, исполненныя прежде горести виною моею. Но могу ль я надѣянися, что ты меня прощаешь, и что я вѣчно не буду раскаяніемъ терзашися!“ Таковы были его моленія, и призывая небеса, не смѣлъ онѣ возвесити на нихъ очесѣ своихъ.

По окончаніи жертвы, Іаковъ со всѣми своими, возвращается въ сѣнь свою. Тогда дѣши его, и ихъ младенцы, пріемлющѣ въ руки своя дары Іосифовы, и приносящѣ оныя опцу своему и Селимъ, кои обнявъ сіи дары: „О день! блаженный день! возопили, день разсвѣтующій неизреченно съ тѣмъ, въ который узрѣли мы окровавленную его одежду!“ Пошѣмъ Іаковъ угощавляетъ для всѣхъ своихъ великолѣпное пиршество; по опсудствіи сына своего онѣ первый еще разъ созываетъ своихъ ближнихъ. Во время праздника сего бесѣ-

бесѣдовали всѣ о единомъ Іосифѣ; спарецъ усугубляетъ о немъ свои вопросы. Онъ хочетъ вѣдати, какимъ образомъ приведенъ сынъ его во Египетъ. Всѣ они умолкаютъ, и Симеонъ едва смущеніе свое таити можеть. Рувимъ просперъ наконецъ слово свое: „Іосифъ, рекъ онъ Безъ сомнѣнія не хотѣя обновити скорби нашея . . . мало вѣщалъ намъ о сихъ несчастныхъ временахъ Лютые вѣрвары . . . поразили его многими ударами . . . продали Мадіанишамъ . . . кои повлекли его въ неволю.” Симеонъ блѣднѣетъ отъ сихъ словъ, Іаковъ и Селима воздыхаютъ. Ввечеру, вошедъ въ жилище свое Селима, останавливается предъ ковчегомъ хранящимъ ризу ея возлюбленнаго, она опроверзаетъ его, и слезами радости нынѣ орошаетъ. Потомъ спѣвши она сняши кипарисъ, одѣвающій сѣнь ея, и сонъ приводя къ ней веселыя изображенія, прерываетъ смятенный восторгъ, коему предалося ея сердце.

Едва аврора луга освѣщаши начала, уже спарецъ пробуждается веселіемъ души своея: онъ воспаетъ, и желая единъ предашия толь новымъ

для

для него чувствованіямъ, идетъ въ
роуду, стоящую близъ сѣни своя. Раз-
мышляя объ Іосифѣ и ласкаяся наде-
ждою узрѣни его, приходитъ онъ на
мѣсто роуди стоя, которое священо
было: тамо зримый былъ единый великій
камень: но тогда нечувствительнѣйшее
твореніе природы было знакомъ благо-
честія. Возврѣвъ на сей камень, вос-
поминаетъ Іаковъ о томъ, что изпре-
било изъ памяти его радость и жела-
ніе обняти Іосифа; приводитъ онъ на
мысль свою, что на семъ мѣстѣ явил-
ся ему Ангелъ Господень, слова сіи вѣ-
щающа: „Землю сію дарованную Богомъ
Аврааму, даетъ Господь тебѣ и сѣмени
твоему. Ангелъ сокрылся, а Іаковъ
изліялъ масло и вино на оный камень.
Онъ воспоминаетъ о семъ произше-
ствіи, и кажется ему, что гласъ без-
смертный, слышимый еще во ушесахъ
его, повелѣваетъ ему навсегда въ сей
спранѣ обитать. Въ самое то время
чаешъ онъ внимати Аврааму вѣщающему
такъ: „Ты хочешь оставить сей домъ,
гдѣ утвердилъ стопы моя Превѣчный,
сей олтарь мною ему посвященный, сію
сѣнь руками моими воздвигнушую, прахъ
мой,

мой, отца твоего и супруги твоея! кости твои возлѣ ихъ костей не опочившѣ! Что будутъ сіи многочисленные знаки Божіи благости и нашего ему благодаренія? пакъ все сіе исчезнетъ, и дѣши твои смѣшающіяся съ языческимъ народомъ! имя Божіе запомнися на земляхъ, и скишающаяся плѣнь моя плещино искани будетъ моего племени и чшущихъ Превѣчнаго!”

Іаковъ воспренемалъ онъ сего изображенія: съ какою горячностію ни желаетъ онъ обняти Іосифа, и скончавши при немъ свое печеніе, но вѣра имѣетъ болѣе владычества въ душѣ его, нежели родителъская горячість. Между тѣмъ онъ въздыхаетъ, сненаетъ, и преклощенный на камень орошалъ его слезами вопія: „Іосифъ! Іосифъ! или обрѣлъ я тебя, не вкушая утѣшенія зрѣти тебя, или десница твоя не зашворитъ очей моихъ?” Во время душевнаго его колебанія, приближается сквозь древесъ блестящій образъ; камень сталъ освѣщенъ онымъ: чело его увѣчанно было вѣнцемъ, который казался быши сложенымъ изъ солнечныхъ лучей, а одежда его казалася испиканна багрянницею ражда-

ждающейся авроры; злато и сафиръ на крыліяхъ его блистали; спокойное веселіе, подобіе вѣчныхъ весны на небесахъ царствующей, умножало красоту лица, и величество его особы. Спарецъ подбѣмля очи, познаетъ Ангела явившагося ему на семъ самомъ мѣстѣ отъ Господа: онъ преклоняется предъ нимъ, и между шѣмъ спрашивается того, чѣмъ величіе дѣшу его возмущающее не было обновленно.

Отжени смятеніе душъ своея, рекъ ему Ангелъ, и окрестное эхо повторяло сладостный звукъ сего гласа; не прихожу осуждати твоего желанія: прими на сей землѣ воздаяніе отъ Бога твоимъ добродѣтелямъ; предай сердце свое родительской любви; иди обняти сына своего. Вся вселенная есть храмъ Всевышняго; ты можешь повсюду воздвигати олтари ему, и взоръ сына твоего будетъ тебѣ и ближнимъ твоимъ сладчайшимъ знакомъ его благодѣянія. Иди, принеси ко престолу языческому, принеси служеніе чистое и священное Существу всевышнему; да расспросишься на полдень свѣтъ, востокъ просвѣтивши. Племя твое съ симъ

Томъ II.

X

чуж-

чуждимъ не соединившя, и еспьли пмъ еще сѣшущемъ о семъ жилищѣ, то прїиди, послѣдуй на сей холмъ за мною, и я опшрою тебѣ будущее.”

Снарецъ повинуется, и вознедѣ на высоту холма, обращаетъ очи свои на ядолъ проспранную. Онъ зрѣтъ дѣшей своихъ умножившихся во Египтѣ, яко песокъ морской, и колѣно Іосифово почтенно отъ Царей и отъ народовъ; внезапно восшаемъ шираниѣ приводящій оное въ неволю. „Такъ всѣ они подвергнулися судьбинѣ Іосифовой! возопилъ Іаковъ; но кто еспъ сей юноша красоны разпшельной упѣшающій ихъ, увѣщеващій и ободряющій? Онъ кажеться быти не рабъ: но съ ними единого языка!”

„Сей будетъ вторый Іосифъ, опѣшасъ Ангелъ; преданный отъ рожденія своего водамъ, и воспитанный во дворѣ Царскомъ, въ семъ Океанѣ раче всѣхъ водъ волнующемся, сокрушилъ онъ гордоспъ ихъ, и будетъ спасителемъ народа своего. Нынѣ обрати сюда очи свои.”

Тогда зрѣтъ Іаковъ неизмѣримое море, коего возмущенныя волны до небесъ

небесѣ восходили; но вдругѣ наспашѣ
пищина вѣлія, разверзася Океанѣ, и
движимыя волны ошвердѣвъ, соснавя-
ютѣ съ обонѣхъ странѣ изъ себя непо-
колебамую стѣну. Народѣ многочислен-
ный шествуетѣ по пуши сему. Іаковѣ,
познавъ своихъ пошомковѣ, ужасаетѣся.
Скоро слухѣ его пораженѣ спашѣ шу-
момѣ трубѣ и оружія: онѣ взираетѣ,
и видитѣ гордаго Царя сѣдѣща на ко-
лесницѣ, предѣидуща храброму своему
воинству, гонѣща племя Израилево;
по всему морю раздаетѣся звукѣ ошѣ ко-
лесницѣ, коней и страшнаго вопля;
усугубляетѣся спрахѣ Іакова. Но онѣ
зритѣ дыней своихъ исходящихѣ на
брегѣ, и Египтянѣ въ морской еще
пучинѣ готовящихся къ сраженію; вне-
зѣпу гласѣ Божій слышитѣся на водахѣ,
и вихри носѣтся по онымѣ быстрыми
крылами: шолчасѣ обѣ стѣны колеблюп-
ся, и подобно зданію пошрясшемуся во
своемѣ основаніи, волны съ великимѣ
шумомѣ упалаютѣ, соединяютѣся и
бездна сокрываетѣся. Тогда изѣ нѣтрѣ
пучины, и сквозь шуму волнѣ возму-
щенныхѣ, возходятѣ стѣнанія и вопль,
и море во единую минушу покрываетѣся

оспашками колесницъ, оружія, коней и всадниковъ борющихся съ водами. Между тѣмъ сынове Авраамли воспѣвали на брегѣ пѣснь священную. Іаковъ возведъ очи и руки своя на небо, съ сею пѣснію свой соединяетъ гласъ.

Премѣняется явленіе, и онъ зрѣтъ гору до облакъ достигающую; отъ воспаленной вершины ея исходятъ молнія и громы; слышится священный гласъ небесныхъ трубъ, и все предъявляетъ присутствіе Божества истиннаго. Потомки Іаковли гору окружаютъ. Вопросаетъ онъ, кое зрѣлище предстоитъ его очамъ. „Се вѣщаетъ самъ Превѣчный, рекъ Ангелъ; вѣщаетъ онъ законы впечатлѣнные имъ въ сердца смертныхъ, въ сердца движимыя яко воды: о естли бѣ хопя нынѣ не забыли они его гласа!“

Наконецъ Іаковъ зрѣтъ племя свое возвратившееся въ жилище опцевъ своихъ; олтарь, поставленный рукою Авраама, премѣняется во храмъ великолѣпный; народы припекаютъ во множествѣ на сію священную гору, и онъ познаетъ мѣсто, на коемъ были гробы праотцевъ его. Едва отворачиваетъ онъ око
свое

свое отъ сего вида, уже не зрѣтъ болѣ Ангела: но исполненный радостию сходитъ онъ съ холма, и повелѣваетъ сынамъ своимъ угощаться къ обществу.

Тотчасъ наступаетъ смятеніе во всемъ домѣ: приготавлиютъ колесницы. Тако слышенъ въ ульѣ шумъ юныхъ пчелъ, кои разверзая крылья свои, оспавляютъ мѣсто своего рожденія, основавши новое селеніе.

День весь въ сихъ трудахъ препровождается, и уже ночь распроспирала по землѣ свои первыя пѣни, какъ Іаковъ, собравъ всѣхъ своихъ ближнихъ, повелѣваетъ имъ послѣдовать за собою.

Во исходѣ пастырскихъ жижинъ была пріятная роща, которую вихри почитали, гдѣ эхо гласу своего не производило, и гдѣ все привлекало къ сильному покою; всегда свѣжій дернъ покрывалъ тамо землю, и безчисленные цвѣты вѣчно исполняли воздухъ своими ароматами. Авраамъ приходилъ часто въ сію рощу для успокоенія, и взирая на смерть, какъ на спокойный сонъ, оканчивающійся прекраснымъ ушромъ, из-

бралъ онѣ сіе злѣшное мѣсто ко своему погребенію. Тамо яримы были древнѣйшіи гробѣ его и Исаака: гордоснѣ не поспѣвала сполловѣ на ономѣ мѣстѣ, ни начертала написанія; но вошедѣ подѣ сію шнѣ смерннй обѣмлемѣ былѣ благоговѣннмѣ; казалось, что самая добродѣтель, зрѣлася сѣдѣща на сихѣ гробннцахѣ, и самыя дровеса, въ коихѣ цѣлая часнѣ сихѣ священннхѣ праховѣ обращалася, были онѣ всѣхѣ почтенны.

Провождаемый всѣми своими, и несѣущи въ рукахѣ своихѣ цѣвны на оларѣ собранныя, Іаковѣ приходнѣ въ сіе мѣсто, орошаемое повсѣдневно по его велѣнію, и непоспѣвавшее онѣ всеобщія кѣзни. Луна изливала прїятннй свѣтѣ свой сквозѣ тихія лнствія: смарецѣ останавливается предѣ гробомѣ Авраама. „Тѣнѣ почтенная! рекѣ онѣ, и всѣ на долгій часѣ умолили; прїими послѣднее мое приношеніе; возродѣющѣ цѣвны, и ужѣ рука моя не разсыплетѣ ихѣ болѣе на сей гробннцѣ. Разлучаюсь съ нею, видѣши сына моего, единое благо оставшееся мнѣ на сей землѣ, сына моего, въ кошоромѣ швомъ обнннющѣ добродѣ-

бродѣтели: но когда сонѢ смерти зашворилъ очи мои, тогда съ побѣю соединюся, и прахъ мой съ швоимъ купно покоится будетъ.» Рекъ онѢ и преневающими руками разсыпавъ цвѣтны на гробѢ, оный обѣмлетъ. ВсѢ ближнѣе его, и самыя младенцы такожде прощаются со священнымъ прахомъ своего прародителя. Но когда СимеонѢ приступаетъ къ сей гробницѢ, кузъ по злодѣяннѣи своемъ онѢ еще не прихотѣвъ, тогда подобенъ плѣннику, котораго возкутъ на жертву ко гробу побѣдителя, блѣднѣетъ, пренецетъ, не смѣетъ ступити гробницѢ Авраама; но присунувъ ошца своего и ближнихъ спадъ онѢ принужденъ оное исполнитъ; преклонился на гробѢ, и вдругъ кажется ему, что оный колеблется, и его опрокидываетъ; вздымаются власы его, и онѢ воснаетъ ужасомъ обѣянный.

ІаковѢ со всѣми своими идеть потѣмъ на гробѢ Исаака, на коемъ такожде цвѣтны разсыпая, возмущался духомъ. Наконецъ приходитъ онѢ на мѣсто, на коемъ Ражиль погребена. ОнѢ на единую минушу умолкаетъ; живѣйшее чувствованіе пропадетъ его

душу. „Возлюбленная супруга! рекъ онъ, я иду зрѣти сына твоего, истинное твое подобіе. О естли бѣ прахъ твой, спавъ менѣе безчувственъ, возмогъ пріяти участіе въ веселіи моемъ!“ По сихъ словахъ преклоняется онъ надъ гробомъ, и когда руки его цвѣтами оной усыпаютъ, тогда онъ слезами его орошаетъ; потомъ долгое время держа въ своихъ объятіяхъ: всѣ ближніе его возмутились, и слезы щеки изъ очей Веніамина и Селимы. Удовлетворя симъ пріятнымъ чувствованіямъ природы, устремляетъ онъ еще единожды взоръ свой на сіи гробы и на сіе мирное уединеніе, въ коемъ онъ желалъ бы пребывать, естли бѣ не хотѣлъ видѣти сына своего, и потомъ въ сѣнь свою опшодитъ.

Нощъ не скончала еще своего печенія, и Селима не возмогши ожидаши часа назначеннаго ко опшесствію, оставляетъ одръ свой: молчаніе царствовало еще въ паспырскихъ хижинахъ: не хоща возмутишь сонъ Іаковль, приступаетъ она тихо къ его обитанію, и вдругъ зритъ его опшуда исходяща. Она устремляется въ его объятія, и
скоро

скоро попомѣ приходятѣ всѣ его сыны, жены ихѣ и младенцы со многисленными колесницами.

Тогда Селима входитѣ на единую минушу въ свое обитаніе. „Прѣспи, рекла она, посвященное скорѣби моей мѣсто; прѣспи сѣнь, бывшая жилищемѣ слезѣ и сѣшванія: я не наслаждалася сіяніемѣ твоимѣ, и уже не для меня оживятѣся твои лиспвія; свидѣтельница моя печали, не будешь ты свидѣтельницею взаимныя радости нашея. Примѣи послѣднія слезы извлеченныя воспоминаніемѣ прежнія моя горѣспи.“ Рекла, и очи ея омочены были нѣкими слезами. Но изшедѣ изѣ сѣни едва узрѣла она Іакова и Веніамина сѣдящихѣ на колесницѣхѣ, уже слезы ея спали осушенны; веселіе оживляетѣ черты ея лица; она восходитѣ спѣшно на колесницу по единую спрану спарца. Тогда всѣ ближніе Іакова такожде восходятѣ. Всѣ двигнулись съ мѣста своего, и колесницы безчисленными спадками провождаемы были. Іаковѣ взираетѣ въ послѣдній разѣ на сѣнь свою, и хопя шествуетѣ онѣ зрѣши сына своего, но не можетѣ безѣ жалости оставиши жилище

опицевъ своихъ. Каждый смущенные
очи обращаетъ на прежнее свое обина-
ніе. Воздыхающъ мужи, и очи женъ
исполняются слезами, а младенцы ра-
дуются объ опшеснви своемъ въ чуждую
спрану, веселымъ гласомъ восклица-
ющъ; сіи смѣшенные звуки, соединен-
ные со гласами ревуущихъ воловъ, и о-
вецъ блеющихъ, раздаются въ сѣняхъ
опускѣвающихъ даже до самыхъ нѣдръ
пѣхъ гробницъ, кои едины на мѣстѣ
ономъ остаются.

Между пѣмъ Іосифъ ожидалъ съ не-
перывнымъ прииспвія ближнихъ своихъ.
Какъ во время долгія и мрачныя ночи,
прстѣкающіи движимые пески Африкан-
скіе, и внемлющі единому грому смѣ-
шенному съ рыканіемъ львовъ спраш-
ныхъ, узрѣвъ наконецъ лучи авроры, услы-
ша гласъ человѣческій, и возшедъ на швер-
дую землю, спрашивая еще, чѣмъ
оная подъ ногами его не обрушилась,
чѣмъ не ввергнулся онъ паки во мракъ
нощи, и чѣмъ лютыя звѣри не похиши-
ли корысть свою: тако Іосифъ видѣя
многожды себя съ высопы блаженства
низверженнаго въ бездну золь, нѣкимъ
объемленнымъ страхомъ: koliko ужѣ
крамѣ

крашѣ изпоргнушѣ онѣ былѣ онѣ свои
ихѣ въ самую ту минушу, когда чаялѣ
онѣ имѣши ихѣ во своемѣ обѣщаніи!
Дерзненіи ли онѣ върини и нынѣ шоль
деспной надеждѣ, и можешѣ ли онѣ
увѣреніи быти въ томѣ, что щасше его
ничемѣ не возмущишя, и что након-
ецѣ уаришѣ онѣ себя возлюбленными
своими окружена?

Между тѣмѣ во единое утро воз-
спаетѣ онѣ съ радостію, каковую дох-
тое время сердце его не ощущало, и
Ангелѣ летящій между небомѣ и землемѣ,
и возвѣщающій скорые славы рба
добродѣтели и оныхѣ награду, вѣща-
етѣ сии слова Іосифу: „Приходишѣ
твоей родинѣ.“ Въ ту самую мину-
шу уснаряется онѣ съ одра своего,
облекается въ оджду свою, повелѣва-
етѣ колесницу себѣ уготовити, восхо-
дитѣ на оную, и спѣшитѣ въ поле на
срѣщеніе родинѣ. Когда быстро ка-
чнется колесница, тогда онѣ алчный
взорѣ свой вдаль уснаряетѣ. Нако-
нецѣ гласы многочисленнаго снѣла пора-
жающѣ слухѣ его, и въ концѣ горизон-
та зринѣ онѣ густое пыли облако:
какѣ нѣкое божество, во облачныхѣ
нѣ-

нѣдрахъ снисходитъ съ небесъ на помощь смершнымъ, тако Іаковъ со всѣми своими приближается. Тогда летятъ быстро кони Іосифовы : очи его хопятъ проникнуть сквозь пыль, сокрывающую онъ него возлюбленные ему виды : сердце его трепещетъ, и самыя малѣйшія препяшсшвія неперпѣніе его раздражаютъ. Но прешедъ разстояніе, разлучающее его съ своими, входитъ онъ во облако, и можетъ хопя слабо различити онъ прочихъ опца своего и возлюбленную, онъ спѣшно сходитъ съ колесницы, и бѣжитъ къ Селимъ текущей на срѣщеніе его. Нѣсколько минуиъ остается онъ во обѣщаніяхъ ея, но сыновія горячностію любови одолѣваетъ; они оппоргаются другъ онъ друга, и вспомошесшвуя Іакову негодующему на медленностію своя спаросни, сводятъ его съ колесницы. Тогда всѣ прое соплеия рѣки своя, какъ единою душею оживошворялись, соединяли долгое время воздыханія свои, слѣзы и слова прерывающіяся. Іаковъ, не оставляя имѣши въ рукахъ своихъ дражайшаго сына, возводитъ къ небесамъ очи, въ коихъ сердечная сіяетъ благодарностию.

ность. „Великій Боже! возопилъ онъ...
Такъ истинно сіе . . . Такъ я непустый
ужё образъ сына моего объемлю . . . я
умру доволенъ.“ По сихъ словахъ Іосифъ
съ большею силою объемленъ старца: про-
тивясь толикимъ бѣдсвѣямъ, готовъ
онъ былъ пасти подъ бременемъ веселія;
онъ въ восторгъ произносилъ сладчайшія
имена отца и супруги, и чувствованія
любви и дѣтской горячности, не ослабѣ-
вая, соединяются въ душѣ его. Седима
безгласна, шрепеща, восторгомъ изумлен-
на была въ обѣщаніяхъ Іосифа; видно было
біющее сердце ея; едва опъ радости мо-
гла она дышати; то слѣзы ея лилися рѣ-
кою; то вдругъ они останавливались, и
вся ея чувствительность вперенна была
во внутренность души ея. Не выпускали
они изъ рукъ одинъ другаго, какъ бы
спрашася каждый лишиться еще поль-
любезнаго ему вида. Между тѣмъ окру-
жены они были всѣми ближними своими,
кои взирали смущенными очами на сіе
нѣжное зрѣлище. Наконецъ они ошпор-
таются опъ сихъ пріятныхъ узъ, и
взираютъ другъ на друга съ изображе-
ніемъ истинныя горячности: скоро по-
томъ возобновляютъ они свои обѣ-
щанія:

янiя: Іосифъ онѣ онца своего къ своей возлюбленной переходитъ, и наки къ старцу возвращается. Когда удовлетворилъ онѣ сему первому восторгу, тогда шествуетъ онѣ къ ближнимъ своимъ; повсюду зрѣтъ онѣ или братьей, или женѣ ихъ, или ихъ опраслей: онѣ непрерывно ихъ угождаетъ; единая его чувствительность можетъ довольна быть на шель долгое наъявленіе дружества; слышенъ былъ шумъ пріятный, соединенный съ радостнымъ крикомъ. Іаковъ и Селима были свидѣтелями сего общаго удовольствiя, кое на челахъ ихъ такъ изображалось, какъ солнечные лучи во глубинѣ волной сіяютъ.

Но Іосифъ, соединивъ съ обществомъ своимъ и Селимою, возводитъ ихъ на свою колесницу, и самъ на оную восходитъ; всѣ присматривъ наки мѣста свои, и шествуютъ къ Мемфису. По прибытіи ихъ туда, народы онѣ концы Египта спешающа зрѣти почтеннаго старца, рожданаго изъавннела сего государства: Царь хочетъ самъ нѣкоему воздаши приношеніе, и сынъ приводитъ Іакова предъ пронѣ своего Государя. Украшенный сѣдыми власами

и добродѣтелями своими, обращаетъ на себя сшарецъ вниманіе Монарха, и пріемлетъ отъ него дань почитанія.

Іаковъ благословляетъ Царя, который о дѣлахъ его вопрошаетъ: „Я сшранствую, опвѣщаетъ онъ, сшо пріидеши дѣшъ; время жизни моей кратко и прискорбно, и не сравнилось со временемъ жизни опцевъ моихъ.“

Между шѣмъ Египецъ достигаетъ до конца своего бѣдствія, и природа начинаетъ украшаться всѣми прелестями своими, какъ бы для шоржесшва сего блаженнѣшаго брака. Опверзаются небеса и посылаютъ на землю свое благословеніе: снисходитъ Ангелъ, служитель ихъ благодѣанія: онъ повелѣваетъ облакамъ и бури: Ливійскіе вихри заключаются, и съ полудня приближается величественно долгій рядъ облаковъ, приносящихъ изобиліе. По семъ щасшливомъ знакѣ ходатай Египта прилетаетъ паки ко исходуу Нилоу. Тогда пошюки, подобныя многимъ рѣкамъ соединеннымъ, съ небесъ упадаютъ: уже въ нѣдрахъ дикихъ камней некушъ благошворящія воды, умножаясь всеминутно; воспріемлютъ они прежній
путь

пусть свой; скоро народы ближайшіе къ порогамъ ощущающъ колебаніе земли, и внимающъ страшному шуму, равно какъ бы нѣкое созвѣдіе ударило въ потрясшейся шаръ нашъ. Вдругъ они объемлются страхомъ; но узрѣвъ низринувшійся Нилъ во свои знойные предѣлы, ужасъ свой на радость премѣняющъ; чѣмъ ближе онъ пришекаетъ, тѣмъ съ большимъ крикомъ радости народы его пріемлютъ. Нынѣ онъ воздымается, побѣждаетъ свои предѣлы, и алкая орошати землю шоль долго имъ оставленную, проливаетъ онъ повсюду свои быспряя воды: весь Египетъ есть пространное море, на коемъ подобны малымъ островамъ, зримы были грады и паспырьскія хижины. Едва рѣка входитъ въ предѣлы свои, уже цвѣтны и прѣвы возрасстаютъ; оживляется Египетъ, и можно бы реци, что исходитъ онъ изъ водъ украшенный всею красою, тако изображающъ царицу любви украшенну всѣми ея прелестями, исходящую изъ водъ, гдѣ она родилась. Народы взирающъ съ восхищеніемъ на зрѣлище сіе: уже птицы прилетаютъ паки въ оживленныя рощи; уже стада

спада́ исходящѣ на дуга́; все поржествуетъ сіе обновленіе природы, и человѣкъ пѣсни свои съ ихъ гласомъ соединяетъ.

Тогда Іосифъ, коему Египтяне поручили зѣмли свои и все имѣніе, возвращаетъ оное первымъ ихъ владѣтелямъ; бывшій самъ рабомъ и познавъ права человѣчества, не желая онъ покориши цѣлыя народы; онъ вѣдаетъ, что безопасность престола и счастье людей состоитъ во блаженномъ согласіи власти съ вольностію; возвращаетъ имъ спада́ ихъ и всѣ сокровища, коихъ былъ онъ полъ долгое время божествомъ сохраняющимъ.

Помомъ, съ согласія Пентефріева, желая онъ прежнихъ своихъ союзниковъ изъ неволи свободити: но съ того времени, какъ возмогъ онъ облегчить ихъ судьбину, предпочитаютъ они ея вышшему состоянію; они усердствуютъ господину своему; любящъ спада́ свои, и уже очи ихъ на цвѣшущія поля обращаются.

Удовлетворя своему долгу, предается онъ сладчайшимъ чувствованіямъ. Уже уединенная сѣнь его, гдѣ онъ свои оплакивалъ несчастія, покрывается зеле-

нымъ дѣлѣмъ; друзья его посвяща-
ли украшенію сего жилища первые
цвѣты, кои въ сей странѣ произраста-
ли; тамо же охотѣ онъ заключиши
уги своего брака, приведъ шуда ближ-
нихъ своихъ. внемлетъ онъ симъ сло-
вамъ Селимы: „Почто не можемъ мы
содѣлани сей благополучный союзъ во
брачной сѣни, пригопвленной руками
твоими въ родителѣскомъ домѣ!“ Іо-
сифъ на сіе ей не отвѣщаетъ: но когда
они вошли въ рощу, тогда Селима прі-
ятнымъ удивленіемъ спала пораженна,
видя сѣни шоя совершенное подобіе.
Іаковъ упадетъ ницъ предъ олтаремъ
воспоминающимъ ему олтарь Авраама.

Между тѣмъ оповодитъ онъ ошъ
всѣхъ Іосифа и Селиму: „Возлюблен-
ный мой сынъ, рекъ онъ, для тебя
оставилъ я опцевъ моихъ жилище; я
не скорблю о томъ, я узрѣлъ тебя; по-
слѣдніе мои дни тобою оживленные,
посвященны будутъ тебѣ, подобно
впадающему въ море источнику, копо-
рый совращаетъ на единую минуту свое
теченіе, веселый оросити лугъ. Но
когда рука швоя зашворитъ мои очи,
почто были мнѣ въ чуждой землѣ по-
гребен-

гребенну? Обѣдай мнѣ въ сей торжественный день, обѣдай пренеси плуда прахъ мой, гдѣ покоишься прахъ Авраама, Исаака и Рахили, дабы нѣкогда возможно было намъ восстати купно отъ персти земныя Но сердце твое не предвзвѣдѣ ли моего желанія?" . . . „Такъ, отвѣщаеиъ Иосифъ, исполня слезами свои очи . . . Воздвѣ шебъ сей послѣдній долгъ . . . обѣдаю я, что смерть не долго насъ разлучитъ; хочу, чтобъ удаленный отъ пирамидъ и великолѣпныхъ Египетскихъ гробницъ, прахъ мой положенъ былъ возлѣ священныхъ гробовъ моихъ праотцевъ . . . возлѣ твоего гроба . . . Тако не буду я исторгнутъ во вѣки отъ родимельскаго дому, и когда разверзнется земля возвратити насъ свѣту, тогда встрѣнимся первые вѣторы наши, и я во твои обѣщанія устремлюся." Селима и спарецъ отъ сихъ словъ смягчаются. Иосифъ вопрошаеиъ онъ сына своего о приключеніи приведшемъ его во Египетъ. „Вѣдай, рекъ онъ ему, и удовлетвори наконецъ моему желанію. Не спрашися зрѣши текущія слезы мои; они послѣднія изъ очей моихъ

прольются, и уже сердце мое единое чувствованіе радости вкушапи будетеъ.”

Іосифъ возмутился: языкъ его едва могъ на припворсѣво преклониться, какъ вдругъ исходилъ Симеонъ изъ рощи, гдѣ съ братьями своими внималъ онъ сей бесѣдѣ, и проспирается къ ногамъ старца: нѣкое время пребываеши онъ безгласенъ; препенешъ, и отъ слезъ едва дыхати можетъ. Іаковъ и Селима взирающъ на Іосифа, который успрашася дѣйствіемъ брата своего, удержавъ молчаніе: „Тщешно швое спараніе, рекъ онъ, ты просилъ меня; но я болѣе не могу снести раскаянія моего, естли не просятъ мнѣ родители и Селима. Отецъ злощастный! коего спѣшилъ я низвергнуши во гробъ, ты хочешь знать который вѣрваръ поразилъ швоего сына, ты зришь его передъ собою” Іаковъ блѣднѣетъ. Тогда Іосифъ упадаешъ къ ногамъ его, и гласомъ и слезами своими испрашиваетъ прощеніе брату своему. „Великій Боже! возопилъ старецъ, я могъ родить таковаго сына!” Но зря слезы Іосифа и раскаяніе несчастнаго Симеона, копо-

который простершись на землю, и не смѣя возвести очей своихъ, спеналъ и вопіялъ, подаетъ ему руку. „Возспани, рекъ онъ ему, послѣдуя брану швоему, я тебя прощаю.“ Селима пожъ ему вѣщаетъ. Воспаелъ Симеонъ; не смѣетъ еще приступити ко отцу своему, но Иосифъ приводитъ его во объятія Іакова.

Тогда уже ничто веселія ихъ не возмущаетъ. Они шествуютъ предъ сѣнъ брачную, гдѣ ожидало ихъ сельское пиршество. Пеншефрій, Ишобалъ и пасыри къ оному приглашаются; всѣ пріяли мѣста свои окрестъ великія трапезы: посреда былъ сѣдѣй Іосифъ и Селима во брачномъ одѣянніи, и спарецъ, коего сѣдые власы цвѣтами были увѣнчанны, всѣ предаются веселію; самъ Симеонъ забываетъ свое раскаяніе. Во время торжества Селима предлагаетъ Іосифу лиру, содѣланную имъ, праздновати бракъ свой, и которая руками супруги его обѣшена была на вѣтвяхъ кипарисныхъ. Тогда царствуетъ глубокое молчаніе. Іосифъ воспѣлъ сіи слова, прерываемыя часто его восхищеніемъ. „Долгое время мракомъ смерши покровенный, и какъ бы во гробъ за-

ключенный, я болѣе уже не воспѣвалъ, и подобенъ жалующимся шбнямъ, сшелъ и воздыхалъ; цвѣты распускаясь исполняли воздухъ сладчайшимъ своимъ благоуханіемъ, и гласъ мой не прославлялъ оное; аврора украшалася прелестными цвѣтами, и я нечувствемъ пребылъ; казалось, что цвѣты окружали хладный прахъ мой, и что аврора гробъ мой освящала Но, о превѣчный! ты разгоняешь мракъ смерти, ты меня къ жизни призываешь, ты отверзаешь уста мои, и влагаешь лиру въ руки мои Прими первый звукъ ея посвященный мною веселію: шщепно пущыни и горы разлучали меня отъ моихъ возлюбленныхъ, ты сокрылъ пущыни и уравнилъ горы: лѣса преклоняютъ предъ тобою свои гордые верьхи; ревуцій Океанъ отъ гласу твоего останавливается; речешъ и звѣзды совращаютъ теченіе свое; вся природа обращается въ ничто, и паки велѣніемъ твоимъ оживляется Источникъ радости! ты сердце мое исполняешь; я окруженъ всѣмъ шбмъ, что мнѣ любезно; куда ни обращаюся очи мои, вездѣ спрѣшаю я или отца, или супругу, или любящихъ меня братьевъ,

пѣй, или возлюбленныхъ друзей моихъ. Роща уединенная! гдѣ нѣкогда чаялъ я видѣши ихъ образъ, нынѣ не мечна взоръ мой оболыщаеши, я зрю Іакова, Селиму, Веніамина и всѣхъ моихъ ближнихъ Сѣнь скорѣби посвященная! ты во брачную сѣнь, сжала превращенна. Листвія орошенныя слезами моими! пренецѣше ошѣ радости. Спада пріявшія въ печали моей участіе, играйше нынѣ а ты, лира, обѣщанная на плачевномъ дрѣвѣ, внуши брачныя пѣсни въ сей веселый день; кипарисъ въ миршѣ преобращается; спруны твои прославяшъ не сіяніе величества, не пышность престола, но добродѣтели Іакова, прелести Селимы, сладость брапскія любви, дружество, цвѣты, испочки, рожи, и все то, что нынѣ блаженству моему спомоществуеши.”

По сей пѣсни слѣзы радости изъ всѣхъ очей лѣются. Сердца Іакова и Селимы, неслышавшихъ полъ долгое время Іосифова гласа, плѣняются онымъ неизреченно. По окончаніи пиршества, оба супруга ведомы были въ сѣнь на одрѣ усыпанной благоуханными цвѣтами, гдѣ въ объятіяхъ другъ друга
забы-

забываютъ всѣ свои бѣдствія. Между пѣмъ луна посылаетъ лучи свои сквозь листвія; пшпцы, о снѣ не помышляя, собираются на вѣтвіяхъ составляющихъ сіе жилище, восхищеніе ихъ воспѣваютъ, и Нилъ течетъ пріятно предъ сими блаженными мѣстами.

По нѣкихъ дняхъ проведенныхъ въ сей рошѣ, приводитъ Іосифъ всѣхъ своихъ ближнихъ въ веселую Гессенскую страну. Еслибъ послѣдовалъ онъ единому сердцу своему, то жилъ бы въ сихъ спокойныхъ мѣстахъ со Іаковомъ; рука его воспріяла бы посохъ, и изъ чертоговъ своихъ снишелъ бы онъ въ сѣнь проспую: но безчувственъ къ гордынѣ и любочестію, не можетъ онъ быти шакowymъ къ моленію царя своего, и къ слезамъ цѣлаго Египша. Онъ оспаенъ на чредѣ, на кою возвышенъ былъ, и возвращается въ Мемфисъ съ Селимою. Оба они препоручаютъ Іакова Веніамину, и часто желая по важныхъ трудахъ насладиться спокойствіемъ, приходитъ онъ во объятія своего родимеля.

КОНЕЦЪ.

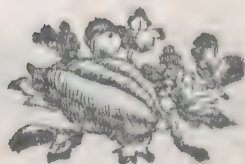
ПО-

ПОГРѢШНОСТИ

Напечатано,

Читай,

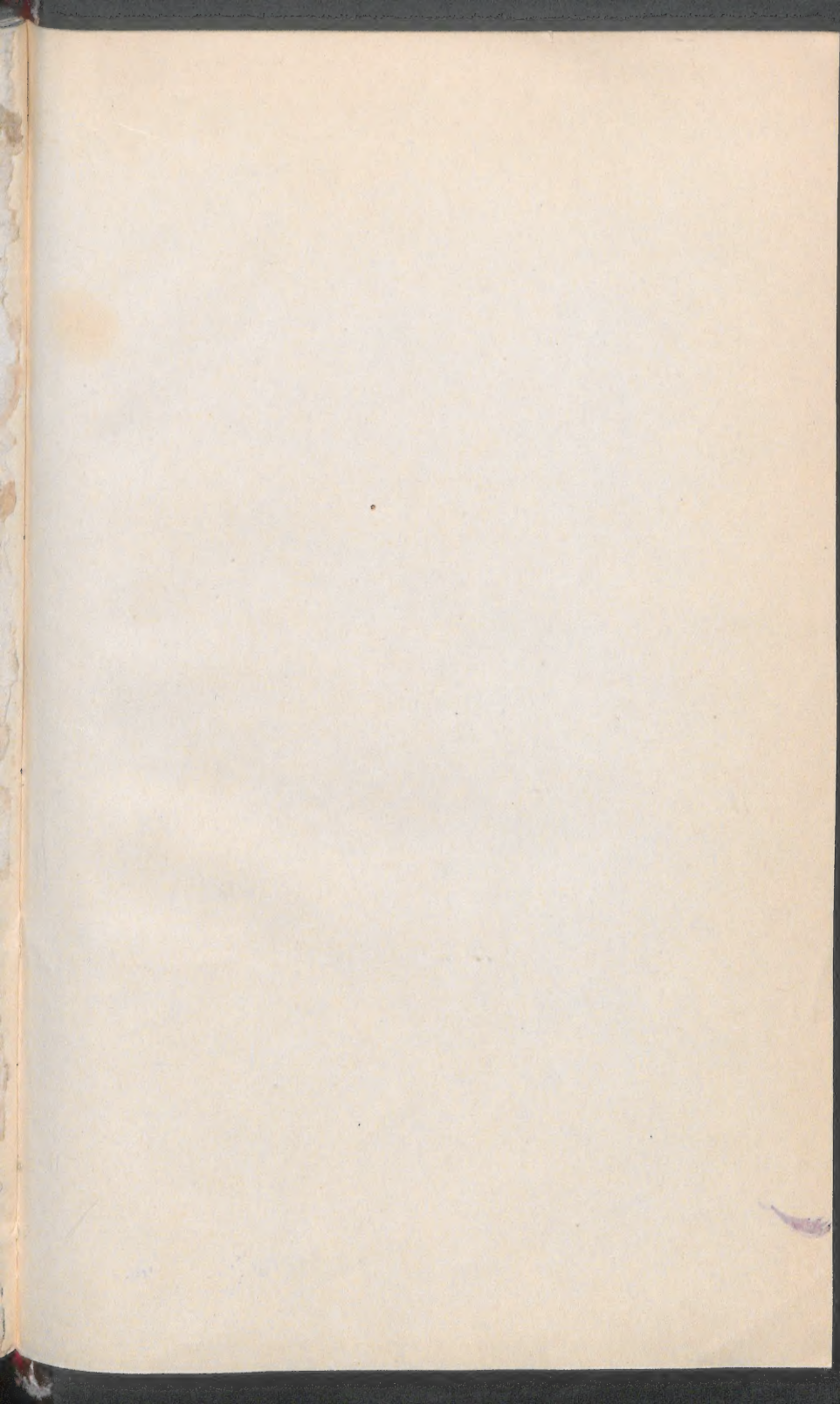
слова.	строкъ
8. предупреждали - предупреждало	10.
увынѣа, ведомый - увынѣа. Ведомый	23.
9. воинѣ - воинѣ,	11.
27. мѣра - мѣра	4.
31. посвященный, повѣст- посвященный. Повѣст- ствують, - ствують	26.
45. непримѣтно. Отецѣ непримѣтно, отецѣ	7.
75. но горячность сердца но воспожннанѣ сердцу моего возвращила моему либезное воз- вращало	6.
29. дому - долгу	7.

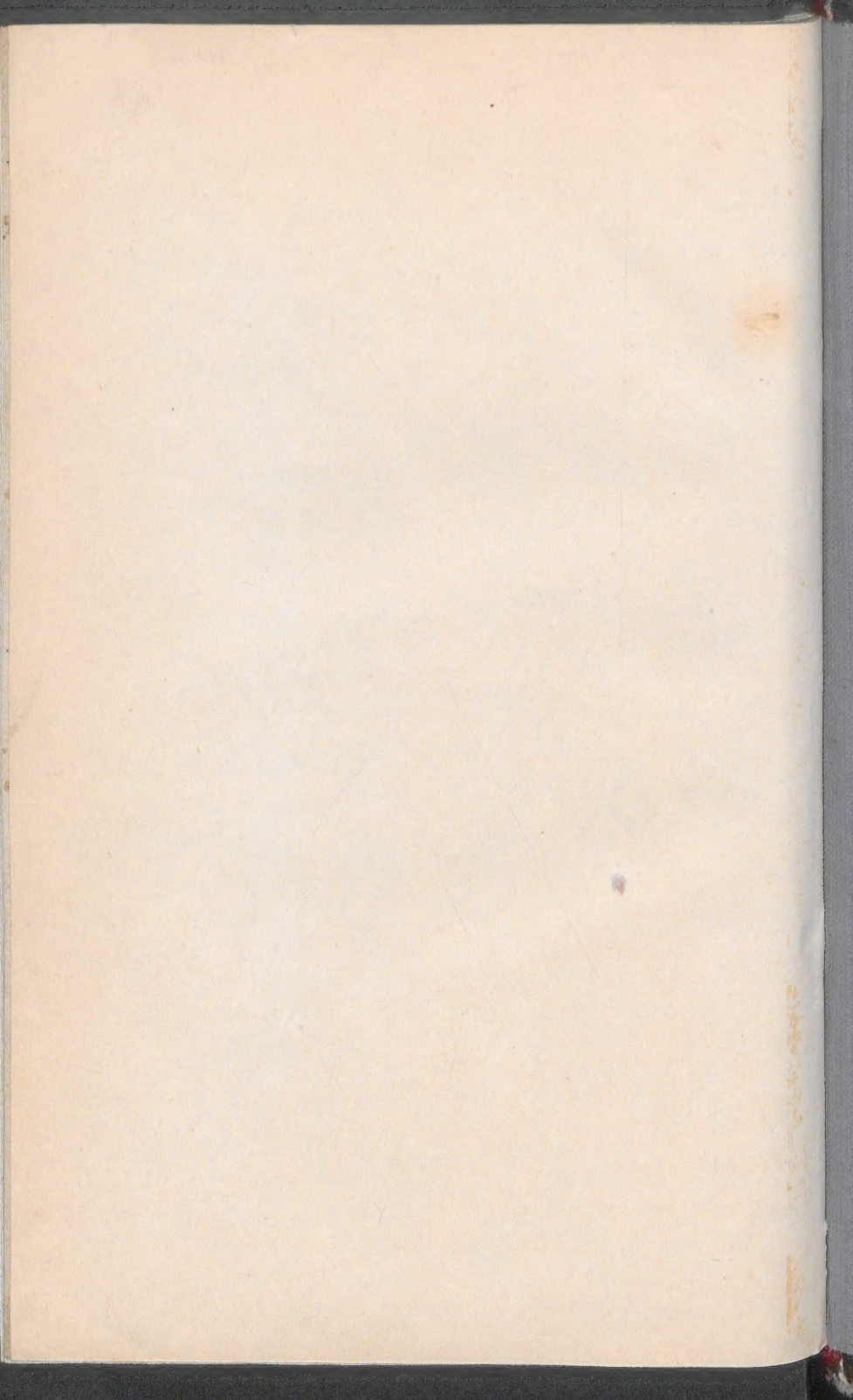

Цитируй свой листъ 1850

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

29973-0

Uncl. 1391

